

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Т.Б. Фрик

**«СОВРЕМЕННИК» А.С. ПУШКИНА
КАК ЕДИНЫЙ ТЕКСТ**

Монография

Издательство
Томского политехнического университета
2009

УДК 882:82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Ф59

Фрик Т.Б.

Ф59 «Современник» А.С. Пушкина как единый текст: монография / Т.Б. Фрик; Томский политехнический университет – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2009. – 192 с.

ISBN 5-98298-472-8

Монография посвящена журналу «Современник» – собственно пушкинскому периодическому изданию, выходившему в течение 1836 г. «Современник» А.С. Пушкина рассматривается как феномен эпохального самосознания, динамически развивающаяся эстетическая система, единый текст, вобравший в себя эстетику и проблематику времени.

Для специалистов в области литературоведения, а также для широкого круга научных работников, аспирантов и студентов вузов филологических специальностей.

УДК 882:82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Рецензенты

*Доктор филологических наук, профессор ТГУ
О.Б. Лебедева*

*Кандидат филологических наук, доцент ТГУ
Н.В. Жиликова*

Научный редактор

*Доктор филологических наук, профессор
А.С. Янушкевич*

ISBN 5-98298-472-8

© Фрик Т.Б., 2009
© Томский политехнический университет, 2009
© Обложка. Издательство Томского
политехнического университета, 2009

ВВЕДЕНИЕ

Особый исследовательский интерес к пушкинской эпохе, объективно обусловленный всплеском пушкиноведения в последние годы, способствует комплексному восприятию литературной и общественной жизни первой трети XIX в., осознанию роли и значения данного историко-литературного периода, в частности в сфере жанрообразования. Одна из основных тенденций развития литературы рассматриваемой эпохи: «Идея системы, "всеохватывающей композиции", универсализма становится "идеей времени" <...>. Идет поиск жизненных связей, сюжетные линии обретают большую целеустремленность, связанную с выявлением полноты бытия»¹. Идет поиск новых повествовательных структур и типов авторской организации текста.² Прозаический цикл во многом выразил эти потребности, а его эволюция в 1820–1830-е гг. – живая летопись литературного процесса. По мнению Л.Е. Ляпиной, общие корни активизации циклообразовательных тенденций «следует искать в глубинных слоях культурно-эстетического сознания, прежде всего в актуализации и ревизии самого понятия "целостность" в период перехода от риторической культуры к нетрадиционалистской»³. Однако на сегодняшний момент очевидно, что циклизация лишь одно из проявлений литературной целостности. Объединение произведений различных жанров, и, соответственно, образование из них единого эстетического целого служило выходом к крупным нарративным формам, что особенно актуально в период формирования новой русской прозы. В связи с этим в новейших исследованиях ставится и рассматривается проблема коммуникативно-художественной природы составных текстовых образований – метатекстов, среди которых выделяются журнал, альманах,

¹ Янушкевич А.С. Русский прозаический цикл: нарратив, автор, читатель // Русская повесть как форма времени. Томск, 2002. С. 102–103.

² См.: Михайлов А.В. Гоголь в своей литературной эпохе // Гоголь: История и современность: К 175-летию со дня рождения. М., 1985. С. 124.

³ Ляпина Л.Е. Литературная циклизация (к истории изучения) // Русская литература. 1998. № 1. С. 177.

коллективный сборник, авторское собрание сочинений и прозаический цикл. Так, по мнению В.С. Киселева, метатекст «выступает "конденсированной" моделью литературности: он вбирает в себя художественные и нехудожественные жанры, не проводит резкой грани между произведениями разных авторов, допускает текучесть состава, не обладает универсальными содержательными приметами, но при этом создает особую коммуникативную ситуацию, заставляющую воспринять отдельные его части как связанные неким центром, доминантой»⁴.

В современном литературоведении очевидно прослеживается стремление рассматривать журналистику как литературу. Не случайно на острие исследовательского интереса оказываются периодические издания как литературные памятники. Работы В.Э. Вацура, Е.М. Блиновой, Т.К. Батуриной, М.И. Гиллельсона, А.И. Рейтבלата, Л.Г. Фризмана, Н.Н. Зубкова, Н.В. Жиликовой,⁵ наряду с переизданием альманахов и журналов как отдельных книг: «Северная лира», «Полярная звезда», «Северные цветы на 1832 год», «Литературная газета А.С. Пушкина и А.А. Дельвига 1830 года (№ 1–13)», «Европеец» и др., в том числе и факсимильное издание «Современника», свидетельствуют об актуальности данного подхода. При этом восприятие периодических изданий как литературных форм заставляет исследователей так или иначе обратиться к формуле, выведенной еще В.Г. Белинским: «если есть идеи времени, то есть и формы времени»⁶. Принципиально важной для настоящей работы является тенденция рассмотрения альманаха, га-

⁴ Киселев В.С. Коммуникативная природа метатекстовых образований // Киселев В.С. Статьи по теории и истории метатекста (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века). Томск, 2004. С. 8.

⁵ Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина 1830–1831 гг. Указатель содержания. М., 1966. С. 3–46; Вацуро В.Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига - Пушкина. М., 1978. 288 с.; Фризман Л.Г. А.С. Пушкин и «Северные цветы» // Северные цветы на 1832 год. М., 1980. С. 295–337; Гиллельсон М.И. Пушкинский «Современник» // Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М., 1987. С. 3–39; Зубков Н.Н. Иностранная литература в журнале «Вестник Европы» Н.М. Карамзина: (Структура журнала и позиция издателя) // Книга в системе международных культурных связей. Сб. науч. тр. М., 1990. С. 63–84; Рейтблат А.И. Литературный альманах 1820–1830-х гг. как социокультурная форма // Новые безделки. Сб. ст. к 60-летию В.Э. Вацура. М., 1995–1996. С. 167–181; Батурина Т.К. Альманахи литераторов пушкинского круга: религиозно-нравственные искания в поэзии и прозе: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 44 с.; Жиликова Н.В. «Сибирская газета» (г. Томск, 1881–1888) как явление литературного регионализма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 22 с.

⁶ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 276.

зеты, журнала, развитие форм которых неразрывно связано с общим течением литературного процесса, в качестве «книги жизни» – «формы времени».

Поставленный еще формалистами (В.Б. Шкловским, Ю.Н. Тыняновым, Б.М. Эйхенбаумом) вопрос о журнале как жанре: «Русскую журналистику изучали без учета формы журнала, у нас только удивлялись, видя в толстых старых журналах цветные рисунки мод, удивлялись, замечая, что Пушкин писал в журналах мелкие желтые заметки. Заметки выщипывались из журнала в собрание сочинений, и там они сразу приобретали почтенный вид. <...> Вместо исследования журнальной формы мы утверждаем только, как нечто прочное, те отзывы, которые давали журналисты друг другу в процессе своей работы. <...> Журнал может существовать теперь только как своеобразная литературная форма. Он должен держаться не только интересом отдельных частей, а интересом их связи»⁷, получает развитие в современных исследованиях. Так, Н.Н. Зубков в статье, посвященной «Вестнику Европы» Н.М. Карамзина, говорит о том, что «Московский журнал» «перестал быть эфемерным сборником более или менее талантливо подобранных произведений: он стал, так сказать, живым лицом, выражающим определенные, хотя и неизбежно эволюционирующие идеи»⁸, а Г.В. Зыкова, рассматривая проблему журнальной и книжной разновидности русской прозы, отмечает, что любой текст, входящий в журнальное целое, приобретает характер журнальной статьи: «Внутри журнального номера тексты разных жанров образуют некий общий контекст для читателя, в идеале номер даже может быть выстроен как своего рода смысловое целое. <...> Художественное произведение в журнале может в той или иной степени приобрести свойства журнальных жанров – статьи и очерка, и избавиться от этих свойств в книге»⁹. Журнал в настоящее время рассматривается как цельная единица литературного процесса, одновременно объединяющая в себе синтезирующее и дифференцирующее начала: «<...> основная функция журнального метатекста – это трансформация безликих фактов и сведений,

⁷ Шкловский В.Б. Журнал как литературная форма // Шкловский В.Б. Гамбургский счет. СПб., 2000. С. 224–225, 226.

⁸ Зубков Н.Н. Иностранная литература в журнале «Вестник Европы» Н.М. Карамзина: (Структура журнала и позиция издателя). С. 63. Об этом же см.: Гончарова О.М. Образ *целого* национальной культуры в творчестве Н.М. Карамзина // Гончарова О.М. Власть традиции и «Новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. СПб., 2004. С. 217–314.

⁹ Зыкова Г.В. Проблема журнальной и книжной редакции русской прозы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 2003. № 4. С. 108.

взятых из любой области, в познавательную упорядоченную, эмоционально окрашенную и жизненно (ценностно) значимую картину действительности. Перевод индивидуального в общекультурное (и наоборот) поставлен в журнале на поток, он планомерен и универсален»¹⁰.

Особый интерес к периодическим изданиям первой трети XIX в. вполне закономерен. Процесс развития отечественного журнала от индивидуально-авторского, в большей степени характерного для конца XVIII в. (журналы Н.И. Новикова, Н.М. Карамзина), через кружковые издания (в большей степени альманахи) к форме профессионального, «толстого» журнала, вобравшего широкий спектр авторских позиций и читательских ожиданий в середине 1830-х гг., отражает смену общественно-литературной парадигмы. Профессионализация словесного творчества, перелом общественной жизни, связанный с коренными историческими переменами, понятие социального запроса и заказа требует иного взгляда на специфику и задачи периодического издания. Не случайно, проблема определения доминант журнальной полемики первой трети XIX в. до сих пор в центре исследовательского внимания.

Данное исследование посвящено изучению «Современника» – первого собственно пушкинского периодического издания, выходившего в течение 1836 г. История «Современника» как при жизни А.С. Пушкина, так и в течение почти тридцати лет после его смерти свидетельствует о неординарности этого журнала в истории русской журналистики. «Современник» недостаточно рассматривать только как периодическое издание, он является целостным общественным явлением, чью меру воздействия на развитие русского самосознания трудно переоценить: «Журнал создал идеологию целого поколения русских людей, был не просто выразителем, но и творцом того внутреннего содержания, которое несла в себе середина прошлого века, одно из ключевых звеньев русской исторической цепи»¹¹. Безусловно, год собственно пушкинского редактирования «Современника» оказал решающее влияние на развитие фундаментальной концепции издания в дальнейшем, в центре которой как при Пушкине, так и после него было стремление соответствовать собственному названию.

Пушкин, владея технологией создания коммерческих периодических изданий, во время работы над своим журналом делает выбор в пользу проблемного, глубоко современного издания. Знаково в этом от-

¹⁰ Киселев В.С. Типология литературных метатекстов // Киселев В.С. Статьи по теории и истории метатекста. С. 82.

¹¹ Прозоров Ю. «Современник» и современность: К столетию выхода в свет первого номера «Современника» // Нева. 1986. № 4. С. 151.

ношении высказывание В.Ф. Одоевского: «Его [Пушкина – Т.Ф.] долг был: показать хоть потомству изданием своего, даже хоть бы дурного журнала (а «Современник» между тем был лучшим из всех русских журналов), что он не участвовал в той [торговой спекуляции], в которой для многих заключается литература; этот долг на него налагался его званием поэта, его званием первого русского писателя»¹².

Уникальность «Современника» обусловлена особенностью вынужденно заданной формы – ежегодный четырехтомный журнал, – за счет чего неизбежно возросла его концептуальность. Издатель стремился компенсировать редкую периодичность особым подходом к наполнению номеров, что способствовало концентрации в каждом номере злободневных проблемных зон, авторских позиций, нашедших свое выражение в художественных и публицистических произведениях, которые приобрели впоследствии статус классических. Достаточно сказать, что четыре тома пушкинского журнала вместили в себя такие публикации, как «Путешествие в Арзрум», «Скупой рыцарь», «Капитанская дочка», «Нос», «Коляска», «Ночной смотр», «Париж (Хроника русского)» и др. В основе авторского состава, наряду с Пушкиным, – П.А. Вяземский, В.Ф. Одоевский, В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, А.И. Тургенев, П.Б. Козловский и др. Из общей массы периодических изданий журнал Пушкина выделялся открытой установкой на непереводной материал, особым вниманием к документальной сфере словесного творчества: научным и публицистическим материалам, «человеческим документам», историческим свидетельствам. Этот тип проблемного журнала в дальнейшем разовьется в периодическом издании – некрасовском «Современнике».

Однако феномен «Современника» не исчерпывается масштабом фигуры его издателя, авторским составом и качеством публикаций. Пушкинский журнал, отразив в себе магистральные тенденции времени, становится литературным фактом эпохи. Слово «современник», вынесенное в его заглавие, определило издательскую стратегию, стало фактором, объединяющим материалы журнала, превратило издание Пушкина в знак, «синоним» времени и «призвано было формировать нового читателя»¹³. При этом, говоря о современности пушкинского журнала, необходимо не только рассматривать ту или иную степень злободневности материалов, входящих в него, насущность поставленных проблем,

¹² Цит. по ст.: Заборова Р.Б. Неизданные статьи В.Ф. Одоевского о Пушкине // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. I. С. 320.

¹³ См.: Фрайман И. О заглавии пушкинского журнала // Русская филология. 14: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2003. С. 60–68.

но и обозначить глубинную связь «Современника» Пушкина с культурными, историческими, политическими веяниями эпохи. Таким образом, конденсат общей установки издателя, его творческих и философских воззрений, с одной стороны, и веяний времени, повлиявших на развитие отечественной культуры и литературы, с другой, нашли воплощение в четырех томах, определив единство журнала в целом. В этом смысле журнал, с одной стороны, являвшийся последним творением своего издателя, можно рассматривать как итог творческих и журналистских исканий самого Пушкина и литераторов, близких ему, с другой стороны, необходимо помнить, что «Современник» мыслился Пушкиным как продолжающееся издание и соответственно представлял собой творческую лабораторию, концентрат движущейся, необработанной мысли своего времени, поэтому разговор о его итоговом значении в некоторой степени условен.

В рамках данного исследования «Современник» рассматривается как организованная структура, единый текст, творение которого происходит естественно, в соответствии с основными направлениями развития литературного процесса, объективными условиями существования журнала и эстетическими основами творческого метода его издателя и участвующих в нем авторов. «Современник» не является просто набором или даже последовательностью текстов, отграниченных пределами четырех томов. Пушкинский журнал внутренне организован. Опираясь на лотмановскую концепцию текста, можно сказать, что пушкинский «Современник» представляет собой иерархическую систему, которая на синтагматическом уровне превращается в структурное целое.¹⁴ Пользуясь терминологией Ю.М. Лотмана, можно говорить об особом семиотическом пространстве «Современника», его семиосфере¹⁵. При этом принципиально важно, что представление о семиосфере не предполагает заданности. Семиосфера «Современника» неоднородна. На парадигматическом срезе журнал возможно представить как многоуровневое образование, на синхронном срезе элементы данных уровней предстают одновременно в определенной взаимосвязи. Уровни не существуют изолированно, поэтому их описание предполагает определенную реконструкцию, в некоторых моментах достаточно условную в отношении журнала – живого организма.

¹⁴ См.: Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2000. С. 63.

¹⁵ Подробнее о понятии «семиосфера» см.: Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 250–335.

Рассмотрение пушкинского «Современника» как единого текста обусловлено тем, что идея синтеза, определяющая поиски Пушкина в 1830-е годы, не могла не затронуть его журнал. По точному замечанию Н.Н. Скатова, «Пушкин – великий новатор. В том смысле, что он решил великую задачу синтеза. Он собрал, суммировал и обобщил всю ту колоссальную, но во многом еще мозаичную работу, которую проделали его предшественники и современники. Он явил такое богатство духа, такую полноту характера, в которых объединены разные, подчас даже разноплановые начала предшествовавшей и современной ему литературы»¹⁶.

Очевидно, что «Современник» не мог быть обойден вниманием исследователей. В разные периоды пушкинский журнал попадал в поле научно-исследовательских интересов как:

– закономерный итог журналистских исканий А.С. Пушкина, что способствовало выявлению внутренних закономерностей движения поэта к тому типу периодического издания, каковым является «Современник». Вследствие этого логика исследований стала строиться по принципу ступенчатого рассмотрения так называемой «предыстории» «Современника»: участие Пушкина в издании «Северных цветов», «Литературной газеты», замыслов газеты «Дневник» и других проектов периодических изданий;¹⁷

– определенный тип периодического издания своего времени, через рассмотрение специфики формы «Современника», его программной установки по отношению к другим изданиям рассматриваемой эпохи, цензурной истории¹⁸, повлиявших во многом на его облик и место в жур-

¹⁶ Скатов Н.Н. Русский гений. М., 1987. С. 20.

¹⁷ Еремин М.П. В борьбе за высокую гражданственность // Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина 1830–1831 гг. С. 3–46; Вацуρο В.Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига–Пушкина. М., 1978. 288 с.; Фризман Л.Г. А.С. Пушкин и «Северные цветы» // Северные цветы на 1832 год. М., 1980. С. 295–337; Сидяков Л.С. Статьи Пушкина в «Литературной газете» и формирование позиции газеты в общественно-литературной борьбе рубежа 1830-х годов // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 91–108; Краснобородько Т.И., Лобанова Л.П. На пути к «Современнику» // Русская литература. 1986. № 3. С. 134–142; Касаткина В. Послесловие // Литературная газета А.С. Пушкина и А.А. Дельвига 1830 года (№ 1–13). М., 1988. С. 191–206; Станько А.И. А.С. Пушкин - журналист, его размышления и разборы. Ростов н/Д., 1999. 139 с.; Фризман Л.Г., Тищенко Т.И. Пушкин и русская журналистика. Харьков, 1999. 75 с.

¹⁸ Казанский Б.В. Западные образцы «Современника» // Пушкин: Временник пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 375–381; Питолина Н.В. Пушкинский «Современник» и «Московский наблюдатель» (1835–1837) // Проблемы современного пушкиноведения. Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1981. С. 46–57; Вацуро В.Э., Гил-

нальной полемике, прежде всего, по отношению к изданиям О. Сенковского и Ф. Булгарина;¹⁹

– периодическое издание писателей пушкинского круга, в связи с чем особенно актуальным становился вопрос о личностных и творческих взаимоотношениях внутри редакционной группы, возглавляемой издателем. Исследователей интересовал принцип формирования авторского состава и, соответственно, материалов, отбираемых для печати. Наиболее часто ученых привлекала проблема позиционирования Н.В. Гоголя в пушкинском журнале, роль и полемическая подоплека гоголевской статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» и пушкинского «Письма к издателю»²⁰; отдельный блок исследований посвящен роли в процессе издания «Современника» давних соратников Пушкина по журнальному цеху: П.А. Вяземского,

лельсон М.И. Сквозь «умственные плотины»: очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. 382 с.; Красноборода Т.И. О русском аналоге пушкинского «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 357–366; Прозоров Ю. «Современник» и современность: К столетию выхода в свет первого номера «Современника» // Нева. 1986. № 4. С. 151–158.

¹⁹ Каверин В.А. Барон Брамбеус. История О. Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966. 237 с.; Кошелев В.А., Новиков А.Е. «...Закусившая удила насмешка...» // Сенковский О.И. Сочинения Барона Брамбеуса. М., 1989. С. 3–22. Рейтблат А.И. Гоголь и Булгарин: к истории литературных взаимоотношений // Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 82–98; Акимова Н.Н. Булгарин и Гоголь: Массовое и элитарное в русской литературе, проблема автора и читателя // Русская литература. 1996. № 2. С. 3–22; Она же. Булгарин и Гоголь: литературная биография и литературная репутация // Русская литература. 1996. № 3. С. 3–18.

²⁰ Березина В.Г. Новые данные о статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» // Гоголь: Статьи и материалы. Л., 1954. С. 70–85; Степанов А.Н. Гоголь-публицист: Гоголь сотрудник «Современника» Пушкина // Гоголь: Статьи и материалы. Л., 1954. С. 39–69; Березина В.Г. Из истории «Современника» Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. I. С. 279–312; Рыскин Е.И. Пушкин или Гоголь?: О заключительной заметке «Новые книги» в пушкинском «Современнике» // Русская литература. 1964. № 1. С. 134–137; Он же. О статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» // Русская литература. 1965. № 1. С. 134–144; Черняева Т.Г. Литературно-эстетическая и журналистско-критическая программа Н.В. Гоголя середины 1830-х гг. (От «Арабесок» к «Современнику»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1979. 18 с.; Шальман Е.С. «Письмо к издателю»: Пушкин, А.Б., Белинский // Освободительное движение в России. Саратов, 1978. Вып. № 7. С. 51–64; Макогоненко Г.П. Гоголь и Пушкин. Л., 1985. 351 с.; Манн Ю.В. Пушкин и Гоголь в 1836 году: была ли ссора? // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 343–356.

В.Ф. Одоевского и А.И. Тургенева²¹; ряд исследований связан с малоизвестными на период выхода «Современника» авторами и часто имеет историко-литературный характер, т. к. посвящен биографическим подробностям и рассмотрению межличностных отношений, однако и этот пласт работ особенно важен при определении издательской стратегии Пушкина-издателя²²;

– проблемно-эстетический комплекс. Для исследований данного блока характерно стремление обосновать действия издателя, возникающие тематические единства, способы обсуждения насущных проблем в журнале всем комплексом творчества Пушкина, начиная с самого раннего его периода, выявления глубинной связи творчества, в том числе поэтического, с позднейшей журналистской и публицистической деятельностью²³, определить главное направление журнала как просветительское, показать его тематическую, содержательную выстроенность,

²¹ Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. 390 с.; Он же. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977. 200 с.; Сахаров В.И. Еще о Пушкине и В.Ф. Одоевском // Пушкин: Исследования и материалы. М., 1979. Т. IX. С. 224–230; Турьян М.А. Из истории взаимоотношений Пушкина и В.Ф. Одоевского // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI. С. 174–191; Кузьмина Л.И. В орбите «Современника» // Петербургские встречи Пушкина. Л., 1987. С. 303–346; Азадовский К.М. Старые европейские комеражы. Несостоявшаяся «Хроника» А.И. Тургенева // Звезда. 1998. № 6. С. 91–125; Кореньков А.В. Неизвестная страница «Современника»: (Редактор А.С. Пушкин и журналист и беллетрист В.Ф. Одоевский) // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России. М., 2000. С. 109–114; Милованова О.О. Н. В. Гоголь в творческом сознании П.А. Вяземского // Литературоведение и журналистика: Межвузовский сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 45–53; Седова Г.М. Повесть В.Ф. Одоевского «Княжна Зизи» и один из устойчивых мифов о семье Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Сб. науч. тр. СПб., 2003. Т. XVI–XVII. С. 198–217.

²² Королева Н.В. Тютчев и Пушкин // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. IV. С. 183–207; Петряев Е.Д. Вятский литератор А.И. Емичев - сотрудник пушкинского «Современника» // Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л., 1968. С. 56–61; Турчанинов Г.Ф. Султан Казы Гирей - корреспондент пушкинского «Современника» // Временник Пушкинской комиссии 1967–1968. Л., 1970. С. 33–46; Тынянов Ю.Н. Пушкин и Тютчев // Пушкин и его современники. М., 1969. С. 166–192; Дарвин М.Н. Стихотворения Ф.И. Тютчева в пушкинском «Современнике»: О становлении русского лирического цикла // Страницы русской литературы середины XIX века. Сб. науч. тр. Л., 1974. С. 34–54; Френкель В.Я. Петр Борисович Козловский (1783–1840). Л., 1978. 142 с.; Белкин Д.И. Пушкин и Николай Титов // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 154–159.

²³ Еремин М.П. Пушкин-публицист. М., 1976. 472 с.

говоря при этом и о диалоге (прежде всего на уровне содержания) как внутри номеров, так и между ними²⁴;

– текстовое единство, организованное по законам циклизации: при разговоре о «Современнике» неизбежно возникает проблема определения его жанра: то, что «Современник» не журнал в принятом смысле, понимали еще его создатели, расцвет в последние десятилетия XX в. цикловедения и особая организация пушкинского журнала стали причиной рассмотрения его в качестве циклического единства.²⁵

Исследовательская история «Современника» развивается от рассмотрения авторского и текстового состава журнала, истории его создания и появления отдельных публикаций, полемических перипетий к выявлению его целостности и эстетической природы, однако сама суть «Современника» как явления в культурной жизни эпохи, новаторство

²⁴ Френкель В.Я. Петр Борисович Козловский (1783–1840). Л., 1978. 142 с.; Тартаковская Л.А. Пушкин и Восток. Ориентальная проблематика в «Современнике» // Звезда Востока. 1981. № 6. С. 118–124; Фадеев Л.А. Этнографическая тематика в «Современнике» А.С. Пушкина // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып. IX. С. 23–33; Гиллельсон М.И. Пушкинский «Современник»; Чистякова Т. Пушкин: «Дружина ученых и писателей, какого бы рода они ни были, всегда впереди, во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности...» (Научно-просветительская тема в «Современнике») // Наука и жизнь. 1987. № 2. С. 70–77; Эткинд Е. Незамеченная книга Пушкина: Перелистывая «Современник» – сто пятьдесят лет спустя // Revue des etudes slaves. 1987. Т. 59. Fase 1–2. Р. 197–212; Краснобородько Т.И. Тема «Литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. XIII. С. 122–133; Белкин Д.И. Мир Востока на страницах пушкинского «Современника» // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. Сб. ст. М., 1991. С. 194–218; Фрайман И. О заглавии пушкинского журнала // Русская филология. 14: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2003. С. 60–68.

²⁵ Тынянов Ю.Н. Пушкин // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 122–165; Дарвин М.Н. Пушкин – циклизатор «Современника» // Актуальные проблемы изучения творчества А.С. Пушкина: Жанры, сюжеты, мотивы. Материалы Всерос. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Новосибирск, 21–23 сентября 1999 г. Новосибирск. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 166–178; Дарвин М.Н., Олейникова Т.А. «Современник» А.С. Пушкина как форма цикла (к постановке проблемы) // Пушкинский альманах (1799–2001). Омск, 2001. № 2. С. 52–60; Дарвин М.Н. Пушкин – циклизатор «Современника» // Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения конвергентного сознания. Новосибирск, 2001. Гл. 8. С. 269–281; Дарвин М.Н. Met' allela и di' allela в анализе последовательности текстов как проблема нарратива // Критика и семиотика [Электронный ресурс]. 2002. Вып. 5. Режим доступа: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs5darwin.htm>; Олейникова Т.А. «Современник» А.С. Пушкина: заглавие и жанр // Проблемы литературных жанров. Материалы X Международной науч. конф., посвящ. 400-летию г. Томска 15–17 октября 2001 г. Томск, 2002. С. 139–142.

Пушкина-издателя долгое время оставалась за рамками исследовательских приоритетов. Работа М.И. Гиллельсона, посвященная пушкинскому журналу, обозначает новые тенденции в подходе к «Современнику», который предстает как явление в контексте журналистики своего времени. Осознание феномена «Современника» как особой жанровой формы получает свое развитие в работах М.Н. Дарвина. Однако при всей возможности оправдать подход к журналу как циклу литературным контекстом эпохи и эстетикой литературного творчества его издателя, думается, подобная трактовка структурной и содержательной специфики «Современника» отличается определенной заданностью, попыткой подчинить материал концептуальным предпочтениям. Наиболее оправдан подход к четырем томам журнала с позиции единого текста, ибо это позволяет проблеме целостности пушкинского издания связать с идеей синтеза и традицией ансамблевости русской культуры.

Глава 1

АВТОРСКИЕ ТЕКСТЫ В «СОВРЕМЕННОМ»

1.1. «Северные цветы», «Литературная газета» и «Современник» как этапы формирования издательской стратегии А.С. Пушкина

Этапы литературного процесса во многом обусловлены эпохой, ее переломными моментами, перипетиями в судьбах творческих личностей, литературной традицией. Периодические издания XIX в. (альманахи, журналы, газеты) наиболее чутко фиксируют все животрепещущие тенденции времени, т. к. они сами являются формами времени.

Первая треть XIX в. отмечена событиями внутрироссийского и мирового значения: Отечественная война 1812 г., восстание декабристов 1825 г., холерные бунты в России, русско-турецкая война, русско-персидская война, восстание в Греции, революция во Франции. Эмоциональный подъем после победы в наполеоновских войнах спровоцировал подъем российской культуры: «Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года. <...> 12-й год, потрясши всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл в ней новые, дотоле не известные источники сил, чувством общей опасности сплотил в одну огромную массу косневшие в чувстве разъединенных интересов частные воли, возбудил народное сознание и народную гордость и всем этим способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения»²⁶.

Важнейшие исторические события определили общую страсть к чтению и, соответственно, всплеск словесного творчества. Каждый день воспринимался современниками как историческое событие и был достоин быть вписанным в анналы истории; это было время, когда каждый своими воспоминаниями, дневниками мог творить историю: «Наш век –

²⁶ Белинский В.Г. «Евгений Онегин» // Сочинения Александра Пушкина. М., 1985. С. 369–370.

век по преимуществу исторический, – напишет В.Г. Белинский. – Все думы, все вопросы наши и ответы на них, вся наша деятельность вырастает из исторической почвы и на исторической почве»²⁷.

Определяющей для эстетики словесного творчества первой трети XIX в. стала установка на целостность: «Искусство начала века – искусство "целого", больших мер, невероятных обобщений, общенациональной значимости. Дело в том, что в России именно в искусстве, прежде всего в литературе, вершится вопрос национального самосознания на рубеже 1812 года и после него. Все это рождало и у самих его создателей особое ощущение себя в национальной истории, непрямого и чуть ли не решающего в ней участия. И, так сказать, личной ответственности за все, в ней творящееся»²⁸.

Принцип синтетичности становится характерным для всех вариантов словесного творчества, в том числе и для периодических изданий. Личная ответственность за происходящее, ощущение частной жизни как исторической, всеобщей, государственной и, соответственно, ощущение государственной, исторической жизни как личной – все это способствовало выходу творческих, в том числе и журналистских, амбиций из кружковой, салонной атмосферы в пространство широкой читающей аудитории, восприятию периодических изданий в качестве кафедр, трибун просвещения, а их авторов, издателей – как центральных фигур, определяющих культурно-литературный процесс, выполняющих функции государственного значения. Закономерно, что в сознании Пушкина сформировалось представление о сословии журналистов как о «рассаднике людей государственных» [ПСС, XI, 194].²⁹

Распространенность в рассматриваемый период художественных единств разного типа становится свидетельством их важности для жанрового развития литературы. Установка на целостность, синтетичность словесного творчества связана, в том числе, и с тенденцией жанрового взаимопроникновения, когда произведение уже не определяется только жанром: «жанровая группировка <...> начинает уступать место иным принципам циклизации, среди которых основное значение приобретает принцип выведения некой единой поэтической личности, ее душевной

²⁷ Белинский В.Г. Стихотворения М. Лермонтова // Статьи о классиках. М., 1970. С. 267.

²⁸ Скатов Н.Н. Русский гений. С. 11.

²⁹ Здесь и далее переписка и произведения Пушкина, не вошедшие в «Современник» 1836 г., цитируются по следующему изданию: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949, с указанием тома и страницы в скобках: [ПСС, XI, 194].

биографии»³⁰. В этих условиях метатекстовые образования «становились не просто способами подачи произведений, но осознанно художественными единствами, своеобразными синтетическими целыми»³¹.

«Современник» А.С. Пушкина, отразив в себе магистральные тенденции времени, личностную и творческую индивидуальность его издателя, становится литературным фактом эпохи. Десятилетняя работа его издателя до «Современника» дает возможность говорить о последовательном и целенаправленном формировании замысла журнала. Внушительное количество исследований, в которых выстраивается хронология развития замыслов, издательских неудач, завоеваний и компромиссов, доказывает неслучайность появления журнала, издававшегося в течение года и породившего такое количество спорных исследовательских проблем.

«Стремление к собственному журналу растет у Пушкина постепенно, оно сочетается со сложными условиями литературной работы (борьба против монополии Булгарина и Греча), но к 1830-м годам журнал становится для Пушкина необходимостью, вызванной эволюцией его литературной деятельности», – констатировал еще Ю.Н. Тынянов.³² Тем показательнее издательские пробы Пушкина и его друзей в течение десятилетия до «Современника».

Еще в 1824 г., во время Южной ссылки, Пушкин и Вяземский обсуждают необходимость создания журнала. В основе их размышлений лежит идея объединения лучших писателей эпохи. Так, 7 июня 1824 г. Пушкин пишет Вяземскому из Одессы:

«То, что ты говоришь на счет журнала, давно уже бродит у меня в голове. <...> Мы одни должны взяться за дело и **соединиться**. <...> я бы согласился видеть Дмитриева в заглавии нашей **кучки** <...> Еще беда: **мы все прокляты и рассеяны по лицу земли – между нами сношения затруднительны, нет единодушия**; золотое к *статии* поминутно от нас выскользает. Первое дело: должно приструнить все журналы и держать их в *решипекте* – ничего легче б не было, **если б мы были вместе и печатали бы завтра, что решили бы за ужином вчера**; а теперь сообщай из Москвы в Одессу замечание на какую-нибудь глупость Булгарина, отсылай его к Бирукову в П.<етер>Б.<ург> и печатай потом через два месяца в *revue des bévues*. Нет,

³⁰ Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск, 2001. С. 58.

³¹ Киселев В.С. Коммуникативная природа метатекстовых образований // Киселев В.С. Статьи по теории и истории метатекста. С. 6.

³² Тынянов Ю.Н. Пушкин. С. 165.

душа моя Асмодей, отложим попечение, далеко кулику до Петрова дня – а еще дале [нам] бабушке до Юрьева дня» [ПСС, XIII, 96–97, 528].³³

Стремление создать свою «кучку», группу писателей-единомышленников, которая станет во главе литературного процесса, понимание того, что развитие литературы напрямую связано с развитием журналистики, – в основе издательских замыслов Пушкина. Еще в 1824 г. Пушкиным были отмечены два основных требования к будущему печатному органу: с одной стороны, вокруг него должны быть объединены лучшие литературные силы, с другой – работа по выпуску журнала должна проводиться деятельностно и оперативно.

Точкой отсчета в формировании комплексной журнальной программы считается период Северной ссылки, отмеченный напряженными раздумьями о соотношении творчества и жизни, осмыслением ближайших, исторических по значимости, событий (Отечественная война 1812 г., восстание декабристов), чтением огромного количества книг, ставших основой формирования сознания нового уровня. Важнейшей становится мысль о консолидации литературных сил в одном печатном органе, предпочтительно журнале.³⁴ Письма Пушкина к П.А. Вяземскому, относящиеся к периоду Северной ссылки, отражают напряженные раздумья о собственном издании, в основе которых критический подход к современной периодике:

<19 февраля 1825 г.>: «Что же Телеграф обетованный? <...> Прочие журналы все получаю – и более чем когда-нибудь **чувствую необходимость какой-нибудь "Edimboorg review"**» [ПСС, XIII, 144]; <Конец марта – начало апреля 1825 г.>: «Занимает ли еще тебя россейская литература? я было на Полевого очень ошетинился за Невск.<ий> Альм.<анах> и за пародию Жуковского. Но теперь с ним помирился. Я даже такого мнения, что **должно непременно поддержать его журнал**» [ПСС, XIII, 159–160]; <20-ые числа апреля (не позднее 24) 1825 г.>: «Пожалуйста, ради меня, поддержи его [Дельвига – Т.Ф.] *Цветы* на след. год. **Мы все об них постараемся. Что мнишь ты о Полярной?...**» [ПСС, XIII, 166]; <10 августа 1825 г.>: «**Когда-то мы возьмемся за журнал! мочи нет хочется**, а покаместь смотри хоть за Полевым» [ПСС, XIII, 205]; <27 мая 1826 г.>: «Пора бы нам отослать и Булгарина, и Благонамеренного, и Полевого, друга нашего. **Теперь не до того, а ей богу, когда-нибудь примусь за журнал.** Жаль мне, что с Катениным ты никак не ладишь. А для журнала – он находка» [ПСС, XIII, 279].

Наряду с постоянной мыслью о собственном журнале, планами, заочным подбором возможных сотрудников, принципиальна активная позиция Пушкина по отношению к существующим изданиям, стремление

³³ Здесь и далее полужирный шрифт мой – Т.Ф.

³⁴ Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995. С. 104–105.

вписаться в журналистский контекст эпохи. Начиная с «Вестника Европы», у Пушкина по-разному складывались отношения с периодическими изданиями. На сегодняшний день исследователями в большей или меньшей степени освещены следующие проблемы: «Пушкин и "Сын Отечества"», «Пушкин и "Полярная звезда"», «Пушкин и "Мнемозина"», «Пушкин и "Московский телеграф"», «Пушкин и "Московский вестник"», «Пушкин и "Северная пчела"», «Пушкин и "Европеец"», «Пушкин и "Библиотека для чтения"» и т.д.³⁵ Их разработка, безусловно, важна для обозначения доминант в исследовании деятельности Пушкина-издателя собственного журнала, однако, думается, особый издательский метод, используемый при создании «Современника», формировался и проходил апробацию прежде всего на базе «Северных цветов» и «Литературной газеты». В этом смысле линия «альманах–газета–журнал» принципиальна для обозначения путей формирования метода Пушкина-издателя.

Тесная связь между альманахом, газетой и журналом недвусмысленно оговорена в объявлении об издании «Литературной газеты» и заметке «От редакции» в III томе «Современника». Ср.:

«Писатели, помещавшие в продолжение шести лет свои произведения в "Северных цветах", будут постоянно участвовать и в "Литературной газете"»³⁶.

«"Современник", по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнений о предметах, подлежащих его суду, будет продолжением "Литературной газеты"» [III, 331]³⁷.

Эти издания стали своеобразной лабораторией по выработке издательского метода, в полном объеме, с очевидными оговорками на объективные обстоятельства, воплотившегося в четырех томах «Современника». Характер каждого из изданий определяется временем его создания, они становятся литературными формами времени, необходимыми этапами в эволюции российской журналистики.

Расцвет альманашных изданий в 1820–30-е гг. был определен пониманием чтения как потребности общества, и в этом смысле альманахи

³⁵ В связи с этим интересна обобщенная характеристика взаимоотношений Пушкина с ведущими журналами его времени, осуществленная Л.Г. Фризманом и Т.И. Тищенко в кн.: Пушкин и русская журналистика. Харьков, 1999. 75 с.

³⁶ Литературная газета А.С. Пушкина и А.А. Дельвига 1830 года (№ 1–13). М., 1988. С. 5.

³⁷ Здесь и далее публикации, вошедшие в «Современник» 1836 года, цитируются по следующему изданию с соблюдением орфографии и пунктуации подлинника: Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным: В 4 т. СПб., 1836, – с указанием тома и страницы в скобках: [III, 331].

того времени действительно «социокультурная форма». В сложной ситуации определения векторов развития национальной литературы альманахи позволял «литераторам объединиться и совместно выйти на литературную арену, поддерживая друг друга, расширяя круг своих читателей»³⁸. Именно альманахи способствовали распространению в читательской среде лучших образцов отечественной словесности. При этом принципиальна роль альманаха в формировании жанра толстого журнала, который в конечном итоге и сменит его в процессе журнальной эволюции: «Альманах явился средством профессионализации литературы, налаживания новых типов связей внутри литературной среды и между писателями и публикой, с одной стороны, и расширением читательской аудитории, приучением сравнительно широких слоев образованного "класса" населения к чтению художественной литературы – с другой»³⁹.

Осознание значения альманаха как литературной формы не исключало негативного отношения Пушкина к альманашным изданиям. Так, в заметке 1827 г. «<Об альманахе "Северная лира">» им в одном абзаце будут отмечены отличительные черты современного альманашного издания:

«Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах. Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков – имя Баратынского, Вяземского, ручаются за успех Северной Лиры, первенца московских альманахов» [ПСС, XI, 48].

В диалогическом отрывке «<Альманашник>» (1830 г.) эта характеристика получит сатирическое заострение:

«Увидишь, как пойдет наш Альманах: с моей стороны даю 34 стихотворения; под пятью подпишу А.П., под пятью другими Е.Б. под пятью еще К.П.В. Остальные пушу без подписи; в предисловии буду благодарить господ поэтов, приславших нам свои стихотворения. Прозы у нас вдоволь: лихое Обзорение словесности, где славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы ... знаешь» [ПСС, XI, 137].

Неприятие Пушкина вызывает дилетантский подход к созданию литературных сборников:

«<...> выпроси у наших литераторов по несколько пьес, кой-что перепечатай сам. Выдумай заглавие, закажи в долг виньетку, да и тисни с богом» [ПСС, XI, 134].

³⁸ Рейтблат А.И. Литературный альманах 1820–1830-х гг. как социокультурная форма. С. 174.

³⁹ Там же. С. 177.

Переписка Пушкина отражает процесс выработки основных подходов к современной журналистике:

<П.А. Вяземскому (конец ноября – начало (не позднее 3) декабря 1825 г.): «Ты приказывал, моя радость, прислать тебе стихов для **какого-то альманаха (чорт его побери)** <...>» [ПСС, XIII, 245]; <П.А. Катенину Первая половина февраля 1826 г.): «Будущий альманах радует меня несказанно, если разбудит он тебя для поэзии. <...> **Вместо альманаха не затеять ли нам журнала в роде Edinburgh Review?** Голос истинной критики необходим у нас» [ПСС, XIII, 261]; <Н.М. Языкову 21 декабря 1826 г.): «Рады ли вы журналу? **пора задуть альманахи** – Дельвиг наш. Один Вяземский остался тверд и верен Телеграфу – жаль, но что ж делать» [ПСС, XIII, 314]; <М.П. Погодину от 31 августа 1827 г.): «Вы хотите издать Уранию!!! et tu, Brute!!! Но подумайте: на что это будет похоже? Вы, издатель европейского журнала в азиатской Москве, Вы, честный литератор между **лавочниками литературы**, Вы!.. **Нет, вы не захотите марать себе рук альманашной грязью.** У Вас много накопилось статей, которые не входят в журнал; но каких же? Quod licet Uraniae, licet тем паче М.<осковскому> вестнику; не только *licet*, но *decet*. *Есть и другие причины.* Какие? деньги? деньги будут, будут. Ради бога не покидайте Вестника; на будущий год обещаю Вам **безусловно** деятельно участвовать в его издании: для того **разрываю непременно все связи с альманашиками обеих столиц.** Главная ошибка наша была в том, что мы хотели быть **слишком дельными**; стихотворная часть у нас славная; проза м.б. еще лучше, но вот беда: в ней слишком мало вздору. Ведь верно есть у вас повесть для Урании? давайте ее в Вестник. К стати о повестях: **они должны быть непременно существенной частью журнала, как моды у Телеграфа.** У нас не то, что в Европе, – повести в диковинку» [ПСС, XIII, 340–341].

Как видим, негативное отношение к альманаху наиболее ярко проявляется при размышлениях о существующем или потенциальном журнале. Приоритетным уже в 1826 г. называется издание, противоположное альманашному: «Edinburgh Review». Английские издания подобного типа характеризовались прежде всего тем, что были чисто критическими, они включали в себя исключительно рецензии на книги и различные издания, при этом были принципиально просто оформлены.⁴⁰ Но уже при анализе писем становится очевидным, что Пушкину мыслился журнал иного типа. Отмечая важность развития истинной критики в письме к П.А. Катенину, через некоторое время в эмоциональном письме к М.П. Погодину Пушкин утверждает необходимость обязательного введения в журнал занимательной прозы, которая призвана смягчить «дельность» журнала, в данном случае «Московского вестника». Очевидно, что концепция собственного журнала, формирующаяся,

⁴⁰ См.: Казанский Б.В. Западные образцы «Современника». С. 376.

что принципиально важно, в процессе участия в издании альманаха («Северные цветы») и журнала («Московский вестник»), сопрягается с общей концепцией литературного развития.

Концентрируя особое внимание на «Северных цветах» и «Литературной газете», что оправдано фактом собственно издательского опыта Пушкина именно в этих изданиях, необходимо обозначить особое место «Московского вестника» в процессе поиска Пушкиным журнальной формы нового типа. Начав сближение с редакцией «Московского телеграфа», Пушкин отходит от Полевого, сосредотачиваясь на сотрудничестве в издании Любомудров, что принципиально важно для обозначения позиции Пушкина-издателя: перед ним стоит проблема сочетания в журнале коммерческого и концептуального, что тесно связано с его размышлениями о популяризаторской функции журнального органа.

Не останавливаясь подробно на этом вопросе⁴¹, отметим, что особый концептуальный характер «Московского вестника» в большей степени отвечал представлениям будущего издателя «Современника» о форме журнального издания. Как отмечает В.Д. Морозов, в «Московском вестнике» «с самого начала утверждается особый тип универсальности и энциклопедичности, сконцентрированной, в точном соответствии с программой Веневитинова, на научно-теоретических и методологических проблемах»⁴². Концептуально значимой является разработка на страницах журнала «теории журнализма» (статья Шевырева «Обозрение русских журналов в 1827 году»), в основе которой идея о необходимости в периодическом издании высшей точки, всеобъемлющей мысли.⁴³ Особая просветительская программа, историософская проблематика «Московского вестника» не могла не привлечь внимание Пушкина, находящегося в поиске собственного журнала. Не случайно «Московский вестник» расценивается им как лучший русский журнал, журнал «европейский»⁴⁴.

⁴¹ Вопросу о месте «Московского вестника» в журналистике эпохи и связи Пушкина с этим изданием посвящены отдельные исследования. См.: Канунова Ф.З. Пушкин и «Московский вестник» // Учен. зап. Томского ун-та. Томск, 1951. № 16. С. 91–114; Она же. Пушкин в «Московском вестнике»: Некоторые проблемы истории // Пушкин в XXI веке: Вопросы поэтики, онтологии, историцизма / Сб. ст. к 80-летию профессора Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 2003. С. 59–65; Морозов В.Д. «Московский вестник» и его роль в развитии русской критики. Новосибирск, 1990. 263 с.

⁴² Морозов В.Д. «Московский вестник» и его роль в развитии русской критики. С. 105.

⁴³ Там же. С. 108.

⁴⁴ Там же. С. 34.

История существования «Северных цветов» и сотрудничества в них Пушкина отражает его стремление максимально использовать пространство альманаха для реализации журнальных амбиций. Этот принцип максимальной реализации замыслов при минимальных возможностях публицистической формы станет определяющим при создании «Современника» в 1836 г. При этом логично стремление, насколько это возможно в рамках альманаха, более критично относиться к подбору материала для публикаций. Во время сотрудничества в «Северных цветах» и «Московском вестнике» в сознании Пушкина уже сформировано представление о качествах альманашной и журнальной публикации, о чем свидетельствует методика отбора публикаций для «Северных цветов» 1825 г.: Пушкин отдает в «Северные цветы» послание к А. Керн, в то время как отрывок из «Бориса Годунова», который никто еще не видел, попадает в «Московский вестник», лицейское стихотворение «19 октября» как символ лицейского братства уходит к Дельвигу.

Разнообразие тем, жанров, авторских имен компенсировалось в альманахе ассоциативными связями, поддерживаемыми пластом биографических и литературных аллюзий. Так, В.Э. Вацуро говорит об определенной аллюзионности постдекабрьских альманашных выпусков, тенденции к единству настроения и структуры журнально-альманашного текста. «Читая альманахи, – пишет исследователь в связи с «Северными цветами», – мы обнаруживаем и явные признаки целенаправленной работы издателей. Она сказывается то в отборе стихов, то в критических суждениях, а иногда в самом построении книги. Люди все же направляли альманах, и эпоха с ее событиями, общими и частными, закономерными и случайными, меняла характер книжек, их содержание и состав, оставляя на альманашных страницах свои явственные следы».⁴⁵

Показательными в этом смысле стали «Северные цветы» на 1828 г. Этот альманах был во многих смыслах пушкинский: книжка открывалась портретом Пушкина, ему принадлежал большой объем публикаций, он принимал деятельное участие в издании альманаха. Книжка на 1828 г. отличается от предыдущих выпусков более критическим подходом к подбору материалов, в ней почти нет случайных имен, при этом все сотрудники (А.С. Пушкин, Ф.Н. Глинка, В.Н. Григорьев, К.Ф. Рылеев и др.) связаны между собой «таинственной внутренней свя-

⁴⁵ Вацуро В.Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига - Пушкина. М., 1978. С. 4.

зью»⁴⁶, в основе которой личная и литературная близость, отсюда и сходство жанров, единство мотивов.

Эта внутренняя связь, которая, правда, в меньшей степени будет основана на личной близости, в 1836 г. станет определяющей для издательской стратегии «Современника». В «Северных цветах» еще не наблюдается такой жесткой установки издателя на синтез, однако подборки пушкинских публикаций, особенно объемные в книжках на 1829 и 1830 гг., свидетельствуют об особом подходе к презентации автором произведений на страницах периодического издания.

Пушкин предоставляет для «Северных цветов» прозу и в большей степени поэзию. В формировании прозаического отдела альманаха важную роль играют всевозможные отрывки, выдержки, фрагменты, которые своей незаконченностью отчетливо отражают процесс формирования прозаических жанров, динамику словесной жизни эпохи. Все пушкинские прозаические публикации – отрывки: «Отрывок из письма к Д.» (1826), «Отрывок из писем, мысли и замечания» (1828), «IV глава из исторического романа» (1829), «Отрывок из литературных летописей» (1830). Эти отрывки, объединенные внутренней мотивной связью, отвечают важной для Пушкина установке на документ, свидетельства очевидцев, динамику мысли и факта. Здесь уже просматривается журналистский подход к словесному творчеству, литература проникает в журналистику, а журналистика – в литературу.

Можно проследить и некоторые связи между материалами Пушкина и других авторов. В «Северных цветах» на 1828 г. особым полемическим подтекстом заряжены публикации Н.И. Греча «О жизни и сочинениях Карамзина», А. Пушкина «Отрывки из писем, мысли и замечания» и П. Плетнева «О стихотворениях Баратынского». Фрагмент о Карамзине, появившийся в пушкинской статье в противовес официозной публикации Греча, позволял поставить вопрос об исторической преемственности, встать на защиту национальной культурной традиции, в этом смысле принципиальны переклички «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» и статьи Плетнева. Интересно соотносятся публикации в альманахе на 1829 г., где помещены «Петр Великий в морском походе из Петербурга к Выборгу» Ф. Булгарина с пометой «Исторический отрывок», «Три эпохи любви» Д. Веневитинова (подзаголовок «Отрывок из неоконченного романа») и пушкинская «IV глава из исторического романа», отразившая в названии синтез жанров исторического отрывка и

⁴⁶ Вацуро В.Э. «Северные цветы». С. 118–122.

романа, в полном объеме проявивший себя в период создания «Современника».

Эта тенденция сближения истории с философией рождает особый историософский текст в публикациях Пушкина на страницах периодических изданий. В этом смысле пушкинские размышления, нашедшие отражение в «Северных цветах», корреспондируют с его работой в кругу «Московского вестника». Как убедительно показала Ф.З. Канунова, именно на страницах этого журнала «поэт внимательно следит за развитием философско-исторической мысли», его «волновали не только отдельные конкретные темы русской и мировой истории, но общие проблемы исторического познания»⁴⁷.

Ощутимо единство нарративных стратегий Пушкина на страницах как альманаха, так и журнала: 1) тенденция к концептуализации публикуемых материалов в направлении историософского дискурса; 2) синтез документально-исторического и художественного материала; 3) тяготение к фрагментарности (форма мыслей и замечаний, отрывков) как отражение незавершенности, процессуальности истории и исторического времени; 4) опора на традиции нарратологии Вальтера Скотта и французских историков эпохи Реставрации⁴⁸; 5) выработка «метафизического языка».

Все эти особенности пушкинского мышления и его нарративных стратегий способствовали как сближению литературы и журналистики, так и «журналистскому самоопределению». Выкристаллизовался тот тип периодического издания, который, не утрачивая масштаба энциклопедических изданий, был в то же время русским по характеру своей историософской концепции. Нравственный смысл истории определял метатекстовое пространство этой концепции. Перефразируя известные слова Пушкина о современном романе, можно сказать, что он размышлял о журнале, в котором бы «отразился век и современный человек изображен довольно верно...», о журнале, который бы шел в ногу *со временем*.

Подборки поэтических произведений Пушкина в «Северных цветах» неоднородны в жанровом отношении, но, что важно, уже здесь можно говорить о некоторой попытке подчинить набор поэтических публикаций в книжке альманаха общему объединяющему принципу.

⁴⁷ Канунова Ф.З. Пушкин в «Московском вестнике»: Некоторые проблемы истории. С. 61.

⁴⁸ Об этом подробнее см.: Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л., 1960; Рейзов Б.Г. Французская романтическая историография. Л., 1956, Он же. Творчество Вальтера Скотта. М.; Л., 1965.

Так, в публикациях в книжке на 1828 г. («Отрывок из "Бориса Годунова"», «Граф Нулин», «Череп») отражен процесс прозаизации поэтических произведений. Лирический блок Пушкина в «Северных цветах» на 1829 г. подчинен общему настроению воспоминания и предчувствия. Анализируя состав «Северных цветов» на 1829 г., подготовленных Пушкиным, А.С. Янушкевич акцентирует момент внутреннего свойства текста, «поэтического контекста», что позволяет говорить о «внутренней логике альманаха» – своеобразного реквиема о событиях 1825 г.⁴⁹

«Северные цветы» как один из лучших литературных альманахов эпохи имел для Пушкина особое значение, прежде всего, как средство сплочения лучших литературных сил, глобализации их литературных позиций. По мысли Л.Г. Фризмана, эта идея в полной мере воплотилась в деятельности Пушкина-издателя альманаха «Северные цветы» на 1832 г.⁵⁰ Именно в этот период, совпавший с активными действиями по созданию собственной политической газеты, для Пушкина очень остро стояла проблема сохранения целостного авторского коллектива «Северных цветов», который в дальнейшем должен был перейти в редакционную группу предполагаемого издания.

В конце 1829 г. Дельвиг решил издавать «Литературную газету». Можно утверждать, что «Литературная газета» выросла из «Северных цветов», многолетний опыт работы по изданию альманаха вносит свой вклад в создание газеты. Расцвет «Северных цветов» только обострил понимание необходимости периодического издания иного типа, время параллельного существования альманаха и газеты обнажает интересный процесс смены доминант в развитии публицистических форм в сторону более динамичных, коммуникативно-ориентированных. «Северные цветы» органично переросли замкнутость, кружковость, иногда вынужденную, альманаха, и в 1830 г. соединились объективные и субъективные предпосылки для создания журнала или газеты, оперативной, массовой, доступной.

«Название газеты открыто провозглашало ее назначение, в то время как все современные ей издания не ставили столь открыто профессионально значимых задач».⁵¹ По своей установке, духу, направлению это было оригинальное издание. Понятие «литература» в то время имело широкое значение и включало в себя представление о художествен-

⁴⁹ Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985. С. 180–183.

⁵⁰ Фризман Л.Г. А.С. Пушкин и «Северные цветы». С. 331.

⁵¹ Касаткина В. Послесловие // Литературная газета А.С. Пушкина и А.А. Дельвига. 1830 год. (№ 1–13). М., 1988. С. 196.

ной словесности, научных и публицистических трудах. Это определило стратегию издателей газеты: важнейшей стала установка на просвещение. Работа над «Литературной газетой» потребовала от ее создателей иного издательского подхода; газета требовала оперативной подготовки материалов (она выходила раз в пять дней), большей злободневности, при этом находилась в жесточайших цензурных рамках.

«Литературная газета» выходила под именем Дельвига, но на разных этапах управление в свои руки брали Пушкин, Вяземский, Сомов. Пушкинский этап «Литературной газеты» принципиально важен для выработки издательских стратегий, используемых и во время создания «Современника». В «Литературной газете» Пушкин издатель, редактор, публицист, эти же роли он исполняет в «Современнике», и так же его издательская деятельность ограничена «статьями чисто литературными»: политический отдел в «Литературной газете» был запрещен.

Можно считать, что структура «Литературной газеты» повлияла на структуру «Современника». Декларируя разнообразие и занимательность, издатели газеты выделяют пять отделов: «Проза», «Стихотворения», «Библиография русская и иностранная», «Ученые известия», «Смесь»; при этом постоянными объявляются только литературные произведения («Проза» и «Стихи»), «Библиография» и «Смесь». В «Современнике» Пушкин сохранит отделы «Стихотворения» и «Проза» и добавит библиографический отдел «Новые книги», отдел «Смесь» как признак издания частой периодичности не выделялся, но роль этого отдела в какой-то степени выполняли сноски и примечания «От издателя». В «Литературной газете» отдел «Смесь» так же в большей степени был заполнен издательскими примечаниями, в большинстве случаев авторами «Смеси» были Пушкин, Вяземский, Дельвиг, Сомов – на разных этапах издатели и редакторы газеты.

Период особо деятельного участия Пушкина, Вяземского, Сомова в создании газеты накладывал особый отпечаток на материалы и общий дух газетных номеров. Известно, что первые два месяца существования газеты (между отъездом Дельвига и приездом Вяземского в Петербург) Пушкин был главным редактором, следовательно, имел отношение к отбору и редактированию материалов. Кроме того, очевидно, что публикации Пушкина «сыграли особо важную роль в становлении "Литературной газеты" как органа писателей пушкинского круга, обозначив проблемы, занимавшие газету, и ее принципиальные взгляды на задачи и методы журнальной деятельности. Статьи Пушкина обозначили и самые формы журнальных выступлений, свойственные "Литературной га-

зете", пути использования их жанровых возможностей в осуществлении целей издания»⁵².

Пушкин понимал, насколько его деятельность важна для дельвиговской газеты, в этом смысле символично его шутливое сравнение себя с Атлантом, поддерживающим на плечах «Литературную газету»:

<П.А. Плетневу 29 октября 1830 г.>: «Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему явлюся непременно на подмогу, зимой, коли здесь не окалею. Покаместь он уж может заказать виньетку на дереве – изображающую меня голенького, в виде Атланта, на плечах поддержи<ва>ющего Лит.<ературную> Газету» [ПСС, XIV, 118].

Из 110 публикаций первых 13 номеров – 29 пушкинских⁵³. Для сравнения: во всех остальных номерах (691 публикация) помещено 13 собственно пушкинских материалов и 6 статей и заметок о его произведениях. Большой пласт издательских публикаций позволял влиять на дух альманаха прочерчивать издательскую стратегию, обозначать важнейшие проблемы современности. В этом смысле вполне закономерно появление в «Современнике, литературном журнале, издаваемом А.С. Пушкиным» большого количества пушкинских публикаций, создание собственного концептуального текстового массива, пронизывающего журнальный текст. Год участия Пушкина в «Литературной газете» подготовил год существования «Современника». Скромный объем пушкинских публикаций в «Северных цветах» на 1831 г. – пять поэтических произведений – лишний раз доказывает приоритетность в его сознании в данный период газетно-журнального жанра. В любом случае, конечно, необходимо учитывать объективные и субъективные обстоятельства: холерные карантин, подготовка к свадьбе, смерть Дельвига не способствовали продуктивной издательской и журналистской деятельности. И все же можно говорить об установке на активное участие в альманахе, газете, журнале. Недаром он пенял Дельвигу за невнимание к собственному альманаху:

<П.А. Вяземскому 2 января 1831 г.>: «Сев.<ерные> Цв.<еты> что-то бледны. Каков шут Дельвиг, в круглый год ничего сам не написавший и издавший свой альманах в поте лиц наших?» [ПСС, XIV, 139]; <П.А. Плетневу 7 января 1831 г.>: «Видел я, душа моя, Цветы: странная вещь, непонятная вещь!

⁵² Сидяков Л.С. Статьи Пушкина в «Литературной газете» и формирование позиции газеты в общественно-литературной борьбе рубежа 1830-х годов // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 91–92.

⁵³ Правда, необходимо отметить, что авторство семи публикаций только предположительно пушкинское. Подробнее см.: Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина. 1830–1831. Указатель содержания. М., 1966. 208 с.

Дельвиг ни единой строчки в них не поместил. Он поступил с нами как помещик со своими крестьянами. Мы трудимся – а он сидит на судне да нас побранивает. Не хорошо и не благоразумно. Он открывает нам глаза и мы видим, что мы в дураках» [ПСС, XIV, 141].

По Пушкину, роль издателя альманаха, газеты, журнала определяющая, его профессиональные действия должны быть безупречны. Показательно в этом смысле письмо М.П. Погодину от 31 августа 1827 г.:

«Еще слово: издание Урании, ей-богу, может, хотя и несправедливо, повредить Вам в общем мнении порядочных людей. <...> **Издатель журнала должен все силы употребить, дабы сделать свой журнал как можно совершенным, а не бросаться за барышом.** Лучше уж прекратить издание; но сие было бы стыдно. Говорю вам просто и прямо, потому что вас искренно уважаю» [ПСС, XIII, 341–342].

Выделенное высказывание принципиально для понимания издательской установки Пушкина в процессе создания «Современника». Это стремление к «совершенству» в издательской работе, так же как и в творчестве, четкое осознание уровня гражданской ответственности определит дух, содержание журнала 1836 г.

«Литературная газета» уже своим названием подчеркивала жанровую двойственность. Она скорее была газетой-журналом, при этом газетная составляющая давала массу преимуществ, среди которых возможность быстро реагировать на все события литературной жизни и печатать в рамках пяти отделов произведения различных жанров⁵⁴, что невозможно было в альманахе. «Литературная газета» позволила, в отличие от «Северных цветов», представить разнообразие прозаических и, что более важно, публицистических жанров. Если проза «Северных цветов» воплощалась в отрывках, то основная жанровая характеристика публицистики в «Литературной газете» может быть отражена в названии статей П.А. Катенина «Размышления и разборы», которые связующим звеном прошли через три тома дельвиговской газеты. Большая часть пушкинских прозаических публикаций – библиографические описания и заметки в отделе «Смесь»: малый публицистический жанр более динамичен, злободневен, в нем газетный дух, поэтому, думается, на этом этапе он был более привлекателен для соредактора Дельвига. Позднее эта тенденция проявится в отношении Пушкина к составлению аннотаций для отдела «Новые книги» «Современника», который будет восприниматься как его самый журнальный – оперативный, современный – отдел.

⁵⁴ Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина. С. 137.

Очевидно, что редакционная группа «Литературной газеты» исходила из установки на взаимоперекличку материалов газеты, внутреннее единство, тематическое и концептуальное. М.П. Еремин отмечает объединяющие полемические мотивы и факты соположения материалов, тематически и полемически связанных, например, связь заметки «Письмена Вавилонские» с заметкой Пушкина «О некрологии генерала Раевского», помещенной непосредственно перед последней.⁵⁵

«Литературная газета» пронизана сквозными темами на уровне как одного номера, так и нескольких номеров. Так, явно прослеживается тема воспитания и просвещения: ей подчинены аннотации и разборы книг, посвященных детскому воспитанию, различных справочников и практических пособий, с ней связана тема путешествий, движения, развития, нашедшая воплощение в статьях. Первые тринадцать номеров, издаваемые Пушкиным, объединены исторической тематикой, события 1812 и 1825 гг., образы, судьбы их участников проступают через материалы газеты. С 1 по 11 номер опубликованы сообщение о выходе «Некрологии генерала от кавалерии Н.Н. Раевского» (№ 1), аннотации «Истории русского народа» Н. Полевого (№ 4), романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (№ 5), подборка стихотворений Д. Давыдова, статьи о Наполеоне. В отдельный сюжет объединяются публикации Вяземского, посвященные Фонвизину, тексты самого Фонвизина. Важный полемический характер имеют материалы, связанные с темой русско-турецкой войны, которые позволяют высветить важнейшую философскую идею Пушкина о мире и сострадании, просвещении и человечности, контрастирующую с всеобщим прославлением ратных подвигов в этой войне.

Выбранный тон полемики, темы, заявленные в «пушкинских» номерах «Литературной газеты», предопределяли круг материалов, опубликованных позднее. Это способствовало внутреннему единству газетного текста, который во многом стал черновым вариантом для формирования единого текстового пространства «Современника». Не случайно в журнале появятся имена авторов, которые выступают в «Современнике» с другим материалами, но со схожей коммуникативной задачей (П.А. Вяземский с критическими разборами, Д. Давыдов с публикациями о войне 1812 г., В. Тепляков с ориентальной проблематикой), проявятся и получат более масштабное освещение магистральные темы и идеи, волновавшие Пушкина еще в 1830 г., возникнет даже случай по-

⁵⁵ Еремин М.П. В борьбе за высокую гражданственность // Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина. С. 37.

вторной публикации газетного материала («Военная грузинская дорога» и «Путешествие в Арзрум»).

Принципиальное значение «Литературной газеты», новаторский подход ее издателей проявились в яркой просветительской направленности, в утверждении гражданской позиции литератора, на суд читателя были представлены важнейшие вопросы политической, культурной, литературной жизни эпохи. «Публикации газеты во многом предвосхитили развитие литературы и литературной критики 30-х годов и готовили литературный процесс следующего десятилетия».⁵⁶

Участие в издании «Северных цветов», «Литературной газеты» знаменовало один из самых активных периодов творчества Пушкина-публициста. С 1832 г. до выхода первого номера «Современника» он напечатал только одну небольшую критическую заметку. При этом понятно, что на «Современник» он выходил с четким представлением о характере, структуре и содержании будущего журнала.

Письма 1831–1835 гг. свидетельствуют о сформированности издательского замысла:

*<П.А. Вяземскому 14 августа 1831 г.>: «Право надобно нам начать журнал, да какой? **Quarterley**. В 3 месяца книжку, нет, книжищу выдадим <...>» [ПСС, XIV, 208]; <П.А. Вяземскому 3 сентября 1831 г.>: «Ты пишешь о журнале: да, чорта с два! кто нам разрешит журнал? Ф.<он> Фок умер, того и гляди поступит на его место Н.И. Греч. Хороши мы будем! О газете политической нечего и думать, но **журнал ежемесячный, или четырехмесячный, третейской можно бы нам попробовать** – одна беда: *без мод* он не пойдет, а *с модами* стать нам наряду с Шаликовым, Полевым и проч. – советно» [ПСС, XIV, 220].*

Черновое письмо к Бенкендорфу в апреле–мае 1835 г. становится репетицией к письму, после которого был разрешен «Современник», ср.:

*<А.Х. Бенкендорфу апрель–май 1835 г.>: «Итак, я хотел бы быть издателем газеты, во всем сходной с "Северной пчелой"; что же касается **статей чисто литературных** (как то пространных критик, повестей, рассказов, поэм и т. п.), которые не могут найти место в фельетоне, то я хотел бы издавать их особо (**по тому каждые 3 месяца, по образцу английских Reviews**)» [ПСС, XVI, 29, 370].*

*<А.Х. Бенкендорфу 31 декабря 1835 г.>: «Я желал бы в следующем, 1836 году **издать 4 тома статей чисто литературных** (как то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; **на подобие английских трехмесячных Reviews**» [ПСС, XVI, 69].*

⁵⁶ Касаткина В. Послесловие. С. 206.

Любопытно, что еще до отправления официального письма Бенкендорфу определены материалы, которые войдут в первый номер, и даже их месторасположение:

<П.А. Плетневу не позднее 11 октября 1835 г.>: «<...> ты получил Путешествие от цензуры; <...> Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, в ней альманах далеко может уехать; <...> Начнем альманах с Путешествия, присылай мне корректуру, а я перешлю тебе стихов» [ПСС, XVI, 55–56].

Перерыв с 1832 по 1835 г. позволял осмыслить предыдущий издательский опыт и издательские перспективы, этому помогали и неосуществленные замыслы политической газеты, и внимательный анализ существующих, появившихся за это время периодических изданий. В этом смысле интересно письмо к И.В. Киреевскому от 4 февраля 1832 г., в котором Пушкин, прочивший «Европейцу» большое будущее и воспринимающий его в качестве печатного органа лучших писателей, дает конкретные советы по изданию журнала, сорасположению материалов, их характеру:

*«До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны да сухи; кажется **Европеец первый соединит дельность с заманчивостию**. Теперь несколько слов об журнальной экономии: в первых двух книжках Вы напечатали две капитальные пиэсы Жуковского и бездну стихов Языкова; это неуместная расточительность. Между Спящей Царевной и мышью Степанидой должно было быть по крайней мере 3 нумера. Языкова довольно было бы двух пиэс. Берегите его на черный день. Не то как раз промотаетесь и принуждены будете жить Раичем да Павловым. <...> NB **избегайте ученых терминов**; и старайтесь их переводить, то-есть, перефразировать: **это будет и приятно неучам и полезно нашему младенчеству языку**» [ПСС, XV, 9].*

Размышляя о специфике развития пушкинского творчества, Ю.Н. Тынянов отмечает на определенном этапе замену развитого и длинного описания ассоциативной силой слова: «Одного слова – "названия" достаточно, чтобы вызвать соответствующие ассоциации и заставить читателя двигаться в определенном плане, причем это достигается выдержанностью плана. <...> Это отношение к слову как к лексическому тону, влекущему за собой целый ряд ассоциаций, дает возможность Пушкину передавать "эпохи" и "века" вне развитых описаний, одним семантическим колоритом»⁵⁷. Очевидно, что слово «современник», вынесенное в заглавие всего издания, определило издательскую стратегию, стало объединяющим фактором, превратило издание Пушкина в знак времени.

⁵⁷ Тынянов Ю.Н. Пушкин. С. 131.

Особая роль номинаций периодических изданий — знаков эпохи очевидна, и эволюция их названий, безусловно, определяется направлениями движения литературного процесса. Очевидно, что названия «Московский телеграф», «Московский вестник», «Московский наблюдатель», «Библиотека для чтения», «Европеец» и др. во многом определили характер этих журналов, специфику их содержания и полемическую тактику. Залогом коммерческого успеха «Библиотеки для чтения» стала ориентация на разнообразие и способность удовлетворить различные читательские вкусы, что, безусловно, является признаком хорошей библиотеки. Для субъекта (вестника, наблюдателя), образ которого вошел в названия московских журналов, характерна позиция отстраненности, это человек со стороны, наблюдающий и передающий; для актуализации информации Полевому был важен современный образ «телеграфа». Более персонифицированным и концептуальным кажется название журнала И.В. Киреевского «Европеец».

Убедительных документальных свидетельств об источнике, авторстве и времени появления названия журнала не существует. Принято считать, что название «Современник» восходит к журнальному замыслу Вяземского 1827 г. В этом смысле показателен вопрос Вяземского Пушкину в письме от 22 ноября 1827 г.: «Что наш *Современник* пойдет ли со временем?» [ПСС, XIII, 348]. Б.В. Казанский в своей работе «Западные образцы "Современника"» связывает генезис названий русских периодических изданий первой трети XIX в. с названиями западных изданий. Так, в годы создания пушкинского журнала в Париже издавался «Le Contemporain» («Современник»), о чем Пушкин должен был знать. По мысли исследователя, в выборе названия отразилась «подлинная европейская установка Пушкина на самое содержание и тон журнала»⁵⁸.

Принципиально, что сама идея пушкинского журнала и его названия возникает более чем за десять лет до момента реализации этого замысла. Концептуальность названия, сохраненного Пушкиным спустя десятилетие после обсуждения его с Вяземским, определена самой эпохой, исторически оправданным повышением статуса отдельной личности. Словарь языка Пушкина фиксирует два значения слова «современник»: 1) лицо, живущее с кем-нибудь в одно время; 2) сверстник, человек одного поколения с кем-нибудь⁵⁹. Для понимания концепции журнала 1836 г., во многом обусловившей его единство, необходимо учитывать важность для Пушкина идеи связи времен, единства поколения: со-поколения, со-временника. Отсюда в полной мере Пушкиным осоз-

⁵⁸ Казанский Б.В. Западные образцы «Современника». С. 381.

⁵⁹ Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956–1961. Т. IV. С. 258.

нается значение личностного восприятия эпохи, «выстраданного каждым права судить и осмыслять событие – со-бытие, – общее для всех и неповторимое для каждого из его участников»⁶⁰. Симптоматично, что своим предполагаемым изданиям 1830-х гг. Пушкин дает названия «Дневник» и «Летописец». Если альманах Дельвига в своем названии акцентировал установку на собрание лучших, поэтических прежде всего, произведений – цветов русской поэзии и прозы, в названии «Литературной газеты» проявлена позиция просвещения, общественной направленности, то название «Современника», включая также и эти послы, ориентировало на первостепенное значение личности в эпохальном движении. Для концепции «Современника» принципиально важна установка на летописание эпохи, но не отстраненного, а пропущенного через личностное восприятие. Дневник, летопись позволяли сочетать личное и эпохальное.

По Пушкину, «журнал» – это: 1) дневник, тетрадь с ежедневной записью чего-нибудь; 2) периодическое издание⁶¹. «Литературную газету» Пушкин называл журналом.⁶² 30-е гг. XIX в. – время неподдельного интереса к дневникам и запискам. Известен интерес Пушкина к мемуарным памятникам: он не оставляет без внимания записки Байрона (1825), Наполеона и Фуше (1825), настоятельно просит П.В. Нащокина начать свои мемуары (1830), интересуется «Воспоминаниями А.П. Ермолова» (1833), печатает статьи о «Записках Моро-де-Бразе». Именно в записках, дневниках Пушкин видел неоценимый источник информации, отражение времени, живое движение эпохи. Стремление сохранить картину того мира, в котором живет современник, нашло отражение уже в «Северных цветах». Пониманием исторической важности жизни конкретной личности пронизана «Литературная газета», в которой большое внимание уделено жизнеописанию Д.И. Фонвизина, появилось сообщение о публикации мемуаров Байрона. Исторические разыскания, журналистская деятельность, работа над «Евгением Онегиным» – энциклопедией русской жизни, ведение Пушкиным собственных дневниковых записей стали мощной эстетической, философской основой «Современника».

Дневник Пушкина 1833–1835 гг. очень важен для понимания основополагающих установок при создании журнала 1836 г. «По своему со-

⁶⁰ Фомичев С.А. «Несколько раз принимался я за ежедневные записки...» // Пушкин А.С. Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989. С. 7.

⁶¹ Словарь языка Пушкина. Т. I. С. 804.

⁶² Станько А.И. А.С. Пушкин - журналист, его размышления и разборы. Ростов н/Д., 1999. С. 23.

держанию – это дневник свидетеля и участника общественной жизни страны. Текущая придворная жизнь Петербурга, новости государственного управления, вопиющие факты, характеризующие современный общественный строй, минувшие исторические события, перемежаются в нем историческими анекдотами и личными заметками».⁶³ В образцовых с точки зрения эдиционной практики изданиях «Дневника» Пушкина (одновременные издания В.Ф. Саводника и Б.Л. Модзалевского 1923 г.)⁶⁴ показательна на первый взгляд диспропорция между объемом текста самого памятника (около 30 с.) и примечаниями к нему (около 400 с. у Саводника и 250 с. у Модзалевского). Но за этой видимой диспропорцией скрывается зримая позиция Пушкина–летописца эпохи 1833–1835 гг. Сгустки мысли, стилистическая точность и конкретность вбирают в себя масштабность исторического события. Пушкина интересует не только сам факт (беседа с молдавским господарем Суццо о Пестеле и этеристах, история гвардейского офицера фон Бринкера, беседа о русском флоте, беседы с Н.К. Загряжской о Екатерине, история с собственным камер-юнкерством, история семейства Безобразовых и т.д.), сколько образ времени, его тенденции. Замечательные комментаторы дневника почувствовали это, увидев в лаконичных, конспективных записях Пушкина – «бездну пространства». За каждым из отмеченных фактов, их сцеплением, особой нарративной стратегией (устные рассказы современников об истории⁶⁵) открывается «грядущее прошлое», связь эпох и трагедия мыслящего современника. В предисловии к изданию Б.Л. Модзалевского комментатор заметил, что Пушкин «с жадностью ловил и запечатлевал в своем сознании и редко-острой памяти все впечатления бытия»⁶⁶, а автор вступительной статьи известный историк П.Е. Щеголев конкретизировал эту мысль: «Когда Пушкин заносил ту или иную деталь на память потомству, он смотрел на нее как на деталь картины, которую нарисует в будущем на основании записей дневника или он сам, или неведомый читатель и исследователь»⁶⁷. Пушкин не случайно свой дневник постоянно называл «журналом» (по аналогии с

⁶³ Левкович Я.Л. Пушкин-мемуарист // А.С. Пушкин. Дневники. Записки. СПб., 1995. С. 167.

⁶⁴ Дневник А.С. Пушкина (1833–1835 гг.). М.; Пг., 1923. 578 с.; Дневник Пушкина 1833 – 1835 / Под редакцией и с объяснительными примечаниями Б.Л. Модзалевского и со статьей П.Е. Щеголева. М.; Пг., 1923. 275 с.

⁶⁵ См.: Иезуитова Р.В. Жанр устного рассказа в творчестве Жуковского и Пушкина 1830-х годов // В ее кн.: Жуковский и его время. Л., 1989. С. 254–270.

⁶⁶ Дневник Пушкина (изд. Модзалевского). С. II.

⁶⁷ Там же. С. XIII.

известным «Journal du Marquis De Dangeau»)⁶⁸; в самом тексте его «Дневника» журнальный дискурс все время выходит на поверхность:

«Так я же сделаюсь русским Dangeau» (с. 5), «Вчера было совещание литературное у Греча об издании Русского «Conversation's Lexicon» <...> Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку» (с. 9), «Этот лексикон будет ни что иное как Северная пчела и Библиотека для чтения, в новом порядке и объеме» (с. 11), Сперанский «советовал мне писать историю моего времени» (с. 12), «Телеграф запрещен. <...> Жуковский говорит: *Я рад, что Телеграф запрещен, хотя жалею что запрещен*» (с. 12), «Гоголь по моему совету начал писать Историю русской критики» (с. 12), «В среду был у Хитровой – имел долгий разговор с Великим князем – Началось журналами...» (с. 23).

Дневник 1833–1835 гг. становится поистине прологом к «Современнику». Это своеобразный «его-документ», поведенческий текст, в котором намечается и вырабатывается стратегия и тактика будущего издания: предельный лаконизм выражения и пространство мысли, интерес к «истории моего времени» и к «истории русской критики», природа либерализма не как «пустой только маски» (слова, сказанные Пушкиным в связи с позицией Полевого), а как последовательной позиции журнала.

Одним словом, дневник Пушкина 1833–1835 гг. стал лабораторией нарождающегося «Современника». И дело здесь, конечно же, не в специальном и целенаправленном замысле. Проблема генезиса журнальной стратегии «Современника» глубже: она неразрывно связана с характером пушкинского мышления этого времени, с его нарративными стратегиями. И публицистика 1830-х гг., и «История Петра», и «История Пугачевского бунта», и незаконченная проза – все это звенья и этапы этого генезиса. Просто дневник как «человеческий документ» интимизировал эту проблему и перевел ее в плоскость творческой лаборатории.

Любопытно, что к середине 1832 г. относятся хлопоты Пушкина, собиравшегося издавать газету «Дневник».⁶⁹ Через несколько лет в своем журнале Пушкин в полной мере воплотит идею журнала-дневника, уже в названии определив себя издателем дневника современности: «"Современник", литературный журнал (читай – дневник), издаваемый Александром Пушкиным». При этом субъективный компонент названия пушкинского журнала принципиально важен для понимания издатель-

⁶⁸ Дневник Пушкина (изд. Модзалевского). С. 81–82. Далее текст дневника цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте (с. 5).

⁶⁹ См.: Гиллельсон М.И. А.И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М.; Л., 1964. С. 470.

ской стратегии и статуса «Современника» в контексте русской литературы и журналистики.

«Современник» представляет собой текст – журнал, дневник участника событий, в котором «отразился век и современный человек изображен довольно верно». Рассмотрение «Современника» в контексте «Северных цветов» и «Литературной газеты» позволяет говорить о формировании и воплощении в журнале культурно-философского концептуального пласта эпохи, о восприятии его в качестве не только литературной формы, но и формы времени.

Способы употребления слов «современник», «современный» и общий контекст времени, влюбленного в историю, позволяют посмотреть на «Современник» как на журнал, в котором воплотилась идея исторического развития и роль личности, современника, в этом процессе. Установка на дневниковость стала структурообразующей для пушкинского журнала.

С.Н. Глинка в письме Пушкину от 26 марта 1836 г. очень кратко и емко в одной формуле показал особую, по сравнению с другими периодическими изданиями, природу пушкинского журнала:

«Ваш *Современник* будет *Сопотомственником*. Этот термин моего изобретения; но гения не изобретешь. Он [рожд<дается> <?>] появляется под влиянием своей звезды и продолжает жить в потомстве» [ПСС, XVI, С. 98, 387].

В этой фразе отражено восприятие современниками единства субъективных и темпоральных коннотаций, рождаемых названием и общим комплексом идей, проблем, нашедших отражение на страницах пушкинского журнала.

Пройдя десятилетний путь к собственному печатному изданию, получив разрешение на четыре тома статей чисто литературных, Пушкин за год издает журнал, концепция которого была в той или иной форме отработана в процессе издания «Северных цветов» и «Литературной газеты» и сформирована во время работы над нереализованными замыслами. Таким образом, очевидно, что единство текста «Современника» было изначально предопределено.

Журнал в определенной степени можно рассматривать как важнейший рубеж журналистской деятельности Пушкина, усиленный в сознании современных ученых смертью издателя. Рубежность, своеобразная итоговость «Современника» была предопределена, кроме того, годовщинами исторических событий: близилось двадцатипятилетие со времени победы в войне 1812 г., десять лет прошло с тех пор, как были казнены декабристы. В «Современнике» возвращение к этим переломным для российской истории событиям связано с философским их ос-

мыслением, что также во многом определило его структурно-тематическое единство.

Одновременно необходимо отметить, что линия «альманах–газета–журнал» не только выстроилась благодаря личным пристрастиям, но и определилась обстоятельствами. Ежеквартальник воплотил в себе опыт альманаха и газеты, позволил отточить приемы работы с публицистическим материалом в обстановке цензурных и временных рамок, сформировать умение говорить больше, чем позволял материал. «Современник» стал обобщением издательского, концептуального опыта. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что единство каждого отдельного номера и четырехтомника в целом не столько задано, сколько закономерно. Оно определено требованиями времени, принципами современного литературного и журнального творчества, долгим путем к журналу, особенностями творческого сознания Пушкина – гармонизирующего, не допускающего случайностей – все это обозначило подход, в основе которого «гармоническая правильность распределения предметов», «иерархия предметов»⁷⁰.

⁷⁰ Цит. по ст.: Тынянов Ю.Н. Пушкин. С. 159.

1.2. Пушкинский текст как концептуальная основа «Современника»

«Современник» – зрелый продукт пушкинского творчества – необходимо рассматривать как метатекст, составное текстовое образование, единое пространство которого организовано взаимодействием, переплетением разных коммуникативных кодов, текстов. При этом пушкинский текст – моделирующее начало «Современника»-метатекста, он выполняет функцию его организующего стержня. Не случайно в своей статье о «Современнике» В.Ф. Одоевский обозначает журнал как собрание статей Пушкина о разных предметах, изданное отдельной книгой.⁷¹ В пространстве пушкинского текста реализуются закономерности отбора материала, соположения публикаций, отражаются принципы взаимодействия и взаимовлияния культурных языков, иерархия текстов, сложный механизм создания единого метатекстового пространства, нашедшего отражение в журнале в целом.

Пушкинский текст включает шесть стихотворных публикаций, тринадцать прозаических, большинство из которых – публицистические статьи, четыре аннотации на новые книги, несколько издательских примечаний, объяснений и публикации, которые воспринимались как пушкинские⁷². Если учесть, что четыре тома журнала вместили всего около 83 публикаций, то очевидна масштабность пушкинского текста: более 40 % от всего объема журнала, около 550 страниц (при этом необходимо учитывать, что средний объем номера – 320 страниц) (см. Приложение 1).

Масштабность пушкинского массива позволяет говорить о принципиальной авторской позиции, определяющей отбор материалов и струк-

⁷¹ Заборова Р.Б. Неизданные статьи В.Ф. Одоевского о Пушкине. С. 318.

⁷² К ним можно отнести статью Н.В. Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», которая считалась редакционной, «Уведомление» (II том), написанное Дмитриевым и отредактированное Пушкиным, 2 заметки «От редакции» (II и IV том) (автор – П.А. Вяземский), примечание «Вот книги, вышедшие в продолжение первой четверти сего года...» (вероятный автор – Н.В. Гоголь) (См.: Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным: Приложение к факсимильному изданию. М., 1987. С. 102, 133–134, 201). В Приложении 1 они отмечены (*).

туру журнала-метатекста. В этом смысле все пространство «Современника» можно считать пушкинским текстом, что четко обозначено в названии журнала: «"Современник", литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным». Думается, ощущение важности, принципиальности названия, кроме всего, определяется его яркой семиотичностью, той функцией пограничности, которую оно выполняет. Метафоричность названия пушкинского журнала является мощным объединяющим фактором различных текстов в общепринятом и семиотическом понимании этого слова. Уже в самом названии заложена функция самоописания системы, те правила и закономерности построения, которые, по Лотману, не дают ей «потерять единство и определенность и "расползтись"»⁷³. Интенция, заданная в названии, определяет закономерности развития журнала как целого, соответственно, мерцание смыслов «журнал – пушкинский текст, пушкинский текст в журнале» усложняет его структурно-смысловую организацию на разных уровнях и прежде всего на уровне авторском.

1.2.1. Образ издателя в пушкинском тексте

Для пушкинского текста в «Современнике» характерен принцип неоднородного авторства. Заглавие журнала как минимум удваивает авторство каждой публикации. При этом соотнесение авторства публикации с автором-издателем журнала способствует интеграции материалов, а отдельное реальное или заявленное – дифференциации. Пушкинский текст воплощает в себе эти процессы, и основной стратегией здесь становится имитация мультиавторства, которая позволяет организовать внутреннюю полифонию текста, сохраняя при этом достаточно жесткую внутреннюю же синтетичность.

В «Современнике» встречается несколько видов авторизации пушкинских публикаций: А. Пушкин, А.П., Р., А.Б., Издатель (Изд. – как вариант), The Reviewer. Как видим, подписи демонстрируют дихотомию личностного и профессионального. Персонифицированные подписи позволяют создать авторскую множественность, выявить субъективную, частную позицию: так, «Путешествие в Арзрум» – осколок частной жизни Александра Пушкина. Профессиональные подписи обозначают сферу издателя-редактора, композиционно организующего личностные тексты, формирующего целостное, иерархически выстроенное пространство. При этом подпись, как и знаковое отсутствие ее, выполняет

⁷³ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С. 255.

функцию границы между публикациями, отграничивает одно выражение авторского сознания от другого либо, наоборот, обозначает проникновение одной авторской установки, эстетики, позиции в другую, несет заряд аллюзионности.

Необходимо заметить, что в журнале Пушкин предпочитает помещать материалы собственного сочинения без подписи. Если же подпись появляется, то она характеризует не автора, а издателя того или иного материала: как автор Пушкин «растворяется». В «Современнике» усилена позиция издателя. Заявив себя издателем журнала, Пушкин считает необходимым лишний раз подчеркнуть свою издательскую функцию по отношению к отдельным материалам. Так, во втором томе, размещая записки Н.А. Дуровой, он считает нужным в названии указать: «Записки Н.А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным», предисловие к запискам еще более усиливает издательскую составляющую: оно подписано «Изд.» и содержит указание на журнал, в котором печатается [II, 54], таким образом как бы удваивая издательское начало: издатель «Записок» одновременно является издателем «Современника». Так же ярко подобный принцип работы с материалом прослеживается и по отношению к «Капитанской дочке»: образ издателя записок Гринева смыкается с образом издателя «Современника».

По этой же модели: опубликование записок, дневников издателем чаще всего с предисловием или примечаниями – представлены многие публикации «Современника»: «Путешествие в Арзрум», «Об "Истории Пугачевского бунта"», «Джон Теннер» и др. Позиция издателя журнала, дневника, записок становится стратегически определяющей, по этой модели будет представлено большинство прозаических публикаций, формирующих пушкинский текст.

Именно позиция издателя, претендующая на большую объективность, позволяет более емко раскрывать авторские интенции, актуализировать принципы отбора и размещения, соположения текстов, их значимость в пространстве журнала. Так, в аннотации Пушкина на книгу Виланда «Востола, или Желания», издателем которой, что важно, также является Пушкин, он пишет:

«В одном из наших Журналов дано было почувствовать, что издатель Востолы хотел присвоить себе чужое произведение, выставя свое имя на книге, им изданной. Обвинение несправедливое: **печатать чужия произведения, с согласия или по просьбе автора, до сих пор никому не воспрещалось.** Это называется *издавать*; слово ясно; по крайней мере до сих пор другого не придумано» [I, 303].

Здесь для нас важно то, что роль издателя, по мнению Пушкина, – печатать *чужие* произведения, соответственно, издатель «Современника» дистанцируется от авторства каких бы то ни было публикаций в своем журнале, что приводит к намеренной объективации собственного авторства и, соответственно, актуализации автора «реального»: Гринева в «Капитанской дочке», Г. Кониского и Дж. Теннера в статьях «Собрание сочинений Георгия Кониского» и «Джон Теннер» и др.

Доминирующее положение «реального» создателя текста подчеркивается декларацией второго издательского принципа: по Пушкину, очень важно, что издание производится «с согласия или по просьбе автора». Эта позиция намеренно подчеркивается в публикациях «Современника». Так, в уже указанной аннотации издатель обозначает свой труд как поручение, данное ему автором:

«Он мог **поручить другому** приятный труд издать свою поэму, но конечно бы не принял милостыни, от кого-бы то ни было» [I, 304].

Момент согласия автора записок на публикацию акцентируется в предисловии к «Запискам Н.А. Дуровой»:

«**Удостоенные** ея [Н.А. Дуровой – Т.Ф.] **доверенности**, мы будем издателями ея любопытных записок. <...> Надежда Андреевна **позволила нам** украсить страницы *Современника* отрывками из журнала, веденного ею в 1812–13 году. С глубочайшей благодарностью спешим воспользоваться ея позволением» [II, 54].

Та же издательская интенция прослеживается и в послесловии к запискам Петруши Гринева:

«Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков <...>. Мы решились, **с разрешения родственников**, издать ее особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена» [IV, 215].

Последняя цитата свидетельствует о том, что в «Современнике» реализуется функция не только издателя-посредника – это скорее одна из ролей, настойчиво Пушкиным акцентируемая. Издатель – активный, самостоятельный участник издаваемого им текста, он берет на себя право редактирования и оформления материалов, любезно ему предоставленных, тем самым увеличивается неоднородность издательского образа, включающего в себя редакторскую позицию. Принципиальность декларации самостоятельной издательской позиции будет подчеркнута замечанием, помещенным в заметке «От редакции» (III том):

«В первом томе "Современника", в статье: *Новыя Книги*, под параграфом, относящимся к *Востоле*, поэме Виланда, изданной А. Пушкиным, ошибкой пропущена подпись издателя» [III, 332].

Это доказывает, что Пушкину принципиально важно обозначить издателя как автора аннотации. С другой стороны, сразу возникает вопрос: чья подпись пропущена – издателя «Современника» или издателя поэмы Виланда?

В качестве яркой иллюстрации игрового поведения издателя можно рассматривать заметку «От редакции», посвященную статье А.И. Тургенева «Париж (Хроника русского)», появление которой обусловлено объективными обстоятельствами.⁷⁴ Здесь фразы, которые призваны осудить произвол издателя, лишний раз позволяют ему продекларировать свою позицию:

«Можно было бы, и по некоторым отношениям следовало бы для порядка дать этим разбросанным чертам стройное единство, облачить в литературную форму. Но мы предпочли сохранить в нем живой, теплый, незапный отпечаток мыслей <...>; впрочем, кажется, мы не ошиблись в своем предпочтении. <...> Но мы желали только по обязанности редакторской приняв на себя всю ответственность за произвольное напечатание помянутых выписок, отклонить ее от того, который писал их забывая, что есть книгопечатание на белом свете» [II, 311–312].

Любопытно, насколько содержание и стиль этой заметки, автором которой является П.А. Вяземский, органично включается в многослойную авторскую структуру, созданную издателем «Современника».

Очевидно, что пушкинская стратегия в формировании четырех томов журнала, нацеленная на синтетичность, целостность, реализуется в имплицитной форме (читатель не осознает тех приемов, которыми пользуется издатель, управляя его восприятием), но, что важно, можно говорить и об экспликации издательских приемов и установок, в этом смысле важная роль отводится именно образу издателя, который напрямую выходит к читателю, открывая тем самым секреты издательской и редакторской кухни. Об этом свидетельствуют издательские примечания, которые также имеют разную тональность: от обычного комментария, как в статье «Джон Теннер», до эмоционального и концептуального примечания к статье Султана Казы Гирея «Долина Ажитугай», подоб-

⁷⁴ А.И. Тургенев был недоволен тем, что в I томе «Современника» его статья «Париж (Хроника русского)» была помещена в неотредактированном виде, этот факт стал причиной того, что следующая часть «Хроники» была помещена только в IV томе.

ную же функцию выполняет издательское примечание к повести Гоголя «Нос»:

«Н.В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись» [III, 54].

Таким образом, важнейшими издательскими установками становятся: декларация помещаемого в журнале текста как чужого, публикуемого с согласия авторов; обработка публикаций ведется в соответствии с журнальным контекстом, а читатель приглашается в соучастники этого процесса. В журнале создается иллюзия читательского влияния на мнение издателя, при этом оно (читательское) воспринимается как авторитетное, даже по отношению к мнению журналистов и издателей, т. е. профессионалов:

«По всем отзывам **образованных и просвещенных людей**, Парижская хроника возбудила живейшее любопытство и внимание. Даже и **тупые печатные замечания** подтвердили нас в убеждении, что способ, нами избранный, едва ли не лучший. Вкус иных людей может служить всегда надежным и неизменным руководством: стоит только выворотить вкус их наизнанку» [II, 312].

Смена ролей – А.С. Пушкин-автор, А.С. Пушкин-издатель произведений других авторов, А.С. Пушкин-издатель «Современника» – усложняет структуру пушкинского текста. Доминирующая роль в нем принадлежит уровню издателя. Подобный вывод можно сделать, опираясь на тот факт, что с подписями опубликованы прежде всего тексты издателя или материалы, в которых есть явное указание на образ Пушкина-издателя; с другой стороны, материалы, помещаемые без подписи, часто воспринимаются как редакционные (как случилось со статьей Гоголя «О движении журнальной литературы»), т. е. приписываются перу Пушкина. В этом случае бинарная оппозиция текста чужого (издательского) и своего (пушкинского) отражается в названии журнала и фиксируется как текст Пушкина-издателя.

Особенности игры образами – профессиональными и персонифицированными – можно проследить в «Объяснении», помещенном в конце четвертого тома. Основной пафос этой заметки связан со стихотворением «Полководец», напечатанным в третьем томе «Современника». В самом начале публикации заявлена позиция отстранения автора от собственного произведения, во главе издательская функция:

«**Одно** стихотворение, напечатанное в **моем** журнале, навлекло на меня обвинение, в котором долгом полагаю оправдаться» [IV, 295].

Но по мере развертывания текста сквозь образ издателя все более проступает образ автора, стихотворца:

«Но не могу не огорчиться, когда в смиренной хвале **моей** вождю, забытому Жуковским, соотечественники мои могли подозревать низкую и преступную сатиру – на того, кто некогда внушил мне следующие стихи, конечно недостойные великой тени, но искренние и излиянные из души» [IV, 297].

Статья заканчивается фрагментом стихотворения, посвященного Кутузову. Подпись «А. Пушкин» под стихотворением актуализирует образ автора стихотворного произведения, но последнее слово все же остается за Пушкиным-издателем: итоговая строка «"Иди, спасай!" Ты встал – и спас...» заканчивается издательским «и проч.» [IV, 298].

Доминирующая позиция издательского текста по отношению к авторскому прослеживается и в статье «Об "Истории Пугачевского бунта"», которая подписана «А.П.». В отличие от предыдущего случая, менее личностный характер подписи может быть связан с более объективным характером критической статьи, тогда как подпись «А. Пушкин» под «Объяснением», возможно, характеризует большую эмоциональность и субъективность. Очевидно, что автор «Истории Пугачевского бунта» известен публике, он не скрывается и в этой статье, но любопытно то, что разбор осуществляется не от имени автора «Истории Пугачевского бунта», а от имени издателя «Современника»: «Это заставило меня перечитать его критику и возразить на оную в **моем журнале** <...>» [III, 110]. Тогда как к разбираемой книге отношение обособленное: «Несколько дней после выхода из печати "Истории Пугачевского бунта" явился в "Сыне отечества" разбор **этой книги**» [III, 109]; или с позиции издателя: «Я собирался **при другом издании** исправить замеченные погрешности <...>» [III, 109].

Неоднородность образа издателя актуализуется и в принципе авторизации статьи «Джон Теннер». Здесь показательно соположение подписей: сразу под статьей – «The Reviewer», а два примечания толкующего характера на этой же странице подписаны «Изд.» (все остальные примечания в статье идут без подписи). Таким способом автор принципиально отстраняется от текста статьи, чему способствуют издательские примечания, при этом отсутствие печатного указания на имя издателя снимает любой субъективный акцент. Предельно обобщенный характер имеет и подпись «The Reviewer»⁷⁵, но, в отличие от издателя, образ обо-

⁷⁵ Эта подпись, по мнению Дж.Т. Шоу, восходит к предисловию Блоссвиля к книге Теннера. (См.: Шоу Дж.Т. Пушкин об Америке: статья «Джон Теннер» // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2003. Т. XVI–XVII. С. 290).

зрвателя, рецензента имеет более критическую позицию по отношению к предлагаемому материалу, что соотносится с острополюемическим характером публикуемой в «Современнике» статьи.

Ярчайшим примером воплощения образа издателя в «Современнике» и принципов издательской игры становится, безусловно, «Письмо к издателю». Большое количество работ и масса вариантов интерпретации этого текста явственно свидетельствует о его принципиальной роли в пушкинском журнале. Не рассматривая специально все многообразие исследовательских подходов к этому тексту, отметим, что именно в нем, как ни в одной из публикаций, акцентируется связь «издатель—читатель» и моделирующий тип издательской стратегии Пушкина. Очевидно, что в процессе создания «Современника» для Пушкина принципиальна позиция адресата. Так, М.Н. Дарвин, анализируя соотношение образов издателя и читателя в «Современнике» и описывая конфигурацию нарратива журнала, смысловое пространство которого формируется этими образами и по отношению к этим образам, отмечает, что издатель ориентируется на два типа читателей: критики и остальные читатели, при этом, по мысли исследователя, для «Современника» характерен читатель «белкинского типа», в котором есть потенциал для совершения неких творческих открытий⁷⁶. Соответственно, система образов «издатель—обозреватель (читай — критик) —автор» дополняется компонентом «читатель», для которого также характерна дихотомия субъективного и объективного, представляет собой полноценную модель литературного процесса, нашедшую свое воплощение на страницах журнала.

Прием мистифицированного авторства был отработан Пушкиным в процессе собственного творчества («Повести Белкина», «История села Горюхина», «Капитанская дочка»). Большинство своих журналистских работ он по разным причинам публикует анонимно или использует маску Феофилакта Косичкина, своеобразным двойником которого в «Современнике» становится господин А.Б. из Твери («Письмо к издателю»). Как справедливо отмечает Дж. Т. Шоу, «появление той или иной работы при первой публикации за подписью автора или под псевдонимом в определенной мере свидетельствует о том, какого читательского

Иноязычная подпись к русскоязычному тексту усиливала его восприятие как переводного, в связи с этим за все полемические пассажи ответственность ложилась на «реального» автора статьи.

⁷⁶ Подробнее см.: Дарвин М.Н. Met' allela и di' allela в анализе последовательности текстов как проблема нарратива // <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs5darwin.htm>.

прочтения желает ее создатель»⁷⁷. Образ издателя в «Современнике» становится тем фактором, который во многом отвечает за направление вектора читательского восприятия.

Обозначение пушкинского текста как издательского по преимуществу представляется достаточно перспективным для понимания его в качестве структурно-содержательной модели всего журнала в целом. Ведущий принцип публикации Пушкиным собственных материалов или текстов, так или иначе соотносящихся с его именем, от имени издателя: в минимальном варианте издателя записок, дневников, и как максимум издателя «Современника» (особенно это касается публикаций без подписи), становится важнейшим синтезирующим фактором. Издательский текст стал поведенческим текстом Пушкина, позволил ему обозначить собственную позицию, выстроить индивидуальную линию поведения.

Обозначение уровня издателя позволяет наглядно представить способы формирования целостности журнального текста. Однако издательская стратегия проявляется в журнале преимущественно имплицитно. В этом смысле композиция пушкинского текста, отразившаяся на композиции журнала в целом, весьма показательна.

Безусловно, в «Современнике» не появилось ни одной случайной пушкинской публикации, более того, принципиальны позиция и порядок следования их в номере и, соответственно, от номера к номеру. Если в отношении произведений других авторов Пушкин зависел от обстоятельств и авторских предпочтений, то в отношении объема и характера собственных материалов его планы могла поколебать только цензура.⁷⁸

Анализируя принцип расположения публикаций, входящих в пушкинский текст (см. Приложение 1), можно с уверенностью говорить о его заданности. Пушкинские публикации занимают сильные позиции в системе четырех томов, идеологически определяя каждый номер: «Пир Петра Первого», статьи «Российская Академия», «Французская Академия» открывают первый и второй том, в третьем номере «Письмо к издателю» вынесено за отдел «Новые книги», играющий роль границы каждого номера, центральное место занимает подборка из двенадцати пушкинских публикаций в третьем томе и «Капитанская дочка» в четвертом. Пушкинские материалы объединены в плотные массивы в каждом томе. При этом намеренное снятие индивидуального авторства спо-

⁷⁷ Шоу Дж.Т. Проблема «Вымышленного автора» в журналистике: Феофилакт Косичкин Пушкина // Современное американское пушкиноведение. Сб. ст. СПб., 1999. С. 225.

⁷⁸ См.: Вацура В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». С. 266–348.

собствовало тому, что связь между ними устанавливалась на уровне жанра, идеи, мотива.

Принципиально важно, что публикации Пушкина достаточно крупными и даже соотносимыми друг с другом по объему блоками входят в состав каждого номера, тем самым, задавая тон, обозначая тематический аспект, становясь проблемным и структурным эпицентром каждого номера. Кроме того, можно говорить о том, что расположение пушкинских публикаций задает журналу своеобразный композиционный ритм: стихотворно-прозаический блок первого тома сменяется глубоко прозаическим блоком второго тома, на смену которому опять приходит стихотворно-прозаический, и заключительным аккордом становится прозаическое пространство «Капитанской дочки» в четвертом томе.

Симметричность композиции подчеркивается соединением публикаций в двойчатки и тройчатки. Так, в первом томе помещены стихотворные произведения: «Пир Петра Первого», «Скупой рыцарь», «Из А. Шенье». Подобным образом соплагаются в тройчатку стихотворения третьего тома: «Родословная моего героя», «Полководец», «Сапожник». Правда, как в первом, так и в третьем томе, тройчатки разбиваются произведениями других авторов. В дискурсном пространстве номеров журнала пушкинские стихотворные произведения не образуют непрерывного текстового пространства, в отличие от публикаций прозаических, которые и в оглавлении, в том числе, представлены достаточно плотно сформированными массивами. При этом показателен принцип парного соположения публикаций, своеобразных двойчаток: в оглавлении и в тексте следуют друг за другом в первом томе «Путешествие в Арзрум» и «Собрание сочинений Георгия Кониского», очевидную пару составляют статьи «Российская Академия» и «Французская Академия» во втором томе, «Письмо к издателю» и «От редакции» – в третьем томе. Последняя пара наглядно акцентирует принцип диалогичности, который наиболее ярко проявляется именно в парных публикациях. Принцип публикации «Письма к издателю» уже включил в себя элемент диалога: на пассажи господина из Твери незамедлительно следует ответ издателя:

«С удовольствием помещая здесь письмо г. А.Б., нахожусь в необходимости дать моим читателям некоторыя объяснения» [III, 329].

Следующая за статьей заметка «От редакции» дублирует только что данное объяснение, но уже достаточно отстраненно и больше касательно предполагаемой программы «Современника»:

«Издатель "Современника" не печатал никакой программы своего журнала, полагая, что слова: *литературный журнал* уже заключают в себе достаточное объяснение» и т.д. [III, 330].

Расположения пушкинских публикаций друг за другом в некоторой степени уравнивает их, приглушая жанрово-стилевые различия, кроме того, часто этому процессу способствует уже отмеченная анонимность пушкинских публикаций. По отношению к пушкинскому тексту особенно ярко это можно проследить на материале третьего тома, вместившего наибольшее количество пушкинских публикаций, и где сама последовательность пушкинских материалов, идущих друг за другом, часто без перебивки другими материалами, способствовала их целостному восприятию.

1.2.2. Жанровая организация пушкинского текста

Говоря о проблеме жанровой организации пушкинского текста, наложившей серьезный отпечаток на жанровую специфику «Современника», необходимо вернуться к названию журнала. На обложке было обозначено «литературный журнал». Как уже было отмечено, понятие «литературный» вбирало в себя представление не только о художественной литературе, а о словесности вообще. Здесь уместно вспомнить опыт «Литературной газеты», издатели которой стремились воплотить данное представление, помещая на страницах газеты наряду с художественными произведениями научно-популярные и критические статьи. Для «Современника» установка на литературный, в широком смысле этого слова, материал стала стратегической, в том числе и с точки зрения жанровой организации журнала. Данный подход к материалу, кроме того, пусть нецеленаправленно, но способствовал целостному восприятию комплекса текстов, помещенных в «Современнике». Они (тексты) в своей последовательности и в сочетании друг с другом представляют собой сложное метажанровое образование, жанровой основой которого стала дневниковая, мемуарная форма.

Известно, что дневник как литературно-бытовой жанр, имея ряд характерных жанровых особенностей (связь с текущими событиями, нерассчитанность на публичное восприятие, что сообщает ему особую подлинность, достоверность), близко соприкасается с разнообразными формами документалистики: автобиография, мемуары, исповедь, письма, летопись. Важно, что все они, уступая в фактической точности документу, в большей или меньшей степени отличаются живым и непосредственным выражением личности их автора, что является по-своему

ценным «документом» времени.⁷⁹ А это, как уже было отмечено ранее, отвечает общей концепции журнала Пушкина.

Установка на дневниковость достаточно очевидно прослеживается даже при поверхностном рассмотрении материалов, формирующих пушкинский текст. Так, «Путешествие в Арзрум» Пушкина, опубликованное в первом томе, основано на дневниках, которые автор вел во время похода 1829 г. Во втором томе появляются «Записки Н.А. Дуровой», издателем которых заявлен А. Пушкин, в третьем помещен фрагмент пушкинского романа «Рославлев», вышедший в «Современнике» под названием «Отрывок из неизданных записок дамы», в четвертом – записки Петруши Гринева, опубликованные в пушкинском журнале под названием «Капитанская дочка». Кроме того, фрагменты записок и дневников лежат в основе большинства публицистических материалов, например, статей «Собрание сочинений Георгия Кониского», «Французская Академия», «Российская Академия», «Вольтер», «Джон Теннер» и др. Дневники, записки, мемуары, вымышленные и реальные, разборы исторических штудий, основанных на документах – свидетельствах эпохи минувшей, создают единое пространство истории-современности: от современности, сотворенной историей, к современности, творящей историю. Важность дневникового жанра декларируется издателем открыто. Так, безусловно, концептуально замечание об отсутствии записок Грибоедова в «Путешествии в Арзрум»:

«Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» [I, 49].

Та же мысль прослеживается в статье «Вольтер», поводом для которой послужила переписка Вольтера с президентом де Бросом, изданная в Париже в 1836 г.:

«Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записки к портному об отсрочке платежа» [III, 158].

Благодаря дневниковой манере повествования, слово, в данном случае журнальное, становится доверительным, убеждая читателя в невыдуманности происходящего. При этом позиция невымышленности одинаково характерна и для «Записок Н.А. Дуровой», и для «Капитан-

⁷⁹ Литературный энциклопедический словарь / Под общей редакцией В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М., 1987. С. 98, 216.

ской дочери», достоверность которой особенно ярко обозначена именно в «Современнике»:

«Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом» [IV, 215].

Речь идет об «Истории Пугачевского бунта», при этом статья, посвященная этому труду, помещена в третьем томе журнала. Таким образом, современная научная публикация помогает сформировать отношение к вымышленному тексту как реальному, как к документу эпохи. Соответственно, одной из ярких характеристик пушкинских материалов, вошедших в «Современник», можно считать зыбкость границы между художественным и нехудожественным. Так, одной из исследовательских проблем является определение меры документального и художественного в «Путешествии в Арзрум», «Капитанская дочка» же вызывает определенное недовольство Одоевского именно своей «недостаточной» художественностью:

«<...> вот критика не в художественном, но в *читательском* отношении: Пугачев *слишком скоро* после того как о нем в первый раз говорится, нападает на крепость; – увеличение слухов не довольно растянуто – читатель не имеет времени побояться за жителей Белогорской крепости, когда она уже и взята. Семейство Гринева хотелось бы видеть еще раз после всей передраги: хочется знать, что скажет Гринев, увидя Машу с Савельичем» [ПСС, XVI, 195–196].

Документальность становится категорией эстетической, сочетание эстетики документа и художественности в пушкинских прозаических публикациях обуславливает их глубокое внутреннее единство в контексте «Современника». «Капитанскую дочку», «Путешествие в Арзрум», статьи «Вольтер», «Джон Теннер», «Отрывок из неизданных записок дамы» и др. объединяет понятие «документально-художественная» проза⁸⁰.

Последовательность издательской позиции по отношению к дневниковым материалам, запискам и установка на согласие авторов этих записок тесно связаны с мотивом непредназначенности публикуемых материалов для печати: в предисловии к «Путешествию в Арзрум» Пушкин, беря на себя роль издателя собственных записок, подчеркивает их неотредактированный характер:

⁸⁰ Об этом понятии см.: Карпов А.А. «Капитанская дочка» в контексте «документально-художественной» прозы А.С. Пушкина // Стилъ и время. Развитие реалистического повествования. Межвузовский сб. науч. тр. Сыктывкар, 1985. С. 44–45.

«Обвинение в неблагодарности не должно быть оставлено без возражения, как ничтожная критика или литературная брань. Вот почему решился я напечатать это предисловие и выдать свои путевые записки, как **все, что мною было написано о походе 1829 г.**» [I, 19].

Сравните характеристику «Хроники русского», данную во втором томе:

«<...>сии отрывки из дружеских писем, или лучше сказать домашнего журнала, никогда не были предназначены к печати, особенно в том виде, в каком они представлены публике» [II, 311].

Максимально этот мотив воплощается в названии «Отрывок из неизданных записок дамы», появляется ощущение как бы рукописного текста, вложенного среди страниц журнала.

Издатель не просто помещает в «Современнике» неотредактированные, живые фрагменты дневников и записок, но и декларирует их достоверность как метод литературного, исторического и публицистического описания, признаком которой становится живой, не приукрашенный текст. Так, в статье «Джон Теннер» при сравнении художественного описания и дневника участника событий побеждает последний:

«Но Шатобриан и Купер оба представили нам Индийцев с их **поэтической стороны**, и **закрасили истину красками своего воображения**» [III, 206]; «<...> многие особы <...> видели его [Джона Теннера – Т. Ф.], и купили от него самого его книгу. По их мнению, **подлога тут быть не может**. Да и стоит прочесть несколько страниц, чтобы в том удостовериться: **отсутствие всякого искусства и смиренная простота повествования ручаются за истину**» [III, 207].

Неотредактированность, черновиковость «Вечеров на хуторе близ Диканьки» воспринимается как признак живого, настоящего и несколько не уменьшает художественной ценности произведения:

«<...> все обрадовались этому **живому описанию** племени поющего и пляшущего, этим **свежим картинам** Малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. <...> Мы так были благодарны молодому Автору, что охотно **простили ему неровность и неправильность его слога** <...>» [I, 312].

Таким образом, читатель вовлекается в частную жизнь, которая по важности и масштабности равна исторической, эпохальной. Тем самым, все более усиливается образ «Современника» – журнала-дневника, необработанной, живой мысли эпохи.

Документальность как наиболее характерный жанровый признак пушкинских публикаций не только выполняет синтезирующую функцию по отношению к разножанровым публикациям, но и затрагивает

родовую отнесенность отдельных материалов. Представление о позднем творчестве Пушкина как о преимущественно прозаическом является общепринятым. Логично, что, сохраняя разделы «Стихотворения» и «Проза» в своем журнале, он помещает в нем в основном прозаические произведения и только шесть стихотворных (см. Приложение 1). При этом немногочисленные поэтические произведения Пушкина, вошедшие в «Современник», трудно назвать собственно лирическими. Интересно, что некоторые из них уже в тексте журнала имеют четкое жанровое обозначение. Так, «Скупой рыцарь» публикуется с подзаголовком «Сцены из Ченстоновой трагикомедии: The cavetous Knight», т. е. представляет собой драматический отрывок; «Родословная моего героя» обозначена как «отрывок из сатирической поэмы»; «Сапожник» имеет подзаголовок «притча». Собственно поэтическая принадлежность декларируется только по отношению к «Родословной моего героя», но при этом за счет уточнения жанровой принадлежности (сатирическая поэма) обозначается тенденция «снижения» поэтического начала, его прозаизация.

Размышляя над проблемой прозаизации поэзии и поэтизации прозы в пушкинском творчестве, В. Шмид выделяет очень важный для эстетики творчества Пушкина признак прозаического: аутентичность изложения, статус жизненной правды. Нестихотворность формы прозаического жанра, по мысли исследователя, ассоциируется Пушкиным с прозаичностью самой действительности. Процесс прозаизации пушкинской поэзии, в ходе которого сохраняется поэтический характер целого, исследователь склонен рассматривать как намеренное уравнивание поэтической стихии стихией прозаической⁸¹.

То, что проблема соотношения поэтического и прозаического начала в период создания «Современника» была актуальна для Пушкина, отражено, как уже было сказано, в выделении поэтического и прозаического отдела. При этом важно, что разделение на два отдела «Стихотворения» и «Проза» сохраняется только в оглавлении каждого тома, в самом пространстве журнала фиксированно-выделенным остается только отдел «Новые книги». Стихотворения Пушкина растворяются в пространстве его прозаических публикаций. Они пронизаны теми же мотивами и идеями, что и проза. Так, например, «Родословная моего героя» органично вписывается в дневниковый контекст пушкинских публикаций. Известно, что замысел собственных «Записок» оформлялся Пушкиным параллельно с работой над «Родословной Пушкиных и Ганниба-

⁸¹ Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин. Достоевский. Чехов. Авангард. СПб., 1998. С. 14, 18.

лов»⁸². Размышления автора над родовой историей тесно связаны с представлениями об исторической роли отдельной личности, ее воспоминаний и свидетельств. В «Родословной моего героя» так же, но уже в поэтической форме, обозначена данная проблематика.

Единство прозаико-поэтического текста подчеркивалось тенденцией включения поэтических фрагментов или целых поэтических произведений в прозаические статьи. Ярким примером прозаико-поэтического нарратива можно считать уже анализируемое «Объяснение» из четвертого тома, когда стихотворные строки, посвященные Кутузову, являются логическим продолжением строк прозаических и не воспринимаются как вставной элемент. А в статье «Собрание сочинений Георгия Кониского» интересно звучит мысль о том, что стихотворное произведение может быть достойно внимания, даже если имеет мало собственно поэтических достоинств:

«Кониский написал также несколько стихотворений Русских, Польских и Латинских. В художественном отношении они имеют мало достоинства, хотя в них и виден дух мыслящий» [I, 95].

Стихотворения как бы становятся материалом пушкинской прозы.

Важно, что функция вставных поэтических текстов не служебная. Так, фрагмент сатирической поэмы вымышленного янычара Амином-Оглу, появившийся в «Путешествии в Арзрум», воспринимается как не менее подлинный, чем подлинная элегия Кониского, оба эти поэтические фрагмента в прозаическом тексте выполняют ту же роль, что и вставные документальные прозаические фрагменты (выдержки из записок, речей, дневников): они становятся документом эпохи, подчеркивая, таким образом, подлинность, документальность основного текста.

Размытость, неопределенность родовой отнесенности публикации сочетается с размытостью, неопределенностью ее жанровых границ. Прозаические публикации, имеющие в изолированном положении отношение к определенному жанру: жанр путешествия («Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»); критической статьи («Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», «Об "Истории Пугачевского бунта"», «Фракийские элегии, стихотворения Виктора Теплякова»); публицистической статьи («Вольтер», «Джон Теннер»); письма, анекдота, записок («Письмо к издателю», «Анекдоты», «Отрывок из неизданных записок дамы», «Записки Н.А. Дуровой») и др., объединенные общим журнальным контекстом, теряют свою жанровую индивидуальность. Происходит взаимопроник-

⁸² Левкович Я.Л. Пушкин-мемуарист. С. 187.

новение доминирующих жанров: разбор (критика), записки, анекдот, становятся основной жанровой характеристикой прозаических публикаций, вошедших в пушкинский текст.

Пушкин словами «записки», «дневник», «мемуары», «биография» (в значении «автобиография») зачастую обозначал жизнеописание, они выступали в его словесном аппарате в качестве синонимов. Жанр записок, в восприятии Пушкина, универсален, т. к., включая описание прошлых лет и событий сегодняшних, позволял автору отойти от предельно подробной передачи событий каждого дня и представить интересующие события достаточно подробно, не утрачивая при этом индивидуального восприятия, характерного для частного дневника. Лучшим примером в данном случае служит уже упомянутый «Дневник 1833–1835 г.», который наряду с описанием значимых исторических событий включает анекдоты, искусно переданные случаи из жизни. «Анекдоты», сформированные издателем из подборки «Table talk», также представляют собой фрагменты жизнеописаний исторических личностей. Подобные минифрагменты, исторические анекдоты находят свое место во многих пушкинских и не только пушкинских публикациях «Современника».

Критическая составляющая, наряду с фрагментами записок, историческими анекдотами, органично входит в пушкинский текст. Она может быть обозначена словом «разбор» или предлогами «о», «об»: «Разбор сочинений Георгия Кониского» (только в оглавлении), «О "Мнении М.Е. Лобанова"» (только в оглавлении), «Об "Истории Пугачевского бунта"» (в тексте критическая доминанта усилена подзаголовком «Разбор статьи, напечатанной в "Сыне Отечества", в январе 1835 года»). Внимательное прочтение этих статей позволяет увидеть, что слово «разбор» не определяет во всей полноте содержание, например, статьи о Кониском. Оценка деятельности Кониского как поэта, священника, политического деятеля, историка включает в себя жанр исторического анекдота (эпизод встречи с Екатериной II [I, 87]), отрывки из проповеди, достоинством которых считается простота, необработанность, искренность: «Проповеди Георгия просты, и даже несколько грубы, как поучения старцев первоначальных; но их **искренность увлекательна**»⁸³ [I, 89], стихотворение и, самое главное, отрывки из неизданной «Истории Малороссии», которую Пушкин ошибочно приписывал перу Кониского, – все это документы эпохи. Включение проповеди, речей в материалы, вошедшие в журнал, также весьма показательно. Ораторская проза со времен наполеоновских войн стала восприниматься как действенный способ идеологиче-

⁸³ Вспомним, что именно эти достоинства выделяются при характеристике записок и фрагментов дневников.

ской борьбы⁸⁴. На основе документальных источников построены статьи «Российская Академия» и «Французская Академия», где в основе хроника заседаний, стенография речей известных личностей, включающих в себя рассказы о частной жизни лиц исторических.

Сам жанр дневника свидетеля событий отражает основной принцип, легший в основу жанровой специфики всего журнала. «Капитанскую дочку» можно назвать двойником «Современника» в «Современнике». Подобную функцию отражения эстетики всего журнала в одной публикации, но, возможно, не так многоаспектно, несут и «Путешествие в Арзрум», и «Записки Н.А. Дуровой». Для пушкинского текста в частности и для «Современника» вообще характерен принцип сублимации комплекса идей, мотивов, жанров, структурных принципов в одной публикации и, соответственно, проекция этих стратегических линий на весь журнальный ансамбль.

1.2.3. Образ героя времени как фактор единства пушкинского текста

Осознание феномена пушкинского «Современника» первоначально было обусловлено выявлением огромного количества интертекстуальных связей в пространстве четырех томов. Переклички тем, идей, мотивов, образов позволили исследователям обозначить специфику пушкинского журнала по отношению к другим периодическим изданиям эпохи.

Так, Е. Эткинд, говоря о единстве первого номера «Современника», в качестве синтезирующего основания публикаций называет то, что можно обозначить как «положительную программу»⁸⁵. Практически в это же время Т.И. Краснобородько выделяет в качестве интеграционного начала второго тома тему «литература и власть»⁸⁶. Развивая данный подход, М.Н. Дарвин в своих работах, посвященных анализу нарративных пластов пушкинского «Современника», определяет для всех номеров в качестве основной текстопорождающей и смыслообразующей ситуации ситуацию прощения «виноватому вины», мотив милости. Одно-

⁸⁴ Михайлова Н.И. Творчество Пушкина и ораторская проза 1812 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 279.

⁸⁵ Эткинд Е. Незамеченная книга Пушкина: Перелистывая «Современник» – сто пятьдесят лет спустя. Р. 198.

⁸⁶ Краснобородько Т.И. Тема «литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника». С. 122–133.

временно с этим исследователь структурообразующим элементом называет образ пишущего и читающего человека, мотив просвещения⁸⁷.

Количество межтекстовых связей, пронизывающих «Современник», огромно, и исследование, посвященное выявлению их на всех уровнях, еще не было предпринято. В данном разделе пойдет речь об образе, который, на наш взгляд, выполняет в журнале важнейшую структуро- и смыслообразующую функцию. Думается, все нравственные, исторические векторы журнала сходятся в образе **героя времени**, последовательно и многосторонне разрабатываемом в пушкинских публикациях и проецируемом на весь комплекс материалов «Современника».

Импульс к постановке данной проблемы задан уже названием журнала, в котором образ героя времени сублимируется с предельной обобщенностью. Выход данного образа на высокий уровень обобщения говорит о той роли, которая ему отводится в процессе организации пространства пушкинского текста и в итоге распространяется на весь «Современник». Этот обобщенный образ современника - героя времени получает воплощение в героях реальных, что также фиксируется в названиях, но уже конкретных публикаций: «Пир Петра Первого», «Собрание сочинений Георгия Кониского», «Скупой рыцарь», «Записки Н.А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным», «Родословная моего героя», «Вольтер», «Полководец», «Отрывок из неизданных записок дамы», «Сапожник», «Джон Теннер», «Капитанская дочка» и др. В центре каждой публикации оказывается частная биография, которая в сочетании с другими биографиями и в контексте исторического события обретает символические черты.

Образ героической личности, как вымышленной, так и реальной, формируется через ее слово (воспоминания, записки), как это происходит в «Записках Н.А. Дуровой», «Капитанской дочке», «Отрывке из неизданных записок дамы»; через воспоминания очевидцев, документальные свидетельства: «Родословная моего героя», «Вольтер», «Джон Теннер», «Анекдоты» и др.; при помощи художественного вымысла, основанного на факте, легенде, мифе: «Из А. Шенье», «Сапожник», «Родословная моего героя», «Полководец» и др. Биографическая легенда, миф, способствует созданию «универсального концепта личности, объединяющей все эмпирические факты и достоверные свидетельства»⁸⁸.

⁸⁷ Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: ... С. 269–281.

⁸⁸ Лебедева О.Б. «Что есть истина?» (Опыт интерпретации стихотворения А.С. Пушкина «Герой») // Феномен русской классики: Сб. ст. Томск, 2004. С. 125–126.

Примером в данном случае может служить образ Екатерины II. Как основательница Российской Академии (статья «Российская Академия»), она представляет собой «закон и незыблемый порядок» [II, 1] во всем. При этом в небольших анекдотах, включенных в статью, она предстает властителем с чувством юмора:

«Не смотря на сии шутки, Академия должна была изумить Государыню поспешным исполнением Высочайшей Ея воли» [II, 6].

А ее переписка с Фонвизиним, фрагменты которой помещены в статье «Российская Академия», явилась документальным свидетельством мудрой, просвещенной власти, сила слов которой увеличивалась за счет предпринятого действия. Екатерине II посвящены и две истории из «Анекдотов» (III том). В одном из них поднимается проблема исторической памяти, уважения к историческому опыту и деяниям великих людей:

«Государыня Екатерина II говаривала: "Когда хочу заняться каким нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли было уже о том при Петре Великом, – и почти всегда открывается, что предполагаемое дело было уже обдумано"» [III, 190].

Исторические анекдоты, документальные свидетельства находят отражения в вымышленном эпизоде «Капитанской дочки», где императрица предстала во всей человеческой прелести и великодушии. Таким образом, Екатерина II выступает как исторический персонаж, объект исторических анекдотов, основанных на имеющем место событии, но допускающих большой процент возможного мифотворчества, и как персонаж художественного произведения. В итоге формируется сублимированный образ, во многом отвечающий проблематике журнала и задачам, поставленным его издателем. Подобная схема используется при создании большинства образов героев, обозначенных в «Современнике».

Герой, по Пушкину, – это человек необыкновенный: Петр I – «царь великий» [I, 2], Грибоедов – человек, в котором все «необыкновенно привлекательно» [I, 48], Георгий Кониский – «один из самых достопамятных мужей минувшего столетия. Жизнь его принадлежит истории» [I, 85–86], Н.А. Дурова – женщина «столь необыкновенная» [II, 54] и т.п. Пушкин на протяжении четырех томов пишет историю жизни замечательных людей, рассказывает о фактах их биографии, о тех делах, которые стали достоянием истории, будь то победа над врагом или подвиг поэта. Он пишет книгу о герое, в которой и заключена история, а не-

уважение к истории и ее героям воспринимает как величайшую ошибку века настоящего.

Логично, что для Пушкина важным аспектом проблемы героизма, роли отдельного субъекта является ситуация неценности героя современниками. В своих текстах, помещенных в «Современнике», он создает мифологию неценного героизма:

«Его [Грибоедова – Т.Ф.] <...> самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, **долго был он опутан сетями мелких нужд и неизвестности**» [I, 47–48].

Это высказывание сопровождается эмоциональным упреком современникам в непрозорливости и самолюбии:

«Люди верят только славе, и не понимают, что между ними может находиться какой нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в Московском Телеграфе. Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит и наш голос» [I, 48].

Мотив неценности, непонимания истинной ценности отдельного человека и его поступков подхвачен в статье «Собрание сочинений Георгия Кониского»:

«Как историк, Георгий Кониский **еще не оценен по достоинству**, ибо счастливый мадригал приносит иногда более славы, нежели создание истинно высокое, редко понятное для записных ценителей ума человеческого и мало доступное для большого числа читателей» [I, 109].

Ср. со строками из «Полководца»:

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и в умиление! [III, 194]

«Объяснение» в конце четвертого тома усиливает образ непризнанного героя, пожертвовавшего своей властью и славой во имя дела, в контрасте с образом героя достойного, но признанного.

«Полководец» занимает особое место в разработке важной для Пушкина в последнее десятилетие жизни проблемы непризнанного Творца, Пророка, Поэта, Государственного мужа. Стихотворение отличается высокой степенью художественно-философского обобщения, в связи с укоренением заявленной проблемы в религии и этическом уче-

нии стоиков⁸⁹. Для общей историко-философской концепции «Современника» принципиально важно то, что разработка образа героя времени коренным образом связана с пушкинской философией самостоянья, самостийности человеческой личности, нашедшей выражение в краткой формуле: «Самостоянье человека – залог величия его».

Самостоянье – «это *вся* человеческая жизнь в ее глубинно-сущностном выражении, проективно осознанное личностное самобытие»; «Говоря о самостоянье, он [Пушкин – Т.Ф.] имел в виду *всего* человека, во всей его сложности; душа неразделима, хотя и проникнута противоречиями»⁹⁰. Самостоянье личности невозможно, по Пушкину, без укоренения в роде, социуме. Категория исторической памяти здесь определяющая. В этом смысле, безусловно, программной является «Родословная моего героя»:

Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ;
Но каюсь: новый Ходаковский,
Люблю от бабушки Московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.
Мне жаль, что нашей славы звуки
Уже нам чужды; <...>.
Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух; <...>,
Что Русский ветреный боярин
Считает грамоты Царей
За пыльный сбор календарей <...>,
Что геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!
Вот почему, архивы роя,
Я разбирал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ,
И здесь потомству заповедал [III, 155–156].

⁸⁹ Тартаковский А.Г. «Стоическое лицо Барклая...» // Новые безделки. Сб. ст. к 60-летию В.Э. Вацура. М., 1995–1996. Науч. приложение. Вып. VI. С. 367.

⁹⁰ Коган Л.А. «Самостоянье человека»: философское кредо Пушкина // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 52, 54. См. также: Таборисская Е.М. Феномен «самостоянья человека» в лирике А.С. Пушкина: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997. 39 с.

Героизм отдельной личности, т. е. ее величие, определяется, по Пушкину, ее характером, внутренним стержнем, своеобразным стоицизмом. Эта позиция издателя отражена в письме к Н.И. Гнедичу от 13 октября 1836 г.:

«Искренне благодарю Вас за доброе слово о моем Полководце. **Стоическое лице Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории.** Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства; но **его характер останется вечно достоин удивления и поклонения**» [ПСС, XVI, 164].

Подобное удивление и поклонение находит свое выражение и в рецензии на книгу Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека». Записки заключенного, проникнутые внутренней силой и человеческим достоинством их автора, получают наивысшую оценку издателя «Современника»:

«В позднейшие времена неизвестный творец книги "О подражании Иисусу Христу", Фенелон и Сильвио Пеллико в высшей степени принадлежат к сим избранным, которых Ангел Господний приветствовал именем *человеков благоволения*» [III, 308].

Записки Сильвио Пеллико представили человека, который, несмотря на жесточайшие испытания, сохранил способность размышлять без жалоб, с ясным спокойствием, любовью и доброжелательностью. Имя Сильвио Пеллико для читателей того времени было связано с определенными социально-политическими проблемами. Особый интерес декабристов к книгам писателя-карбонария в контексте пушкинских размышлений 1836 г. о судьбах декабристского восстания заставлял posebno взглянуть на личность Сильвио Пеллико и на его книгу. В этой связи очень важно, что основной пафос пушкинской рецензии заключается в утверждении сохранения человечности, стойкости, эмоциональной гармонии независимо от жизненных условий. В этом смысле показательна цитата из статьи Шевырева, используемая Пушкиным в опровержение мнения критика:

«Прочтите ее (книгу Пеллико) с тою же верою, с какою она писана, и вы вступите из темного мира сомнений, разстройства, раздора головы с сердцем в светлый мир порядка и согласия. Задача жизни и счастья вам покажется проста. **Вы как-то соберете себя, рассеянного по мелочам страстей, привычек и прихотей – и в нашей душе вы ощутите два чувства, которых к сожалению очень редки в эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды**» [III, 310].

Аспект, выбранный Пушкиным, не отражал в полной мере представлений С. Пеллико, однако именно этот выбор в контексте «Совре-

менника» принципиально важен как яркая иллюстрация пушкинской гуманистической идеологии. Так, П.А. Вяземский в статье «Языков. – Гоголь» писал:

«Посмотрите, с каким глубоким уважением Пушкин упоминает о книге Сильвио Пеллико, как верно и умирительно характеризует он ее в нескольких строках. Между тем взгляд Пушкина на жизнь – не взгляд Сильвио Пеллико. Повидимому, в них мало духовных соотношений и сродства. Но Пушкин, как всякий избранный, питал сочувствие ко всему прекрасному, искреннему, возвышенному. Он в данное время постигал его даже и тут, где не был единомышленником»⁹¹.

Героизм, стоическое поведение мифологизируется в пушкинском тексте, получая, тем самым, не единичное, а категориальное, символическое значение. Мифологический герой стихотворения «Из А. Шенье» являет своим поступком яркий пример самостоянья:

Се – ярый мученик, в ночи скитаясь, воет; <...>;
Гнет, ломит древеся;
<...> его рукой они
В костер навалены; он их зажег; он всходит;
Недвижим на костре он в небо взор возводит; <...>;
Треща горит костер; и вскоре пламя, воя,
Уносит к небесам **безсмертный дух Героя** [I, 191].

Реализация идеи стоицизма прежде всего связана с особой философией поступка, действия.⁹² Герой времени воплощен в собственном поведении, цепи поступков. Таким образом, на страницах «Современника» формируется особый поведенческий текст⁹³ героической личности.

В лексиконе Пушкина герой – это «человек, отличающийся самоотверженными подвигами и смелостью»⁹⁴. Очевидно, что материал пушкинских публикаций давал расширенное представление о понятиях «подвиг» и «смелость». Подвигом является отстаивание своего жизненного кредо, неотступление от собственных принципов. Так, героиче-

⁹¹ Вяземский П.А. Языков. – Гоголь // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 181.

⁹² И в этом отношении «Современник» продолжает и развивает карамзинскую традицию «неостоицизма». Об этом см.: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 222–223.

⁹³ Об этом понятии подробнее см.: Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни: Бытовое поведение как историко-психологическая категория // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 331–384.

⁹⁴ Словарь языка Пушкина. Т. I. С. 470.

ским считается поступок Арно, гуманизм которого нашел воплощение как в творчестве, так и в жизни:

«<...> это было смелое предприятие для молодого человека 24-х лет: возбудить участие к отвратительному Марию, человеку, наполнившему Италию кровию и кознями <...>; но г. Арно понял, что в глазах толпы нещастием искупаются преступления. Он избрал героем не Мария гонителя, а Мария изгнанника, победителя Кимвров, скитающегося беглеца; **он чувствовал, что бывает на свете великое и благородное зрелище: слава в борьбе с нещастием, неудача, переносимая с мужеством – и он отгадал!**» [II, 19]; «<...> не было человека добрее его. Нераз доказывал он это; **нераз**, занимая важную должность при университете, **он подавал руку помощи отвергнутому таланту или скромному достоинству**» [II, 26].

Пословица «Береги честь смолоду», ставшая эпиграфом к «Капитанской дочке», воплощает в себе поведенческий принцип, который определяет нравственный выбор героев романа в различных ситуациях. Он же лежит в основе их смелых, героических поступков. Поэтому не удивительно поведение Гринева во время рассказа Пугачевым калмыцкой сказки: «Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину» [IV, 177], – возразит молодой офицер крестьянскому царю, вызвав уважение последнего.

В формировании поведенческого текста героической личности в контексте «Современника» важную роль играют иерархические отношения. Герой-властитель и герой-подданный – крайние точки системы координат, организующей образную структуру пушкинского текста. При этом доминантой поведенческого текста правителя становится установка на милость, милосердие, заданная уже в первой публикации журнала «Пир Петра Первого», где царь «Виноватому вину / Отпуская, веселится» [I, 3].

Рисуя идеальный образ правителя, Пушкин во многих материалах дает примеры (часто в форме исторического анекдота) мудрых решений, достойных великих мира сего. И, кроме этого, проводит идею возможного влияния на правителя незаурядной, героической личности, и здесь же четко прослеживается понимание слова как орудия решения любого вопроса. Примером этого служит опыт общения Г. Кониского с Екатериной II, которая во время коронации «с глубоким вниманием выслушала печальную речь представителя будущих Ея подданных» [I, 87], посредством слова удалось Конискому воздействовать и на польского короля Станислава:

«Король **поражен** был его **словами**. Он **обещал** свое **покровительство** диссидентам <...>» [I, 88].

К покровителю – герцогу – прибегают и герои «Скупого рыцаря», и только в герцогских репликах звучат слова, соответствующие уровню нравственного поведения, и адекватное восприятие реальности:

Я верю, верю: благородный рыцарь,
Таков как вы, отца не обвинит
Без крайности. Таких развратных мало ... [I, 125].

Что видел я? что было предо мною?
Сын принял вызов старого отца!
В такие дни надел я на себя
Цепь Герцогов! [I, 130].

Таким образом, слово становится своеобразным героическим поступком.

Т.И. Краснобородько, рассматривая тему «литература и власть», «писатель и монарх» как «определенный журнальный "узел", "смысловой ряд" второго тома, идейной доминантой которого являлись пушкинские статьи»⁹⁵, выделяет несколько эпизодов, среди которых оказался и фрагмент из статьи «Российская Академия», рассказывающий о «Записках "О древней и новой России"» Карамзина, в связи с чем исследователь акцентирует важнейшую для Пушкина проблему социального поведения писателя. Самостоянье Поэта, Творца по отношению к власти – проблема, глубоко волновавшая издателя «Современника». По словам Пушкина – автора статьи «Российская Академия», – записки написаны Карамзиным в соответствии с пожеланиями великой княгини, «женщины с умом необыкновенно возвышенным» [II, 13], а отношение к ним государя достойно истинного правителя:

«Государь прочел эти красноречивые страницы ... прочел, и **остался попрежнему милостив и благосклонен к прямодушному Своему подданному**. Когданибудь **потомство оценит и величие Государя и благородство патриота...**» [II, 13].

Карамзин совершил поступок, достойный ратных подвигов, но и милосердный, благородный поступок государя возвел его в ранг героя, и именно этот, а не воинский подвиг достоин великой оценки поколения настоящего и будущего.

Примером подобного идеального пересечения поведенческих текстов властителя и человека, зависящего от его действий, могут служить взаимоотношения Пугачева и Гринева. Самозванец по-царски щедр да-

⁹⁵ Краснобородько Т.И. Тема «литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника». С. 124.

же в ситуации неповиновения, а дворянин последовательно следует своим жизненным принципам:

«Пугачев протянул мне жилистую свою руку. "Целуй руку, целуй руку!" – говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. <...> Пугачев опустил, сказав с усмешкою: "Его благородие знать одурел от радости. Подымите его!" – Меня подняли и оставили на свободе» [IV, 126]; «На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: **опустишь меня – спасибо; казнишь – Бог тебе судья**; а я сказал тебе правду. Моя искренность поразила Пугачева. "Так и быть" сказал он, ударя меня по плечу. **"Казнить, так казнить, миловать так миловать**. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь"» [IV, 139].

Схожее построение фраз обоих персонажей во второй цитате лишний раз подчеркивает синхронность реализации двух поведенческих текстов, возможность выделения точек их соприкосновения.

Любопытно, что поведенческий текст героя может иметь трагическую, а иногда и отрицательную реализацию. Так, Савельич по своему повторяет подвиг барина, запрашивая у Пугачева компенсацию за утерянное имущество, на гнев самозванца отвечает:

«Как изволишь, <...> а я человек подневольный, и за барское добро **должен** отвечать. Пугачев был видно в припадке **великодушия**. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова» [IV, 145].

В то же время мотивацией героического поступка Альберта («Скупой рыцарь») становится отнюдь не гуманизм и патриотизм:

Тогда никто не думал о причине
И храбрости моей и силы дивной!
Взбесился я за поврежденный шлем;
Геройству что виною было? – скупость [I, 112].

Он тоже герой времени, двойник истинных героев, полурыцарь, рожденный своим веком, не случайно Герцог воскликнет: «Ужасный век, ужасны сердца!» [I, 130].

Образ героя определен временем, начиная с названия журнала: современник – идущий в ногу со временем. Время – один из структурообразующих факторов журнала как текстовой формы. Время «Современника» – время историческое. В пушкинском журнале отражена летопись времен, которая воплощается в конкретных личностях, их судьбах и знаковых событиях. В этом смысле показателен подход к «Капитанской дочке» как к летописи, рамки которой ограничены историей одного се-

мейства⁹⁶. Вместе с героями времени оживает эпоха, воскрешаются знаковые события. Рассмотрение способов формирования образа героя времени дает возможность более объемно подойти к обозначению историсофии пушкинского журнала, таким образом, необходимо говорить о том, что герой времени – это не просто еще один лейтмотивный образ, а историсофская категория, определяющая концептуальную проблематику пушкинского «Современника».

Говоря об образе героя времени как структурообразующем и историко-философском стержне всего журнала, нельзя забывать, что его доминантные черты формировались в большом контексте пушкинского творчества. И здесь, конечно, прежде всего нужно сказать о романе «Евгений Онегин», два издания которого (в 1833 и 1837 г.) отразили своеобразие пушкинской концепции героя и ее корректировку, связанную с написанием письма Онегина Татьяне, созданием стихотворения «Герой». Проблема соотношения этих изданий с концепцией «Современника» практически не намечена в пушкиноведении и является в высшей степени актуальной.

Ни в коей мере не претендуя на ее решение, заметим, что, во-первых, в тексте отдельного издания романа 1837 г. усиливается роль прозаических примечаний, во-вторых, стихотворение «Герой» становится связующим звеном двух текстов: романного и журнального.

Одним словом, образ героя времени не просто развивается в журнальном пространстве, но и «набухает», вступая в диалог с документом мемуарного характера и историей. И в историко-литературной перспективе это путь к лермонтовскому «Герою нашего времени», в особенности к «Журналу Печорина».

⁹⁶ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С. 56.

1.3. Иерархия авторских текстов в структуре «Современника»

1.3.1. Принципы формирования авторских текстов в контексте пушкинского журнала

Пушкинский текст необходимо рассматривать как основу, концептуальный фундамент «Современника», однако нельзя говорить об абсолютной согласованности мнений, творческих установок издателя и сотрудников журнала. Рассмотрение «Современника» как печатного органа писателей пушкинского круга, действующих согласованно, единой командой, не отразит всей сложности этого журнального ансамбля, так же, как и утверждение абсолютной власти издателя журнала в процессе формирования четвертомника. «Современник» – это полемическое целое. В данном случае неоднородность авторских позиций становится основой его целостности. И.С. Гагарин писал Ф.И. Тютчеву в начале 1836 г.:

«Впрочем, вы должны знать, что Пушкин предпринял издание трехмесячного журнала под названием "Современник", ему придется определить свои суждения и защищать их»⁹⁷.

Слова автора письма оказались справедливы как с точки зрения позиционирования пушкинского журнала в среде периодики 30-х годов XIX в., так и в отношении позиции Пушкина в пространстве «Современника». Авторские тексты, подчиняясь общим принципам, установленным издателем, достаточно самостоятельны и индивидуальны. Их взаимодействие, взаимовлияние, создавая особый пласт упорядоченности, лежит в основе организации «Современника».

Можно выделить два способа презентации эстетических позиций других авторов: авторские гнезда и единичная презентация. Факт внимательного отношения издателя к выбору авторов и отбору предлагаемых ими для публикации работ не требует особого доказательства. Важно, что процесс этот не однонаправленный, и авторы публикаций стремились повлиять на способ представления своих творений в пуш-

⁹⁷ Цит. по ст.: Королева Н.В. Тютчев и Пушкин. С. 202.

кинском журнале. Например, П.А. Вяземский дает Пушкину следующую инструкцию:

«Другие две шутки, переписанные Вьельгорским, у тебя. Все это назвать бы: подражания Испанским Сегидильям. Подписывать имени моего не надо, также как и под стихами: Не говори, красавица, *for ever* а выставить только *Рим*» [ПСС, XVI, 153].

Авторские гнезда в «Современнике» достаточно локальны. Они могут отличаться компактным расположением и/или большим объемом. При описании авторских гнезд важно учитывать количество публикаций, входящих в них. Квалифицировать тип композиции каждого из гнезд можно в соответствии с традицией создания сборников с закрепленным количеством публикаций. В «Современнике» формируются двойчатки: публикации В. Одоевского («О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе», «Как пишутся у нас романы»), барона Розена («О рифме», «Иоанн III и Аристотель»), П. Козловского («Разбор Парижского математического ежегодника на 1836 год», «О надежде»), Султана Казы Гирея («Долина Ажитугай», «Персидский анекдот»); тройчатки: блоки материалов А. Муравьева («Предисловие к битве при Тивериаде», «Вечер в Царском селе», «Молитва об Ольге Прекрасной»), Л. Якубовича («Предназначение», «Урал и Кавказ», «Подражание Саади»); квартет из материалов Д. Давыдова («Челобитная», «Эпиграммы и пр.», «О партизанской войне», «Занятие Дрездена 1813 года 10 марта»).

Особое место занимают публикации Вяземского и Гоголя. В подборку гоголевских материалов входят: «Коляска», «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», «Утро делового человека», 10 рецензий на новые книги, «Нос». Массив П. Вяземского является самым многочисленным после пушкинского: «Роза и кипарис», «Наполеон и Юлий Цезарь», «Новая поэма Э. Кине», «Ревизор, комедия соч. Н. Гоголя», «*Kennst du das Land?*», «Ответ», «Подражания испанским сегидильям», две заметки «От редакции» во втором и четвертом томах.

Однако необходимо отметить, что данное обозначение объема авторских массивов определено современным знанием авторства каждой публикации, тогда как в читательском восприятии распределение объемов могло быть иным. В этом случае читателю была представлена прозаическая тройчатка Гоголя («Коляска», «Утро делового человека», «Нос») и критико-поэтический квинтет Вяземского («Роза и кипарис», «Наполеон и Юлий Цезарь», «Новая поэма Э. Кине», «Ревизор, комедия соч. Н. Гоголя», «*Kennst du das Land?*»).

Особо необходимо выделить публикации А. Тургенева «Париж (Хроника русского)» и Ф. Тютчева «Стихотворения, присланные из Германии». Композиционно они относятся к двойчаткам, занимая достаточно сильные позиции в журнале. Тургеневский блок располагается в конце первого и четвертого томов, стихотворения Тютчева в начале третьего и четвертого. При этом, выходя под одним названием, обе части каждого блока представляли собой фрагменты одной целостной публикации, актуализируя характерный для журнала принцип публикации с продолжением, что, безусловно, способствовало их целостному восприятию. В связи с этим закономерна постановка проблемы особой циклической организации комплекса стихотворных произведений Тютчева. По мысли М.Н. Дарвина, значение «Стихотворений, присланных из Германии» «в том, что по богатству мысли и образов, приемам композиции он сам как целое становится самостоятельным стихотворным жанром, выполняющим функцию единого, завершенного в себе художественного произведения»⁹⁸.

Целостное восприятие авторских массивов определяется разными факторами. В случае с публикациями Д. Давыдова синтезирующей основой было само имя автора, которое неминуемо ассоциировалось с Отечественной войной 1812 года и образом героя-гусара – шутником-повесой из «Челобитной» и «Эпиграмм и пр.» и патриотом, талантливым, смелым военным, автором статей «О партизанской войне» и «Занятия Дрездена». Текст Давыдова симметричен: два стихотворения – две прозаические публикации. «Челобитная» и «Эпиграммы», близкие по настроению, оправдывают свое жанровое обозначение вполне прикладным содержанием. Летом 1836 г. Давыдов писал Пушкину:

«У меня есть каменный, огромный дом в Москве, окно в окно с пожарным депо. В Москве давно ищут купить дом для обер-полицмейстера – я предлагаю мой – вот все, о чем идет дело в моей Челобитной. <...> **Главное дело в том, чтобы Челобитная достигла своей позитивной, а не поэтической цели;** чтобы прежде подействовала на Башилова и понудила бы его купить мой дом за 100 тысяч рублей» [ПСС, XVI, 125].

Эпиграммы же по определению связаны с конкретной личностью и ситуацией. Любопытно, что одна из эпиграмм «Нет, кажется, тебе не суждено...» направлена против Булгарина⁹⁹. Трактат о законах военных действий «О партизанской войне» становится научным обоснованием специфики военных ситуаций, нашедших свое отражение в отрывке из

⁹⁸ Дарвин М.Н. Стихотворения Ф. И. Тютчева в пушкинском «Современнике». С. 54.

⁹⁹ Современник. Приложение к факсимильному изданию. С. 153.

дневника партизана Дениса Давыдова «Занятие Дрездена 1813 года 10 марта». Не случайно Давыдов просил Пушкина поместить «О партизанской войне» перед «Занятием Дрездена» [ПСС, XVI, 136]. Сложная цензурная история этих публикаций доказывает их полемическую остроту. Тем интереснее, что Пушкин намеренно помещает в «Современнике» «Занятие Дрездена», к которому сам автор после цензурной правки потерял интерес. Для Пушкина-издателя эта статья была принципиальна как свидетельство участника событий 1812 года – переломного исторического момента.

Давыдовский текст органично входит в метатекстовое пространство «Современника» со своей установкой на дневниковость, личностным, иногда даже субъективным характером восприятия исторических фактов. Издатель как будто стремился воздать должное неоцененному героизму патриота и отважного военного, дневник которого явился примером перехода явления частной жизни в явление общественное: «В статье "Занятие Дрездена..." "оппозиция" также "переходила в литературу". Прямых "выходок" здесь было немного, – но весь ход повествования, с чисто давыдовским богатством интонаций, то публицистических, то иронических, то лирических, – раскрывал тайные механизмы войны выгод и честолубий. Молодой партизан, авантюрного склада, с отчаянным риском захватывает военную добычу; аккуратный и осмотрительный генерал из "немецкой партии" подбирается к ней же осторожно и методично, руководимый корыстью и расчетом»¹⁰⁰.

Сам образ героя, воплощенный в давыдовском тексте, многослоен: лихой партизан – одно из воплощений реального человека – Дениса Давыдова, который одновременно является и образом, принадлежащим истории, – неким непобедимым мифическим героем, теоретиком военного дела и полемистом, поэтом. Все эти облики отражены в письменных текстах, которые, при их соположении, уже вне зависимости от интенций автора и издателя, формируют собственный слой восприятия. С другой стороны, история появления давыдовских публикаций в тексте «Современника» убеждает в том, что существовала особая тактика Пушкина по отношению к авторским текстам, которая связана прежде всего с развитием и поддержанием тематических, идейных линий всего издания.

Тот же принцип организации распространяется на публикации Султана Казы Гирея, сама личность которого уже знаковый текст, отличающийся особой проблематикой. Воспоминания в «Долине Ажитугай»

¹⁰⁰ Вацура В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». С. 311.

и продукт художественного вымысла «Персидский анекдот», скрепленные примечанием издателя, в контексте журнала приобретают острополюмический характер, вписываясь в ряд политических и нравственных проблем, раскрываемых в «Современнике». С публикацией Казы Гирея связан достаточно яркий пример нечастого открытого диалога автора публикаций и издателя журнала, который в очередной раз заостряет необходимые ему аспекты. В случае с Казы Гиреем для издателя важна сама личность автора, факт реальной биографии, демонстрирующий силу просвещения:

«<...>любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок Крымских Гирев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как Русской офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как наконец Магометанин с глубокой думою смотрит на крест, *эту хоругвь Европы и просвещения*» [I, 169].

Образы героя «Долины Ажитугай» и шута Дальхина в «Персидском анекдоте» вносят дополнительные акценты в процесс формирования образа героя времени, осложненного особым пониманием внутри- и внешнеполитических проблем, в контексте которых моральный кодекс человека проходит очередную проверку.

Формирование двойчатки князя Козловского основано уже в большей степени на тематико-проблемном принципе. Публикации Козловского, с одной стороны, несут в себе идею гуманистической науки, с другой – становятся показательными в плане расширения понятия литературы, характерного для пушкинского журнала, и, с третьей – являются примером подлинного, непереводаемого научного текста, характеризующегося терминологической четкостью и вместе с тем ясностью и доступностью изложения. Само отношение автора к науке как к поэзии, философии, некому нравственному мерилу делало его работы органичными для пушкинского журнала: научными и вместе с тем литературными. Так, в статье «О надежде» Козловский отмечает: «Бернульи доказывал, что можно цифрами поверять всегда и нравственные истины» [III, 42]. Не случайно после выхода третьего номера «Современника» Пушкин напишет Чаадаеву: «<...> Козловский стал бы моим Провидением, если бы захотел раз и навсегда сделаться литератором» [ПСС, XVI, 173, 393].

Козловский делится с читателем удовольствием от тех знаний, которые передает: «Мы не можем при окончании удержаться от удовольствия выписать приращение пространства Парижа» [I, 257]. Вместе с тем острота статей Козловского связана с декларацией демократизма образования, а их полемичность выражается в подчеркнуто сравнительной интонации при описании положения дел в Европе и России. При этом очевидный ари-

стократизм автора (статьи подписаны «Князь / (Кн.) Козловский»), говорящие эпиграфы из античной поэзии¹⁰¹ и подчеркнуто демократическое содержание, изложение фактов, теорий в популяризаторской манере создают своеобразный полемический узел, принципиально важный для издателя «Современника», связанный с отстаиванием позиций аристократии в деле повышения уровня культуры и просвещения нации.

Так же, как и двойчатка Козловского, основанная на презентации мнения и деятельного его воплощения, построена двойчатка Розена: декларация безрифменного стиха в статье «О Рифме» воплотилась в драматическом отрывке «Иоанн и Аристотель». Е.Ф. Розен рассчитывал на более деятельностное участие в пушкинском журнале: он готовил стихотворения, которые Пушкин так и не поместил в «Современнике»¹⁰². Издателя не интересовал Розен-поэт, ему был интересен Розен-критик и драматург. Некоторая спорность и излишняя категоричность статьи Розена по отношению к взглядам издателя журнала отмечена М.И. Гиллельсоном в статье о «Современнике»: «Вряд ли Пушкин разделял столь уничижительное мнение о рифме; но страстная защита безрифменного стиха, к ритмической гармонии которого охотно склонялся поэт в зрелые годы своего творчества, безусловно, должна была вызвать благожелательное внимание издателя "Современника"»¹⁰³. В то же время, по мнению исследователя, статья способствовала созданию межтекстовых связей, как подтверждающих ее постулаты, так и полемичных по отношению к ней. Так, знаково соположение «Скупого рыцаря» Пушкина и «Ночного смотра» Жуковского, отразивших основной пафос статьи «О рифме». Однако Е. Эткинд, отмечая пророческий характер теоретической статьи Розена, говорит о расхождении пушкинского и розеновского восприятия путей развития русской поэзии: для Пушкина невозможна простая замена рифмы безрифменным стихом, именно поэтому одновременно со «Скупым рыцарем» в первом томе помещено стихотворение «Из А. Шенье», которое является «своего рода спором с категорическими утверждениями Розена, и, в то же время, спором с самим собой <...> наглядным раздумием над судьбою русского стиха»¹⁰⁴.

¹⁰¹ Эпиграф к статье «Разбор Парижского математического ежегодника» из «Энеиды» Вергилия: «Движенья неба искусней // Вычислят иль назовут восходящие звезды»; к статье «О надежде» из Горация: «Из дыма давать свет». (Современник. Приложение к факсимильному изданию. С. 77, 137).

¹⁰² Кузьмина Л.И. В орбите «Современника». С. 343.

¹⁰³ Гиллельсон М.И. Пушкинский «Современник». С. 25.

¹⁰⁴ Эткинд Е. Незамеченная книга Пушкина: ... Р. 207–208.

Особый подход издателя прослеживается и при публикации произведений А.Н. Муравьева. Муравьев заинтересовал Пушкина исключительно как автор книги «Путешествия по Святым местам», между ними не было дружеской привязанности¹⁰⁵. Тем более интересна причина появления в «Современнике» трех публикаций этого автора. Думается, публикация в первом томе «Предисловия к "Битве при Тивериаде"» не связана только со стремлением помочь автору неудачной пьесы¹⁰⁶. Любопытно уже то, что все публикации Муравьева выходят без подписи. Кроме того, нет прямых указаний на авторство Муравьева в случае с «Вечером в Царском селе» (авторство обосновано Е.И. Рыскиным путем сопоставления с книгой «Путешествия ко Святым местам в 1830 году» и другими произведениями Муравьева) и с «Молитвой об Ольге Прекрасной» (комментаторы указывают на вероятное авторство Муравьева)¹⁰⁷. Таким образом, личность автора, индивидуальность его творчества уходят на второй план. В этом смысле показателем становится «Предисловие к "Битве при Тивериаде"», где значимость произведения нивелируется, и на первое место выходит само историческое событие. При этом авторские идеи, проговариваемые Муравьевым, вступают в определенный диалог-полемику с пушкинскими взглядами, выраженными, в том числе, в «Путешествии в Арзрум». Гуманистический и просветительский пафос публикации Пушкина, поддерживаемый настроением «Долины Ажитугай», сглаживает религиозный пафос Муравьева. В свете этих публикаций поражение крестоносцев, описанное Муравьевым, выглядит закономерным: идея насаждения веры оружием, по Пушкину, изначально неплодотворна.

«Вечер в Царском селе» и «Молитва об Ольге Прекрасной» усиливают декабристский подтекст «Современника», который явно прослеживается, начиная с «Пира Петра Первого» и «Путешествия в Арзрум». То, что декабристская тема — одна из подтекстных тем пушкинского журнала, замечено еще читателями-современниками. М.И. Гиллельсон в комментариях к пушкинскому журналу приводит отрывок из письма Л.И. Голенищева-Кутузова, в котором тот пишет о «Пире Петра Перво-

¹⁰⁵ См.: Кузьмина Л.И. В орбите «Современника». С. 341–342; Современник. Приложение к факсимильному изданию. С. 116.

¹⁰⁶ Как утверждает исследователь, «поэт действительно принял участие в судьбе Муравьева: после провала его пьесы "Битва при Тивериаде", признанной несценичной, он взял на себя риск и труд напечатать ее в "Современнике", а для успеха дела рекомендовал автору предпослать пьесе историческое введение». (Кузьмина Л.И. В орбите «Современника». С. 342).

¹⁰⁷ Современник. Приложение к факсимильному изданию. С. 182–183.

го»: «Не распространяясь уже о стихе, сама идея стихотворения прекрасна, это урок, преподанный им нашему дорогому и августейшему владыке...»¹⁰⁸. Урок милосердия к декабристам дан Николаю I. «Молитва об Ольге Прекрасной» поддерживает эту тему. Образ великой княгини Ольги – просветительницы и воительницы – соотносим с образом Екатерины II в «Капитанской дочке».

Четвертый том наполнен эмоцией дружеского круга и воспоминаниями о годах юности. В этом смысле «Вечер в Царском селе» напрямую соотносится с датой, указанной после текста «Капитанской дочки» – 19 октября 1836 г. (дня лицейского братства и единения), – и с дружеским посланием Е. Баратынского «К князю П.А. Вяземскому», последние строки которого вбирают в себя самую идею дружбы и тоску по прежним временам:

Звезда разрозненной Плеяды,
Так из глуши моей стремлю
Я к вам заботливые взгляды;
Вам высшей благости молю,
От вас отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вам прозою почтовой
Лениво дань мою плачу [IV, 217–218].

Закономерно, что сам образ Царского села, положенный в основу фрагмента Муравьева, становится символичным, и первые строки выражают эмоцию воспоминания и грусти:

«Есть минуты, в которые прекрасная природа, музыка, приятная беседа, или нечаянные встречи располагают сердце живее чувствовать и принимать впечатления. Тогда все прошедшее человека, потеряв свою постепенную давность, возвращается к нему в смешанной толпе воспоминаний, выбирая одни только лучшие цветы со всего поля жизни; <...> тогда опять, как сновидения летней ночи, **на время оживают незабвенные лица, бывшие некогда спутниками на житейском поприще**, и смерть их кажется только разлукою, ибо мысль о них уже не раздирает душу» [IV, 219].

Издатель «Современника» использует очень тонкие ходы, которые позволяют создать чаще всего скрытые полемические центры. С этой позиции может быть рассмотрен тютчевский текст. На сегодняшний момент можно говорить о двух устоявшихся точках зрения на причину появления стихотворений Тютчева в третьем и четвертом томах: с одной стороны, большинство исследователей воспринимают этот факт как акт открытия молодого талантливой стихотворца, с другой –

¹⁰⁸ Современник. Приложение к факсимильному изданию. С. 44.

Ю. Тынянов рассуждает о далеко не восторженном отношении Пушкина к творчеству Тютчева. Возможность появления тютчевских стихотворений исследователь связывает со случайным характером формирования стихотворного отдела «Современника»¹⁰⁹. Однако стихотворные шедевры, опубликованные в журнале, позволяют опровергнуть данную точку зрения. В то же время помещение конкретной публикации в журнале Пушкина не означает полного одобрения ее содержания. Тютчевские стихотворения занимают сильные позиции в начале третьего и четвертого номеров, как уже было отмечено; подобный факт свидетельствовал о значении, придаваемом определенной публикации. Ко времени создания «Современника» русская культура через творчество Жуковского и Пушкина уже впитала в себя представление о туманной Германии – родине высокого идеального романтического искусства. В этом смысле общее название тютчевских публикаций «Стихотворения, присланные из Германии» и топонимическое указание в конце публикации («Мюнхен») позволяло воспринимать творчество Тютчева как философское¹¹⁰. Одновременно исследователями отмечается легкое ироничное отношение Пушкина к немцам, «к их оторванности от жизни и увлеченности чистой теорией»¹¹¹. В этом смысле появление в журнале блока поэта-философа имело, безусловно, полемический характер¹¹². Кроме того, в контексте рассмотрения полемических узлов, организуемых в «Современнике», важно, что особое впечатление стихотворения Тютчева произвели на Жуковского и Вяземского¹¹³.

Тютчевская поэзия о поэзии, воплощенная в жанре поэтического отрывка, ее философическая отвлеченность контрастировала с пушкинскими поисками середины 1830-ых гг. в поэзии и прозе, в центре которых история, факт, поиски четкого, ясного, лаконичного способа выражения. Этот контраст подчеркивается характером соположенных с блоком тютчевских стихотворений материалов. Так, третий том открывают «Стихотворения, присланные из Германии», и сразу за ними помещена статья Козловского «О надежде», где автор вводит понятие философи-

¹⁰⁹ Тынянов Ю.Н. Пушкин и Тютчев. С. 179.

¹¹⁰ См.: Лебедева О., Янушкевич А. Германия в зеркале русской словесной культуры XIX – начала XX века. Кёльн, Веймар, Вена, 2000. С. 57–73, 76.

¹¹¹ Шмид В. Немцы в прозе Пушкина // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1999. С. 106.

¹¹² Вспомним историю взаимоотношений Пушкина с редакцией «Московского вестника» – печатным органом Любоумров.

¹¹³ Тынянов Ю.Н. Пушкин и Тютчев. С. 178.

ческой математики, таким способом адаптируя философские идеи: его задачей становится довести знание до обычного человека:

«Награда моя будет та, когда, по прочтении этой статьи, читатель скажет: **всякой ребенок его поймет**» [III, 29].

В четвертом томе тютчевские стихотворения окружены двумя прозаическими публикациями: «Занятие Дрездена» и «Капитанская дочка». Отвлеченные философские стихотворения соположены с историческими свидетельствами, дневниковыми записками – образцами новой прозаической культуры.

Отсылка к Германии позволяла выйти за границы российской культуры, создать межкультурную диалоговую ситуацию. В этом процессе огромную роль также играли статьи А.И. Тургенева «Париж (Хроника русского)», появившиеся в первом и четвертом номерах «Современника». Уже название статей¹¹⁴ обозначало эту рецепцию специфики одной ментальности способами другой. Жанр хроники органично вошел в контекст пушкинского журнала. Позиция отстраненности, объективности хроникера была сродни позиции издателя чужих записок: «осторожный Тургенев не позволял себе, как правило, прямых оценок и даже намеков: он только описывал и отображал, запечатлевая видимость и канву происходящего и оставаясь именно "хроникером". Однако догадливый читатель, размышляя над его письмами, мог разглядеть и "самую суть"»¹¹⁵.

Круг авторов «Современника» не очень широк, в этом смысле анонимность публикаций и разнообразные способы авторизации способствовали расслоению авторского состава в восприятии читателей. При этом показательна разнородность авторов, во многих случаях несопоставимых по уровню художественного мастерства и таланта. Думается, что Пушкин представлял в своем журнале чаще не авторов, а тот фрагмент их творческой деятельности, который больше всего отвечал издательской цели и задачам, как было, например, с Розеном, Тютчевым, Якубовичем и др. Однако необходимо говорить об определенной иерархии авторских массивов. В этом смысле очевиден приоритет текстов Гоголя, Вяземского и Одоевского. В данном случае важна не только и не столько их количественная составляющая, сколько то значение, ко-

¹¹⁴ Так же, как и в случае со «Стихотворениями, присланными из Германии», не установлено авторство названия публикаций А.И. Тургенева. К. Азадовский высказывает предположение о редакционном решении и уверенность в одобрении этого варианта Пушкиным. (См.: Азадовский К. Старые европейские комеражы (несостоявшаяся «Хроника» А.И. Тургенева). С. 95).

¹¹⁵ Азадовский К. Указ. соч. С. 94.

торое придавал издатель критической позиции и творческих предпочтений представляемых авторов.

1.3.2. Тексты Н.В. Гоголя, П.А. Вяземского, В.Ф. Одоевского как идеологические центры «Современника»

Несостоявшийся проект объединения под одной обложкой трех индивидуальностей – Одоевского, Пушкина и Гоголя – «Тройчатка, или Альманах в три этажа», показателен по своей идее в проекции на более масштабное, уже пушкинское предприятие – «Современник». Единство тройчатки должно было основываться, во-первых, на самой ее архитектонике, в основе которой был вертикальный срез дома (погреб, гостиная, чердак); во-вторых, на фантастическом характере входящих в нее повестей (в альманахе предположительно должны были входить «Княжна Мими» Одоевского, «Портрет» Гоголя, «Пиковая дама» Пушкина); в-третьих, на общей сатирической направленности произведений¹¹⁶.

Отклонение предложения Одоевского Пушкиным, возможно, кроме всего, коренится именно в этой обобщающей интенции, тогда как по отношению к творческому методу указанных писателей Пушкин скорее находился в позиции соревновательной¹¹⁷, что особенно проявится в «Современнике» в связи с Гоголем, история которого в качестве сотрудника «Современника» тесно связана с персоналиями Одоевского и Вяземского. И знаменательно, что соревнование между Одоевским и Гоголем, вольно или невольно возглавляемое Пушкиным, чаще заканчивалось в пользу Гоголя. Широко известен факт отклонения Пушкиным всех художественных произведений, предложенных Одоевским: «Разговора недовольных» в пользу гоголевского «Утра делового человека», отрывка из повести «Сегелиель», тогда как две повести Гоголя «Коляска» и «Нос» нашли свое место в пушкинском журнале. Только в пятом, посмертном номере «Современника», будет опубликована повесть Одоевского «Сильфида». Этот соревновательный, иногда скорее

¹¹⁶ Подробнее см.: Фомичев С.А. Праздник жизни: этюды о Пушкине. СПб., 1995. С. 194–208.

¹¹⁷ Ср. мысль С.А. Фомичева: «Как нам представляется, получив в Болдино письмо от Одоевского с предложением принять участие в альманахе, Пушкин вступает в соревнование с ним и отчасти с Гоголем, используя их стилистические и сюжетные приемы, создавая свою "фантастическую сказку", естественно, однако, вырастающую из реальности» (См.: Фомичев С.А. Праздник жизни: этюды о Пушкине. С. 206).

полемический аспект и стал одним из факторов, позволяющих говорить не о наборе локальных авторских массивов в «Современнике», а об их системе. Таким образом, гоголевский текст становится средоточием полемических пересечений.

Проблема «Н.В. Гоголь в "Современнике"» не нова. К ней обращались в рамках темы «Пушкин и Гоголь» и в отдельных исследованиях, посвященных рассмотрению критического и прозаического творчества писателя, такие исследователи, как Г.П. Макогоненко, Н.Н. Петрунина, Г.М. Фридлиндер, Л.Г. Фризман, В.Г. Березина и другие.¹¹⁸

Можно говорить о целенаправленном представлении Пушкиным-издателем Гоголя, его творчества. Большинство гоголевских публикаций сконцентрировано в первом томе, который задавал тон всему журналу. Друг за другом расположены повесть «Коляска», критическая статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», драматические сцены «Утро делового человека». Гоголем написаны практически все рецензии отдела «Новые книги» для первого тома. В третьем номере «Современника» печатается повесть «Нос». Кроме этого, во втором номере Пушкин помещает статью П.А. Вяземского «"Ревизор", комедия соч. Н. Гоголя», а в третьем номере появляется «Письмо к издателю» А.С. Пушкина, которое корреспондирует со статьей Гоголя.

Как видим, количество гоголевских произведений и критических замечаний по поводу его работ едва ли не самое большое (после пушкинских) в «Современнике». Кроме того, Пушкин намеренно представляет различные грани таланта Гоголя: он выступает как прозаик, драматург, критик, библиограф. В 1836 г. Гоголь – заметная фигура в литературе. Он известен как автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки», уже вышли «Арабески» и «Миргород», поставлен «Ревизор», начата работа над «Мертвыми душами». За плечами солидный опыт критической деятельности. Для Пушкина Гоголь – лицо новой литературы, соответственно презентация Гоголя – это представление нового литературного направления, своего рода эксперимент с новым направлением. С этим, в том числе, связано оказание большого доверия молодому писателю: Гоголь – автор самой проблемной статьи журнала, его суждения о состоянии современной журнальной литературы долгое время будут считаться программными для «Современника». Интересен был издателю и гого-

¹¹⁸ См.: Березина В.Г. Новые данные о статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 35 году»; Макогоненко Г.П. Гоголь и Пушкин; Петрунина Н.Н., Фридлиндер Г.М. Пушкин и Гоголь в 1831–36 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. VI. С. 197–228.

левский взгляд на современную литературу, который проявился в рецензиях на новые книги.

С Гоголем в «Современник» входит мир новой прозы. Гоголевские произведения – прозаическое ядро журнала, вокруг которого формируются другие прозаические публикации. Не случайно сам Пушкин так много экспериментирует с прозой в «Современнике», представляя и критические статьи, и анекдоты, и роман («Капитанская дочка»). С этим связана и подборка блока публицистической прозы, помещенной в журнале.

Собственно современность в «Современник» входит непосредственно с гоголевскими публикациями: Гоголь – летописец эпохи. Именно он в центральной статье первого тома проговаривает мысль о необходимости тщательного анализа современности:

«Как ни бедна эта эпоха, но она такое же имеет право на наше внимание, как и та, которая бы кипела движением, ибо также принадлежит Истории нашей словесности» [I, 193].

Можно выделить собственно гоголевский текст в «Современнике», в который входят произведения «Коляска», «О движении журнальной литературы...», «Утро делового человека» и «Нос», и текст о гоголевском тексте, к которому можно отнести статьи Вяземского («"Ревизор", комедия соч. Н. Гоголя») и Пушкина («Письмо к издателю»).

Понятие авторства по отношению к собственно гоголевскому тексту усложняется. С одной стороны, присутствует автор-создатель (Гоголь), он же участвует в отборе произведений для «Современника» и в их расположении. С другой стороны, в этом процессе участвует издатель (в данном случае можно сказать автор) журнала. Примером их взаимодействия может служить письмо Гоголя Пушкину от 2 марта 1836 г., в котором он просит адресата поместить «Утро делового человека» до статьи о журнальной литературе [ПСС, XVI, 91]. По определенным причинам Пушкин не смог выполнить его просьбу¹¹⁹, и в конечном итоге в оглавлении первого тома повесть и драматическая сцена располагаются вокруг критической статьи. Наиболее очевидным примером соотношения двух авторских позиций на страницах журнала становится уже цитированное издательское примечание к повести «Нос» в третьем томе. Издатель, как «автор» журнального текста, сам, вне зависимости от авторской воли, компоует гоголевские произведения в соответствии с задачами журнала.

¹¹⁹ Современник. Приложение к факсимильному изданию. С. 72.

«Структурно-семантическое единство <...> тексту придает, прежде всего, система «сквозных» мотивов в их многосторонних связях с сюжетом, пространством и другими единицами гоголевского художественного языка».¹²⁰ При внимательном сопоставлении публикаций, вошедших в гоголевский текст «Современника», обнаруживается множество пересечений, сближений, начиная от общих идейных установок, заканчивая отдельными мотивами и образами.

Общим для гоголевского текста становится мотив движения. Современность в гоголевской трактовке наполнена движением (или подобием его), движется все, изменяется, формируется на глазах читателя. Не случайны в этой связи и названия гоголевских публикаций: «Статья о **движении** журнальной литературы...», «Коляска» – транспортное средство, воплощение движения, «Утро **делового** человека» – образ делового человека неизбежно связывается с деятельностью, движением. Наконец, «Нос», где появляется предельно абсурдный образ самостоятельного передвижения отдельной части человеческого тела. С идеей движения, безусловно, тесно связан образ дороги, пути, который становится метафорой пути развития каждого человека и развития России вообще. Гоголевский образ дороги и связанная с ним метафорическая тема могли напоминать «о самом принципе движения, которому должны подчиняться жизнь и живые люди»¹²¹.

В гоголевском тексте слова «движение» и «действие» – синонимы. Наличие / отсутствие этого признака позволяет автору обозначить свое положительное или отрицательное отношение к описываемому явлению. Примером могут служить характеристики Смирдина и Греча, данные Гоголем в статье «О движении журнальной литературы»:

«<...> Смирдин, давно уже известный своею **деятельностию** и добросовестностию, который один только, к стыду прочих <...>, показал **предприимчивость** и своими оборотами дал **движение** книжной торговле <...>» [I, 194]; «Имя г. Греча выставлено было только для формы, по крайней мере **никакого действия** не было заметно с его стороны» [I, 195].

Характеристика Сенковского отражает жизненную и творческую позицию Гоголя:

«Человеку, **ничего не сделавшему**, трудно верить на слово, особливо, когда его суждения так легковесны и проникнуты духом нетерпимости» [I, 198].

¹²⁰ Кривонос В.Ш. О множественности смысловых планов в «Коляске» Гоголя // Известия АН. Серия литературы и языка, 1998. Т. 57(1). С. 9.

¹²¹ Демидова Т.Э. Метафорическая тема дороги (пути) в английском и русском романе 40-х годов XIX века: Теккереи, Диккенс, Гоголь: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. С. 14.

Самая первая ремарка в сцене «Утро делового человека» позволила определить лжеделовитость Барсукова: «Иван Петрович, деловой человек, **потягиваясь** выходит в халате и звонит» [I, 227]. Синонимы бездействия, не движения: бесцветность («Может быть, давно у нас не было так резко заметно **отсутствия журнальной деятельности и живаго современного движения**, как в последние два года. **Бесцветность** была выражением большей части повременных изданий» [I, 193]); скука («Городок Б. очень повеселел, когда начал в нем стоять *** Кавалерийский полк. А до того времени было в нем **страх скучно**» [I, 170]). В «Коляске» возникает образ движения по кругу, отрицающий возможность истинного действия. Выделяя бездействие, лжедвижение как характерный признак эпохи, Гоголь при этом утверждает и пропагандирует движение – развитие, что, безусловно, вписывается в концепцию «Современника», т. к. образ движения в пушкинском журнале тесно связан с идеей развития и просвещения.

Гоголевская современность имеет городскую прописку. Действие «Носа» и «Утра делового человека» происходит в Петербурге, а герои «Коляски» живут в уездном городе Б***. Эти города представляют столичный и провинциальный миры. Последний по принципу пародии отражает столичный, дублирует его. Это взаимопроникновение подчеркнуто даже малейшими подробностями: из Петербурга выписывают коляски и спальные башмачки герои «Коляски», увлечение карточной игрой одинаково у героев обоих миров. Ср.:

«<...> и Чертокуцкий, который в это время уже вместо дамы два раза сбросил валета, вмешивался вдруг в чужой разговор <...>» [I, 181];

«Хе, хе, хе, хе. Я гляжу, что это значит, что он кладет короля? У меня ведь на руках сам третьей дама крестов» [I, 229].

В статье о журнальной литературе Гоголь создает образ провинциала помещика, читающего столичные журналы:

«Эти читатели и подписчики были почтенные и пожилые люди, живущие в провинциях, которым чтонибудь почитать также необходимо, как заснуть часик после обеда, или выбраться два раза в неделю» [I, 205].

Петербургское и провинциальное пространство и все происходящее в нем заморочено, неясно, поэтому гоголевский текст пронизывает мотив дыма, пыли, тумана:

«"Пуф, пуф, пу, пу, пу...у...у..ф здесь" сказавши это, Генерал весь **исчезнул в дыме**» [I, 176]; «<...> как вдруг показавшаяся вдали **пыль** привлекла ее внимание» («Коляска») [I, 184]; «Иван Яковлевич побледнел... Но здесь происшествие совершенно **закрывается туманом**, и что далее произошло, решительно ничего не известно» («Нос») [III, 59].

В по-своему аристократический «Современник» с гоголевским текстом входит образ социального героя, «затянутого в мундир, всецело зависящего от отведенного ему мундиром положения»¹²². Офицеры в «Коляске» мнения свои высказывают в зависимости от чина. Нос становится символом иерархических отношений: «Сама реальная жизнь, с ее строго регламентированной, знаковой бюрократической системой, законными предписаниями для каждой социальной группы, способствует возникновению ритуальных форм поведения, мышления»¹²³. В этом мире важнее смотреться, чем быть на самом деле¹²⁴. Соответственно мотивы «хвастовства», «обмана», «видимости», «мечты»¹²⁵ пронизывают весь гоголевский текст в «Современнике». Давно замечено стремление гоголевских героев казаться не тем, что они есть на самом деле:

«Пифагор Пифагорович Чертокуцкий, один из главных аристократов Б... уезда, более всех шумевший на выборах и приезжавший туда в щегольском экипаже. Он <...> был один из числа **значительных и видных офицеров**. По крайней мере его **видали** на многих балах и собраниях, где только кочевал их полк» («Коляска») [I, 173]; «Проси (*бросает поспешно собаку и разворачивает Свод Законов*)» («Утро делового человека») [I, 228]; «Ковалев был Кавказский коллежский ассессор <...>, а **чтобы более придать себе благородства и веса**, он никогда не называл себя коллежским ассессором, но всегда майором» («Нос») [III, 60].

Мотив хвастовства и обмана присутствует и в статье «О движении журнальной литературы»:

«В Сыне отечества (говорила программа) будет Археология, Медицина <...> и прочее. Иной ахнет, прочитавши такую ужасную программу и подумает, что это огромное энциклопедическое издание <...>. **Ни чуть ни бывало**: выходила худенькая, тоненькая книжечка <...>» [I, 204].

Два слова – «мечта» и «мелочь» – как будто отражаются друг в друге и дают представление об идеалах современного человека: мелочная мечта. В статье о журнальной литературе Гоголь четко формулирует характерный признак современной эпохи: «Мелочное в мыслях и мелочное щегольство» [I, 223]. В других публикациях можно найти иллюстрации этой мысли. Мелочь – воплощение лжедеятельности, лжезначимости: «Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо так говорить. Я сам то же думаю. Министр точно не войдет в это. Ну а вдруг вздумается!» [I, 235]. Мелочная мечта поглощает

¹²² Дилакторская О.Г. Художественный мир Петербургских повестей Н.В. Гоголя // Гоголь Н.В. Петербургские повести. СПб., 1995. С. 207.

¹²³ Там же. С. 225.

¹²⁴ Маркович В.М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л., 1989. С. 133.

¹²⁵ Кривонос В.Ш. О множественности смысловых планов в «Коляске» Гоголя. С. 10.

человека, «исчезает многострунность мысли и сердца ("все человеческие движения"), и ее место занимают раздробленные страсти, и каждая такая страсть возрастает до чудовищных размеров»¹²⁶. Мечта захватывает Барсукова: «Господи Боже мой, ну что, если бы сказал он: такого-то Барсукова, в уважение тех и тех и прочих заслуг его, представляю...» [I, 234]. Его страстное желание находит отражение в истории «Носа», где тайные мечтания Ковалева реализуются в абсурдной ситуации¹²⁷. Можно говорить о том, что все материалы собственного гоголевского текста зеркально отражаются друг в друге. Сублимированный образ современника, вообразившего в себя черты «делового» человека и «видного» помещика, представлен на страницах пушкинского журнала в особом – гоголевском – видении.

Современность в журнале осязаема, ее можно «потрогать», и в то же время она неуловима: все мнимо, ложно, все не так, как кажется. Реального движения нет. Деловой человек только имитирует свою деятельность, коляска совсем не так хороша, журналов, отвечающих требованиям времени, нет, литература не развивается. Ложные цели, эфемерные отношения. Отражением современности становится понятие «раздробление», «исторически широко понимаемое как сущность всего европейского нового времени, кульминации достигшее в XIX веке; характеристика современной жизни во всех ее проявлениях как раздробленной, дробной»¹²⁸. Омертвление, пустота мира: герои не люди, а усы и носы, а за ними – «загадка человека», поиск человеческого. Вера в существование живой, подвижной полноты бытия¹²⁹. Гуманизм Гоголя, несмотря на всеобщую грязь и весь абсурд происходящего, позволял гармонично вписать гоголевский текст в пространство пушкинского журнала, для которого идея человечности, идея поиска путей просвещения является принципиальной.

Разножанровые гоголевские тексты проникают друг в друга, стирается граница между собственно художественным произведением и нехудожественной прозой (что так характерно для пушкинского журнала). Гоголевский текст демонстрирует возможность целостного познания

¹²⁶ Грехнев В.А. «Пушкинское» у Гоголя: (О символизме «живого» и «мертвого») // Пушкин и другие: Сб. ст., посвящ. 60-летию со дня рождения С.А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 135.

¹²⁷ Маркович В.М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. С. 86.

¹²⁸ Бочаров С.Г. Загадка «Носа» и тайна лица // Гоголь: История и современность. М., 1985. С. 189.

¹²⁹ Грехнев В.А. «Пушкинское» у Гоголя: (О символизме «живого» и «мертвого»). С. 140.

современности, а это уже авторская программа: вне целого невозможно правильное развитие человечества¹³⁰.

Статьи Пушкина и Вяземского позволяют поднять статус гоголевского текста на уровень осмысляемого культурного явления. В этой связи появление во втором томе «Современника» статьи П.А. Вяземского «Ревизор, комедия соч. Н. Гоголя» – литературоведческого и культурологического анализа гоголевского произведения – позволяло заявить о положении Гоголя и его творчества в современной литературной эпохе. Важно, что для анализа был выбран «Ревизор» – произведение, принципиальное для понимания художественного метода Гоголя.

Гоголевский «Ревизор» осмысляется Вяземским прежде всего как литературное событие. Комедия поставлена в один ряд с произведениями Фонвизина и Грибоедова. Постановка имени Гоголя в ряд великих комедиографов принципиально важна для автора монографии о Фонвизине, в которой отразилось его понимание общественной значимости сатирического жанра¹³¹. Отвечая на критические замечания по поводу жанровой, языковой и сюжетной природы «Ревизора», Вяземский каждый раз подчеркивает новизну гоголевского подхода к написанию комедии. Слог Гоголя признается индивидуальным и замечательным:

«Главное в писателе есть слог: если он имеет выразительную физиономию, на коей отражаются мысль и чувство писателя, то сочувствие читателей живо отзывается на голос его» [II, 295].

Защищая комедию Гоголя, анализируя ее на различных уровнях, Вяземский формулирует современные требования к комедии:

«Драматическое произведение, а в особенности комедия народная, или отечественная, принадлежит к сему разряду явлений, которые должны преимущественно обратить на себя общее внимание» [II, 286].

Здесь важно, что «Ревизор» в этом смысле является образцом. По мысли О.О. Миловановой, «Вяземский видел в творчестве Гоголя уникальное явление русской литературы, имеющее не общественно-политическое, а прежде всего эстетическое значение, он требовал от читателей и критиков глубокого проникновения в художественный мир Гоголя»¹³².

Причины появления в третьем номере «Современника» статьи Пушкина «Письмо к издателю» и ее содержание не раз, как уже отмеча-

¹³⁰ Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 183.

¹³¹ Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. С. 239.

¹³² Милованова О.О. Н.В. Гоголь в творческом сознании П.А. Вяземского. С. 49.

лось, рассматривались исследователями.¹³³ Контекст данной работы требует поставить вопрос о соотношении пушкинского и гоголевского текстов на страницах «Современника».

В журнале Пушкин неоднократно открыто высказывал свое мнение о Гоголе и его публикациях. В первом томе в отделе «Новые книги» напечатана рецензия на книгу «Вечера на хуторе близ Диканьки», в которой Пушкин в нескольких предложениях очертил творческий путь Гоголя и направление его развития, анонсировал представление «Ревизора» и статью о нем:

«Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале *.
(* На днях будет представлена на здешнем Театре его комедия *Ревизор*)»
[I, 312].

В третьем томе печатается «Нос» с примечанием, процитированным ранее, «Письмо к издателю», посвященное анализу гоголевской статьи «О движении журнальной литературы...», и замечание издателя после нее. Кроме этого, комплекс публикаций, составляющих пушкинский текст, взаимодействует с гоголевским текстом и наряду с ним участвует в организации текстового пространства «Современника».

Примером этому может послужить один небольшой сюжет. Уже не раз говорилось об образе провинциального помещика, играющего большую роль в гоголевском тексте. Пушкин подхватывает этот образ и пишет свою статью от имени господина А.Б. из Твери, который, вопреки гоголевским утверждениям, не только спит после обеда, но, кроме «Библиотеки для чтения», читает и другие журналы (в том числе «Современник»), причем очень внимательно. В статье о журнальной литературе Гоголь сравнивает «Северную пчелу» с корзиной, в которую сбрасывалось все что угодно [I, 203]. В «Носе» (III том) чиновник отказывается помещать объявление о пропавшем носе на том основании, что «и так уже **говорят**, что печатается много несообразностей и ложных слухов» [III, 72]. В контексте «Современника» это «говорят» естественным образом адресуется автору статьи о журнальной литературе. А т. к. автор у статьи и у повести один, то тут же следует ответ, выраженный ремаркой. Тот же чиновник советует Ковалеву:

¹³³ См.: Бочаров С.Г. Пушкин и Гоголь («Станционный смотритель» и «Шинель») // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969. С. 210–240; Макогоненко Г.П. Гоголь и Пушкин; Черняева Т.Г. Литературно-эстетическая и журнально-критическая программа Н.В. Гоголя середины 1830-х гг. (От «Арабесок» к «Современнику»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1979. 18 с.; Шальман Е.С. «Письмо к издателю»: Пушкин, А.Б., Белинский.

«Если уже хотите, то отдайте тому, кто имеет искусное перо, описать как редкое произведение природы и напечатать эту статейку в Северной Пчеле (тут он понюхал еще раз табаку) для пользы юношества (тут он утер нос), или так, для общего любопытства» [III, 74].

Физическое действие персонажа в рамках заявленного контекста позволило актуализировать идиоматическое значение. В этом же томе автор «Письма к издателю» обращается к автору статьи «О движении журнальной литературы...»:

«Обращаясь к "Северной пчеле", вы упрекаете ее в том, что она без разбора помещала все в нее бросаемые известия, объявления и тому подобное. Но как же ей и делать иначе?» [III, 326].

Интересно, что Пушкин спорит не только с автором статьи, но и с автором «Носа», а он публике известен.

Особого внимания заслуживает подпись под «Письмом к издателю»: А.Б. — Александр Белкин, парафраз на псевдоним Сенковского «А. Белкин», используемый им еще в 1834–1835 гг. («Потерянная для света повесть», «Турецкая цыганка» и т.д.)¹³⁴. Один и тот же способ авторизации, указывая на Пушкина как автора повестей, его героя и одновременно Сенковского, использовавшего начальные буквы имен Пушкина и созданного им персонажа, создает любопытный полемический узел. Издатель «Современника» помещает образ, созданный Сенковским, в среду своего журнала и заставляет его «защищать» «Библиотеку для чтения».

Можно говорить о том, что пушкинский и гоголевский тексты находятся в положении некой оппозиции и дополнения друг к другу. В первом томе «Современника» зеркально противостоят друг другу пушкинский стихотворный блок («Пир Петра Первого» и «Скупой рыцарь») и гоголевский прозаический блок («Коляска», «О движении журнальной литературы...», «Утро делового человека»). Кажется не случайным, что наряду с драматической сценой, повестью и критической статьей Гоголя Пушкин в том же номере помещает свою маленькую трагедию («Скупой рыцарь»), критическую статью («Собрание сочинений Георгия Кониского») и прозаическое произведение («Путешествие в Арзрум»). Два творческих метода, два взгляда на действительность: пушкинский и гоголевский — вступают в своеобразное соревнование и в то же время дополняют друг друга. Образ пушкинского Петра — символ справедливой, милосердной государственности — вступает в противоречие с образом

¹³⁴ См.: Кошелев В.А., Новиков А.Е. «...Закусившая удила насмешка...» // Сенковский О.И. Сочинения барона Брамбеуса. С. 12–13, 16.

Петербурга (творения Петрова), созданного Гоголем в «Носе» и Петербургских сценах («Утро делового человека»). Гоголь описывает повседневное существование человека, т. к. именно в нем заложены основы общественного бытия¹³⁵. Настоящее, по Гоголю, реализуется в вымороженном, призрачном петербургском пространстве¹³⁶. «Гоголь первым увидел фантастический образ Петербурга, выросший из "сора и дрязга" мелочного, суетного, скудного, пошлого быта в его натуральности»¹³⁷. Одинаково губительными обоим авторам видятся непомерные страсти прошлого («Скупой рыцарь») и настоящего («Утро делового человека», «Коляска», «Нос»), в результате пороки и страсти приобретают универсальный характер.

Собственно художественные произведения, напечатанные в «Современнике», принадлежат только Гоголю и Пушкину. Историческое пространство «Капитанской дочки» и хроник-воспоминаний Давыдова, Дуровой и других переплетено с пространством гоголевских произведений, «впитавшим в себя дух и "душок" эпохи»¹³⁸.

Таким образом, можно говорить о том, что гоголевский текст в «Современнике» является проводником нового литературного направления, связанного с особым подходом к действительности и способам ее осмысления. Гоголевские публикации внесли в пространство пушкинского журнала неповторимую смеховую культуру, образ абсурдной действительности и особое понимание гуманности. Сделав произведения Гоголя центром прозаического отдела, издатель «Современника» по своему обозначил новейшие тенденции в развитии современного словесного творчества.

По сравнению с достаточно объемным и сложно организованным гоголевским массивом, текст Одоевского кажется прозрачным и структурно несложным: в «Современнике» опубликованы две статьи – «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей словесности» (II том) и «Как пишутся у нас романы» (III том). Однако интересен уже тот факт, что изначально предполагалось поместить обе статьи во втором томе, следовательно, они мыслились издателем как некое единое целое, кроме

¹³⁵ Маркович В.М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. С. 129.

¹³⁶ Виролайнен М.Н. Гоголевская мифология городов // Пушкин и другие: Сб. ст., посвящ. 60-летию со дня рождения С.А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 234.

¹³⁷ Дилакторская О.Г. Художественный мир Петербургских повестей Н. В. Гоголя. С. 208.

¹³⁸ Янушкевич А.С. Повесть Н.В. Гоголя «Нос» в контексте русской культуры 1920–1930-х годов // Литературоведение и журналистика: Межвузовский сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 78.

того, Пушкин хотел второй том открыть статьей Одоевского, что позволило бы рассматривать ее как программную:

«Думаю 2 № начать статьею вашей, дельной, умной и сильной – и которую хочется мне наименовать *О вражде к просвещению*» [ПСС, XVI, 100].

История взаимоотношений Пушкина и Одоевского достаточно изучена. Исследователи либо трактуют их как близость человеческую и творческую, либо обозначают как скрыто конфликтные. Проблемным узлом во взаимоотношениях Пушкина и Одоевского является сюжет с замыслом издания «Северного зрителя» и неожиданным прошением Пушкина о собственном журнале, отменившем реализацию планов Одоевского на это издание, и, как следствие, способствовавшим появлению идеи энциклопедического издания Одоевского и Киреевского в 1837 г. в обход Пушкина¹³⁹.

Неоднозначность взаимоотношений Одоевского и издателя «Современника» определилась уже тем характером издательского заказа, который получал Одоевский: теоретические публицистические статьи, что в свою очередь стало результатом столкновения разных миропониманий, сложного отношения Пушкина к немецкой метафизике Любомудров¹⁴⁰. Одоевский-критик более импонировал Пушкину, чем Одоевский-автор художественной прозы, хотя эстетические взгляды последнего, безусловно, определили его критическую концепцию. Критика, по мнению Любомудров, должна стать философской эстетикой, наукой, что определяет обобщенный, концептуальный характер двух публикаций Одоевского, отвечающих эстетико-философским взглядам их автора. Одоевский вносит в «Современник» метафизическое представление о природе творчества, противопоставляя его механистичности в создании произведений:

«Чтож делает наш умный человек? Он берет первое романическое происшествие, пришедшее ему в голову, и все свои мысли и наблюдения вклеивает, как заплатки, в свое произведение»; [III, 48–49]

«Романисту-поэту **предмет романа является нежданно, сомнамбулически**; он преследует его, мучит его, как живой человек; когда **поэт** пишет – он **пишет забывая о самом себе**, он живет в лицах им созданных, самая его собственная мысль, незаметно для него самого сливаются с лицами, им выводимыми на сцену» [III, 49].

¹³⁹ Подробнее см.: Седова Г.М. Повесть В.Ф. Одоевского «Княжна Зизи» и один из устойчивых мифов о семье Пушкина. С. 198–217.

¹⁴⁰ Измайлов Н.В. Пушкин и В.Ф. Одоевский // Очерки творчества Пушкина. Л., 1976. С. 305.

По Одоевскому, искусство нельзя ставить в ряды с явлениями обыкновенной жизни. Понятно, что это представление не могло быть полностью разделено не только издателем журнала, но и другими его сотрудниками.

Статьи Одоевского находятся в числе публикаций, выполняющих функцию проблемных центров пушкинского журнала, связь между которыми обозначается на уровне полемическом. В данном случае проиллюстрировать полемическую организацию «Современника»-метатекста возможно, обратившись к образу читателя, формируемому на страницах «Современника» и уже привлекавшему наше внимание, который наиболее ярко проявился в статьях: «О движении журнальной литературы», «О вражде к просвещению», «Письмо к издателю».

Судя по фрагментам указанных публикаций (см. Приложение 2), позиция Одоевского более радикальна, чем гоголевская. В своей статье «Как пишутся у нас романы» Одоевский характеризует читателя как неспособного понять истинное искусство:

«Они перескакивают через самые важные дорожные мысли, опыты и наблюдения, и ищут в вашем романе именно того, что вам казалось второстепенным, т. е. романа» [III, 50].

Одоевский рисует образ чрезвычайно доверчивого помещика, который настолько верит печатному слову, что своей верой удивляет самого издателя. Конечно, стрелы Одоевского направлены и на издателя бездарной литературы, но это, с его точки зрения, не умаляет вины читателя. Таким образом, круг читателей, на которых был направлен интерес Одоевского, был социально и культурно ограничен.

По-иному на эту проблему смотрит Гоголь. Журнальная литература, по его мнению, обращена к массовому читателю, вкусы которого нуждаются в исправлении, воспитании. Гоголь ищет душевной близости, единения с читателем, он стремится понять и воспитать его, писателю близок демократический читатель. Гоголевский выпад [фрагмент 1] скорее метит в периодическое издание. И кажется, что «Письмо к издателю» Пушкина в данном аспекте более полемично по отношению к статье Одоевского [фрагмент 7]. Пушкин олицетворяет образ, нарисованный Гоголем при критике «Литературных прибавлений к Инвалиду» [фрагмент 2], что доказывается отсылкой господина А.Б. к этому изданию [фрагмент 8]. Он воплощает в себе того литератора, приправляющего свое мнение язвительной насмешкой.

Письмо А.Б. акцентировало проблему занимательности и удовольствия, которое должна была доставлять печатная продукция, но уже с позиции читателя [фрагменты 4, 5, 6]. Это был тот воплощенный чита-

тельский голос, к которому издатель «Современника» чувствовал необходимость прислушаться.

Соревнование между Гоголем и Одоевским вышло за рамки редакционной кухни и воплотилось в журнальной критике. Триада статей Гоголя–Одоевского–Пушкина отразила способ организации одного из пластов журнального пространства: полемического. Подобным образом корреспондируют статья Одоевского «О вражде к просвещению» и Пушкина «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной». Статья Пушкина, построенная по диалогическому принципу, воплотила диалектическое отношение издателя «Современника» к новому направлению во французской литературе в противовес отрицательному отношению к ней Одоевского.

Полемично по отношению к некоторым пассажам в публикациях Одоевского могут выступать и прозаические произведения Пушкина. Так, автор статьи «О вражде к просвещению», рассуждая об ответственности читателя, пишет:

«Случалось ли вам спрашивать у девушки, недавно вышедшей из пансиона: какую вы читаете книжку? "Французскую" отвечает она; в этом ответе разгадка неимоверного успеха многих книг скучных, нелепых, напитанных площадным духом» [II, 215].

В третьем номере помещен «Отрывок из неизданных записок дамы», в нем «автор», рассказывая о своей подруге, которая

«<...> чрезвычайно много читала, и без всякого разбора. <...> Французская словесность, от Монтескьё до романов Кребийльона, была ей знакома. Руссо знала она наизусть. В библиотеке не было ни одной Русской книги, кроме сочинений Сумарокова, которых Полина никогда не раскрывала. <...> с трудом разбирала Русскую печать, и вероятно ничего по-Русски не читала, не исключая и стихов, поднесенных ей Московскими стихотворцами» [III, 199],

как будто отвечает на вопрос, заданный Одоевским:

«Дело в том, что **мы и рады бы читать по-Русски; но словесность наша** кажется нестарее Ломоносова и **чрезвычайно еще ограничена**. Она, конечно, представляет нам несколько отличных поэтов, но не лзя же ото всех читателей требовать исключительной охоты к стихам. В прозе имеем мы только "Историю Карамзина"; первые два или три романа появились два или три года назад: между тем как во Франции, Англии и Германии книги одна другой замечательнее следуют одна за другой. <...> **Мы принуждены все, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом и мыслим мы на языке иностранном** (по крайней мере, все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода)» [III, 199–200].

Так, именно контекст журнала-метатекста позволяет установить подобные интертекстуальные связи, создающие единое текстовое простран-

во, признаки которого возможно выявить не только на уровне идеологическом, но и на уровне текстуальном.

Думается, также в некотором полемичном соотношении находятся статья Одоевского «Как пишутся у нас романы» и «Капитанская дочка» Пушкина. Теоретические рассуждения Одоевского об особой природе творчества связаны, в том числе, с утверждением разности жанра романа как продукта творчества и личных записок, логичные сами по себе, они входят в некоторое противоречие с общим мемуарным контекстом журнала:

«Пишите просто собственные записки, не гоняясь за фантазией и не называя их романом: тогда ваша книга будет иметь интерес всякой летописи, и произойдет еще та выгода, что вас будут читать люди не с намерением читать роман <...>» [III, 50–51].

Произведения же Пушкина стали примером взаимопроникновения литературного творчества и публицистики.

Комплекс публикаций князя Вяземского занимает особое место в пушкинском журнале. В «Современнике» Вяземский – поэт, публицист, критик, соредактор; соответственно, весь массив его публикаций можно разделить на три блока: поэтический, прозаический, редакторский. Роль Вяземского в создании «Современника» очень велика, уже немаловажно, что названием журнал, возможно, обязан ему, и вообще весь замысел, начиная с середины 1820-х гг., наиболее интенсивно обсуждался именно с Вяземским. Вяземский способствовал появлению в «Современнике» статей Тургенева, стихотворений Тютчева. Закономерно, что именно Вяземский становится автором двух заметок «От редакции» второго и четвертого тома.

Имя Вяземского в «Современнике» олицетворяет собой тот домашний дружественный литературный круг, который был так дорог Пушкину и его друзьям. Вяземскому принадлежит образ «домашнего круга литературы нашей», а процесс литературного развития воспринимается им как расширение этого круга¹⁴¹. Не случайно стихотворение Баратынского в четвертом томе адресовано именно князю Вяземскому.

Проблематика статей Вяземского, помещенных в «Современнике» – это пропаганда сатирических жанров, осмысление новых художественных средств, критика классицизма и романтизма. Его деятельность в период создания журнала является закономерным продолжением его

¹⁴¹ Дерюгина Л.В. Эстетические взгляды П.А. Вяземского // П.А. Вяземский Эстетика и литературная критика. М., 1994. С. 7.

деятельности периода 1820-х гг. и времени выхода «Литературной газеты».¹⁴²

Поэтический и прозаический блок публикаций Вяземского привносит в «Современник» дух европейской культуры. Все его поэтические публикации содержат в себе осколки европейских культур: «Роза и Кипарис» соотнесена с европейским топосом «Villa d'Este (близ Тиволи)», стихотворение «Kennst du das Land?» аллюзионно связано с романом Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера»¹⁴³, в названии «Подражания испанским сегидильям» изначально заявлен факт межкультурных связей. Вкупе с прозаическим блоком, наполненным размышлениями о европейской истории и культуре, текст Вяземского представляет собой точку пересечения русской и мировой культуры и истории: «Вяземский видит в наполеоновской эпохе гигантский перелом, изменение отношений людей между собой и к миру в целом, аналогичное изменению межгосударственных отношений. Все, сближающее людей и государства, объединяющее их действия на пути к общему усовершенствованию, признается Вяземским соответствующим новому духу времени, европейской образованности; всякая изолированность и односторонность противоречат им»¹⁴⁴.

Проблематика и тематика публикаций Вяземского органично вошла в контекст «Современника». Идея милосердия власти находит яркое отражение в статье «Наполеон и Юлий Цезарь»:

«Он [Юлий Цезарь – Т.Ф.] искренно простил всем остаткам Помпеевой партии и призвал к высшим должностям начальников знатнейших домов патрициев» [II, 257].

Знаменательно, что это величие прощения, милосердие победителя (великого римского диктатора и полководца) по отношению к побежденному оценено великим диктатором и полководцем XIX в. – Наполеоном. На фоне многочисленных записок и мемуаров, опубликованных в пушкинском журнале, исторические заметки, надиктованные лично, перевернувшей историю, выглядят символично и представляют собой высшую точку исторического события, когда воплощенная история творит историю.

Индивидуальность Вяземского-публициста, мыслителя, художника, отражаясь в материалах, опубликованных в «Современнике», неиз-

¹⁴² Подробнее см.: Гиллельсон М.И. Вяземский и пушкинский «Современник» // Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. С. 231–258.

¹⁴³ Современник. Приложение к факсимильному изданию. С. 145.

¹⁴⁴ Дерюгина Л.В. Эстетические взгляды П. А. Вяземского. С. 9.

бежно вступала в диалог с другими индивидуально-авторскими текстами. Декларация ясного, исторически точного описания даже в поэзии полемична по отношению к статье Одоевского «Как пишутся у нас романы»:

«Наполеон столь еще жив не только в памяти нашей, но так сказать и в глазах наших, что поэзия должна быть в сем случае живописью, историческою – и только! <...> В поэме Эдгара Кине истина нигде не встречена прямо в лице, нигде нет *собственного слова*, а все обиняки, метафоры, все Делилевская муза, которой страстно хотелось описать кошку, слона, лошадь, но никогда не доставало духа наименовать слона слоном, лошадь лошастью, и так далее, – которая всегда надевала шелковые перчатки, срывая землянику в поле, всегда играла в "отгадай не скажу"» [II, 276].

Особого внимания заслуживает соположение в пространстве журнала публикаций Вяземского и других авторов «Современника». В первом томе стихотворение «Роза и Кипарис» помещено между статьей «О движении журнальной литературы» и «Утром делового человека», в третьем после «Носа» следует «Kennst du das Land?». Интересно, что в том и другом случае это соположение поэтического и прозаического текстов.

При всем том, что традиционно Вяземский и Пушкин воспринимаются как соратники по цеху, движимые общими идеями, очевидно, что в определенных ситуациях они могут быть оппонентами. Это касается и эстетических взглядов, и издательских амбиций. Так, до определенной степени остается загадкой для исследователей ситуация, связанная с возможным участием Вяземского в «Московском вестнике». Для нас интересно одно из его высказываний:

«Я хотел оставаться верен данному обещанию и вероятно хотелось бы мне быть полным хозяином в журнале, что некоторое время и было, тогда как в Московском вестнике был бы я только сотрудником, хотя Пушкин предлагал мне принять участие в издании именно на тех денежных условиях, как и он».¹⁴⁵

Как и у Одоевского, амбиции Вяземского были связаны с собственным печатным органом. В паре с Пушкиным, видимо, тот журнал, о котором мечтал Вяземский, был невозможен. Знаменательно появление в четвертом томе «Современника» объявления о выходе в 1837 г. «Старины и новизны, исторического и литературного сборника» [IV, 299–300], издаваемого князем Вяземским, которое написано им самим. Содержание

¹⁴⁵ Цит. по: Рогов К.Ю. Из истории учреждения «Московского вестника» (к проблеме «Пушкин и Вяземский»: осень 1826 года) // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999. Материалы и исследования. М., 2001. С. 117.

будущего сборника отражало эстетическую концепцию его потенциального издателя, его интерес к истории, подлинному историческому документу.

Интересен также факт полемики о романтизме между Вяземским и Пушкиным в 1826 г. Пушкин не был согласен с мнением Вяземского о преимущественном влиянии немецкой словесности на русскую и органичности этого влияния всему ходу русской словесности¹⁴⁶. Возможно, через десять лет, в период создания «Современника», появление «Стихотворений, присланных из Германии», так понравившихся Вяземскому и Жуковскому, стало отголоском давнего спора.

Формирование авторских текстов Гоголя, Вяземского, Одоевского принципиально для идеологического, полемического пласта «Современника». Все они значимы в качестве формы презентации индивидуально-авторской позиции. Важно, что подборки публикаций этих авторов выстраиваются во взаимодействии друг с другом, в конечном итоге преломляясь в пушкинском тексте, который и становится тем идеологическим центром, который способствует формированию системы авторских массивов. Принципиально важно также и то, что тексты Вяземского, Одоевского презентуются по отношению к гоголевскому массиву, что своеобразно их детерминирует.

С текстами Вяземского, Гоголя, Одоевского в «Современнике» обозначились яркие индивидуально-авторские позиции. Гоголь представил демократическое большинство, современный прозаический материал. Вяземский внес мощнейшее журнально-публицистическое начало. С публикациями Одоевского – представителя «Московского вестника» – в пушкинский журнал вошел пафос современной философии. Авторские тексты лежат в основе «Современника» – полифонического единства.

Общими принципами формирования и представления авторских текстов являются, во-первых, принцип презентации авторской индивидуальности либо авторского метода, темы, идеи в соответствии с идеологическим, тематическим и структурным характером всего журнала, во-вторых, системный, в некоторых случаях иерархический принцип соположения и расположения авторских массивов. Очевидно, что тексты Гоголя, Вяземского, Одоевского занимают центральное положение по отношению к текстам Козловского, Султана Казы Гирея и др. С другой стороны, каждый массив выполняет в «Современнике» отведенную

¹⁴⁶ Подробнее см.: Рогов К.Ю. Из истории учреждения «Московского вестника». С. 106–132.

ему роль, часто вмещая в себя пересечения различных тем, идей, мотивов и образов.

1.3.3. Единичные публикации в контексте четырех номеров «Современника»

Особого внимания в контексте разговора о пушкинском «Современнике» как о едином тексте заслуживает небольшая группа материалов, среди которых пять поэтических произведений: «Ночной смотр» В. Жуковского, «Урожай» А. Кольцова, «Драматическая сказка об Иване Царевиче» Н. Языкова, «3 июля 1836 года» С. Стромиллова, «К князю П.А. Вяземскому» Е. Баратынского; три прозаических: «Записки Н.А. Дуровой», «Прогулка по Москве» М. Погодина, «Прогулка за Балканом» Н. Титова; три научно-популярных: «Мифология вояков и черемис» А. Емичева, «Статистическое описание Нахичеванской провинции» В. Золотницкого, «Государственная и внешняя торговля 1835 г.» Г. Небольсина. Все это единичные публикации названных авторов на страницах пушкинского журнала.

Имена, вошедшие в золотой фонд русской литературы, соседствуют здесь с именами малоизвестных литераторов. При этом лирика более представительна, по сравнению с прозаическими публикациями. С другой стороны, именно тот факт, что Жуковский, Языков, Баратынский представлены в «Современнике» только одной публикацией, свидетельствует о смене доминант, происходящей в литературе середины 30-х гг. XIX в., что засвидетельствовано и в тексте пушкинского журнала (статья «О движении журнальной литературы»):

«Распространилось в большой степени чтение романов, холодных, скучных повестей, и оказалось очень явно всеобщее равнодушие к поэзии» [I, 218].

В основном единичные публикации авторизованы, однако если имя, например, Жуковского под «Ночным смотром» усиливало роль стихотворения, добавляло дополнительные акценты, связанные с личностью и творчеством автора, то появление статьи за подписью, например, Емичева, или стихотворения Стромиллова, в фамилии которого даже допущена опечатка¹⁴⁷, способствовало концентрации на самой публикации, т. к. имя автора мало что говорило читателям¹⁴⁸. Появление

¹⁴⁷ В «Современнике» – Строжилов.

¹⁴⁸ А. Емичев, вятский литератор, печатает в 1836 г. сборник повествовательных произведений «Рассказы дяди Прокопья», вызвавший отрицательный отзыв в «Библиографии».

малоизвестных и неизвестных имен, часто не связанных в восприятии читателей с литературой, особенно это касается авторов научно-популярных статей, усиливало ощущение публицистичности, достоверности журнала.

Так, стихотворение Строилова становится отражением настоящего события, уже освещенного в качестве новости в «Северной пчеле»¹⁴⁹, и вне контекста «Современника» может восприниматься как написанное на случай, произошедший совсем недавно. Однако очевидная перекличка со стихотворением первого тома «Пир Петра Первого» не дает возможности воспринимать стихотворение Строилова как случайное и не соответствующее уровню пушкинского журнала. Оно органично входит в ткань третьего номера, наполненного пушкинскими публикациями, напоминание о стихотворении первого тома и миссии Петра вписывается в его исторический контекст.

Более сильный акцент на достоверность, литературную необработанность сделан в «Прогулке по Москве», следующей сразу за стихотворением Строилова в третьем томе «Современника»:

«Вы хотите, чтоб я сообщил вам известия о *современном* состоянии Москвы. Задача трудная, особенно мне, **человеку неученому, не литератору**. Где отвечать мне требованиям ваших критиков с их строгой логикой и грамматикой!» [III, 260].

Стилистика этого письма соотносима с «Письмом к издателю», только автор в данном случае не провинциальный помещик, а московский пешеход¹⁵⁰. Формирование этого образа завершается подписью под публикацией – Пешеход – одним из псевдонимов Погодина. Название публикации, скорее всего, принадлежит издателю «Современника», в автографе значится: «Письмо из Москвы». Смена авторского названия может свидетельствовать о стремлении Пушкина сохранить акцент на «Письме к издателю», не перебивая его сходным названием погодинского письма.

блиотеке для чтения». (Подробнее см.: Петряев Е.Д. Вятский литератор А.И. Емичев – сотрудник пушкинского «Современника»).

Печатная деятельность С. Строилова активизировалась к концу 30-х и продолжалась до середины 40-х гг. К моменту публикации стихотворения в «Современнике» он был мало чем известен. (Подробнее см.: Вацуро В.Э. Литературная школа Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 64–67).

¹⁴⁹ Стихотворение посвящено шествию ботика Петра Великого мимо балтийского флота. Это событие освящено в «Северной пчеле» от 9 июля, № 154, С. 613–615. (Современник. Приложение к факсимильному изданию. С. 170).

¹⁵⁰ Современник. Приложение к факсимильному изданию. С. 171.

Пушкин поместил в «Современнике» только эту статью Погодина, не взяв ни одной работы по истории и истории литературы, предложенной автором¹⁵¹. Однако в первом номере журнала в отделе «Новые книги» опубликована достаточно обширная рецензия на «Исторические афоризмы», включающая большие выдержки из труда Погодина, приобретающие особое значение в контексте «Современника», например, это касается мысли о роли отдельной биографии в историческом процессе:

«Каждый человек действует для себя, по своему плану, а выходит общее действие, исполняется другой высший план, и **из суровых, тонких, гнилых нитей биографических сплетается каменная ткань истории**» [I, 298].

«Прогулка по Москве» особым образом отразила размышления Пушкина над судьбой аристократии в контексте перемен нового времени. Перечисление дворянских домов, поменявших свой статус, занявшее более двух страниц, производит угнетающее впечатление:

«Хозяева всех этих домов или оставили Москву, или обедняли, или вымерли <...>. Дома эти достались обществу, и где обитала праздность, там теперь поселился труд. – Перемена утешительная!» [III, 262–263].

С этой же статьей связана и полемика с Белинским и Полевым, принижающими ценность исторических трудов Карамзина¹⁵².

Статья «Государственная внешняя торговля 1835 года», следующая сразу за публикацией Погодина, вписывается в ряд научно-популярных материалов «Современника», при этом в контексте третьего тома интересна ее соотнесенность со статьей Козловского «О надежде». Статья о государственной торговле так же не является сухим статистическим отчетом. Автор упивается той магией цифр, которая оказалась у него в руках и которая, по его мнению, должна доставить удовольствие читателям:

«Исчислив сей длинный ряд таблиц, мы думаем, что самым заглавием их уже достаточно намекнули любознательному читателю о важности и разнообразии предметов, заключающихся в этом **богатом хранилище цифр** <...> **сколько важных, полезных, занимательных выводов представится сведущему наблюдателю**, когда он имеет довольно прозорливости, опыта и знаний, чтобы уразуметь эти цифры и провидеть в них изображение народного богатства с его способами и потребностями!» [III, 267–268].

¹⁵¹ Современник. Приложение к факсимильному изданию. С. 170.

¹⁵² Наиболее ценные в этом смысле пассажи о Минине и Пожарском не были пропущены цензурой, вследствие чего не вошло в «Современник» и примечание Пушкина к статье (Подробнее см.: Современник. Приложение к факсимильному изданию. С. 172–173).

Приведенная в статье статистика помогала, кроме всего, обозначить позиции Российского государства в отношении Европы и Востока.

Закономерно, что первый номер журнала, позиционирующий «Современник» в журнальном контексте эпохи, содержит сильнейший по полемическому, эстетическому и историческому заряду «Ночной смотр» Жуковского. Значимость и во многом опасность этой публикации осознавалась автором стихотворения, настоятельно просившего Пушкина не публиковать его в первой книжке журнала:

«А ты мою пиесу унес и уже в цензуру хватил. Нет, голубчик, в первую книжку ее ни как не помещай. Она годится может быть [в] после, но для дебюту нельзя. Прошу тебя не помещать в 1 номер» [ПСС, XVI, 91].

Издатель не внял просьбе автора. М.Н. Дарвин указывает на неслучайность помещения «Ночного смотра» после «Пира Петра Первого» и «Императрицы Марии», тем самым, по мнению исследователя, стихотворение Жуковского входит в контекст «имперской темы»: «Романтизированный образ Наполеона сопоставим по своему величию образу Петра и в то же время противопоставлен ему как "мертвый" "живому". Если Петр жив продолжением своих дел <...>, то Наполеон мертв как оборвавшаяся история, как трагически обособившаяся от всего живущего человечества личность, уединенная в своем гордом одиночестве. Одновременно Наполеон предстает в переводе Жуковского и как личность героическая, исполненная прежней веры в величие Франции»¹⁵³.

Но, конечно, для издателя «Современника» стихотворение Жуковского было прежде всего визитной карточкой подлинно изящной словесности, образцом высокой поэзии, в которой тема и образ Наполеона поднимались до уровня поэтической историософии. Ср. суждение Д. Давыдова, основанное на отзыве Пушкина:

«Мне Пушкин пишет, что ты в журнал его дал такие стихи, что мой белый локон дыбом станет от восторга»¹⁵⁴.

Как справедливо замечает Ф.З. Канунова, «Наполеоновский сюжет и сам образ Наполеона у Жуковского укрупняются, мифологизируются, приобретают историческую значимость, наполняются глубоким философско-символическим смыслом о судьбе великой исторической личности, ее ответственности перед миром, ее трагических ошибках, подлин-

¹⁵³ Дарвин М.Н. Met'allela и di'allela в анализе последовательности текстов как проблема нарратива // <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs5darwin.htm>.

¹⁵⁴ Русский архив. 1871.Сгб. 0187. Из письма Д. Давыдова к В. А. Жуковскому от 14 апреля 1836 г.

ном и мнимом бессмертии»¹⁵⁵. Именно «Ночной смотр» своеобразно презентовал в «Современнике» идею «исторического смотра» современности, выявления современного смысла истории. Для Пушкина этот поэтический шедевр стал квинтэссенцией общей историософской концепции журнала. Перефразируя известные слова, можно сказать, что если бы Жуковский не написал «Ночного смотра», Пушкину его нужно было бы выдумать.

Важно, говоря о «Ночном смотре», его месте и значении, акцентировать два момента. Во-первых, в журнале, где принципиально не публиковали переводные произведения, печатается перевод Жуковского из Цедлица, а во-вторых, нигде (ни в оглавлении, ни в самом тексте) имя Цедлица не упоминается, тем самым как бы подчеркивается оригинальность переводного творения Жуковского. Показательно, что сам Жуковский в последнем прижизненном собрании сочинений (издание 5-е) давал в подзаголовке указание: «Из Цедлица».¹⁵⁶

Второй том наполнен единичными текстами: в нем помещены «Урожай» А. Кольцова, «Драматическая сказка об Иване Царевиче» Н. Языкова, «Записки Н.А. Дуровой», «Мифология воячек и черемис» А. Емичева, «Статистическое описание Нахичеванской провинции» В. Золотницкого.

«Записки Н.А. Дуровой» в контексте журнала неизбежно смыкаются с публикациями Д. Давыдова и Пушкина. Кроме того, записки Дуровой после «Ночного смотра» открывают глобально разворачивающуюся на страницах пушкинского журнала тему войны 1812 года именно в том преломлении, которое в большей степени интересовало Пушкина: через взгляд участника событий, часто очень субъективный, но за счет этого живой, настоящий. Правда, необходимо заметить, что издатель «Современника» определенным образом адаптировал предложенный ему материал, добившись, тем самым, требуемого эффекта. Прежде всего, он не учел пожеланий автора в отношении названия:

«Имя, которым вы назвали меня, милостивый государь, Александр Сергеевич, в вашем предисловии, не дает мне покоя! нет ли средства помочь этому горю? <...> назовите: Своеручные записки русской амазонки известной под именем "Александрова"» [ПСС, XVI, 125].

Ответ Пушкина становится его эстетической декларацией:

¹⁵⁵ Канунова Ф.З. Наполеоновский сюжет в творчестве В. Жуковского // Литературное произведение: Сюжет и мотив. Новосибирск, 1999. С. 67.

¹⁵⁶ Стихотворения Василия Жуковского. Изд. 5-е. СПб., 1849. Т. 5. С. 277.

«Мнение мое, искреннее и бескорыстное – оставить как есть. *Записки амазонки*, как-то **слишком изысканно**, манерно, **напоминает немецкие романы**. *Записки Н.А. Дуровой* – **просто, искренне и благородно**. Будьте смелы – вступайте на попрание литературное столь же отважно как и на то, которое Вас прославило. **Полу-меры никуда не годятся**» [ПСС, XVI, 126].

Таким образом издатель утверждает тип прозаического поведения, идеология которого была выработана еще в Северной ссылке, законы прозаического жанра и проза жизни смыкаются: «Прозаическое поведение обыденно, естественно и находится в соответствии с поведением других людей. При этом оно связано с тем, что человек не стыдится обыденности, внутренне не противопоставляет ее "высокой" жизни. Нет, сама простота воспринимается как поэзия»¹⁵⁷.

В контексте же второго тома, по замыслу Пушкина, наполненного Наполеоном, некоторые пассажи Дуровой о Наполеоне определяли ту неоднозначность восприятия этого человека, государственного деятеля, мифологизированного героя, которая была характерна во время и после войны. И этот взгляд не историка, политика, философа и литератора, а военного, находящегося внутри описываемой ситуации, был чрезвычайно ценен:

«Вопреки бесчисленным поклонникам Наполеона, беру смелость думать, что для такого великаго гения, каким его считают, он **слишком уже уверен и в своем щастии** и в своих способностях, **слишком легковверен, неосторожен, мало сведущ**» [II, 66]; «**Французы – неприятель достойный нас**, благородный и мужественный; но **злой рок, в виде Наполеона**, ведет их в Россию; в ней положат они головы свои, в ней разсыплются кости их и истлеют тела...» [II, 67].

Подобное отношение к врагу, так же выполняющему собственный долг, отразилось и в следующем отрывке:

«<...> бегство Французов оставило ужасные следы: тела их гниют в глубине лесов и заражают воздух. **Нешастные!** никогда еще ни чья самонадеянность и кичливость не были так жестоко наказаны как их! Ужасы рассказывают об их плачевной ретираде» [II, 108].

С «Записками Н.А. Дуровой», а в большей степени с «Путешествием в Арзрум», как с впечатлениями о военных действиях русско-турецкой войны, соотносится «Прогулка за Балканом» Н. Титова, опубликованная в четвертом томе. Здесь интересна открытая декларация недостоверности, надуманности, почти сказочности описываемых событий в подзаголовке: «Отрывок из **невероподобного** рассказа Чичеронедель К...О». Но соотношение с указанными публикациями, реальность

¹⁵⁷ Лотман Ю.М. Пушкин. С. 101.

самой войны дает обратный эффект, война кажется более правдоподобной, чем даже в записках Дуровой.

Не выбиваются из общего контекста журнала и другие единичные публикации. Так, «Мифология вотяков и черемис» А. Емичева продолжает линию «Путешествия в Арзрум», публикаций Казы Гирея и становится закономерным этапом к статье «Джон Теннер». Эта серия материалов ставит проблему межнациональных отношений, проблему малых народов, гуманизма и способов просвещения. Уже эпиграф к статье Емичева «Свет Христов просвещает всех» сигнализирует о связи этой публикации с важнейшей установкой всего журнала, а упоминание о силе слова:

«<...> кротость Евангельского слова отзывалась в грубых сердцах, и теперь из них уже весьма мало язычников, да и все в свою очередь непрерывно обращаются в православие под именем новокрестьян» [II, 181]

— соотносится с высказыванием Пушкина в «Путешествии в Арзрум»:

«Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия» [I, 27].

Пафос концовки статьи Емичева актуализирует не менее важную для идеологии «Современника» роль власти в деле просвещения:

«<...> кроткия меры Правительства, благодатная терпимость и заботливость нашего духовенства призвали их в объятия православия и сочетали с крестом Спасителя» [II, 187–188].

Следом за «Мифологией вотяков и черемис» идет «Урожай» Кольцова. Здесь уже в поэтической форме воплотилась народная мифология, восприятие природы как живого существа. Взаимопроникновение христианских мотивов («Люди сельские / Божьей милости / Ждали с трепетом / И молитвою» [II, 191]) и языческих олицетворений («И с горы небес / Глядит солнышко: / Напилась земля / Воды досыта» [II, 190]) в свете статьи Емичева способствовало диалектичному восприятию проблемы просвещения малых народов, которое часто связано с уничтожением основ их национальной культуры.

«Статистическое описание Нахичеванской провинции» и «Драматическая сказка об Иване Царевиче, Жар-птице и о сером волке» также вписываются в заданный контекст, подхватывая настроение предыдущих публикаций, и, что любопытно, тоже имеют парное расположение: прозаический разбор В. Золотницкого сменяет стихотворный драматический отрывок, имеющий, как и стихотворение Кольцова, фольклорную природу.

Единичные публикации менее характерны для структуры «Современника», чем авторские массивы; наличие единичных текстов, авторами которых в большинстве случаев являются малоизвестные литераторы, расширяет авторский круг «Современника», делая его более разнообразным, демократичным, живым; они реже, чем публикации, входящие в авторские тексты, становятся проблемно-эстетическими центрами журнала; несмотря на это, каждая публикация находит свое место в журнале и становится точкой пересечения магистральных проблем. Однако было бы неверным утверждать изначальную заданность каждой из них. Феномен «Современника» – в созвучности проблематике времени. Концептуально-тематическое пересечение материалов было во многом предопределено журнальным контекстом и контекстом эпохи.

Глава 2

«СОВРЕМЕННОСТЬ» КАК ПРОБЛЕМНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

2.1. Ментальный текст «Современника»

2.1.1. Проблема «Восток и Запад» в пространстве пушкинского журнала

Уровень авторских текстов является наиболее ярким, репрезентативным признаком упорядоченности метатекста. В рамках «Современника» соположение и взаимопроникновение авторских текстов становится фундаментом для формирования текстов других уровней, требующих специальной реконструкции. Для восприятия и понимания издательской стратегии «Современника» принципиально осознание его поликультурности, ситуации взаимопроникновения различных ментальных кодов, которые позволяют маркировать важные для издателя и сотрудников «Современника» проблемные узлы. Таким образом, рассматривая связи «Современника» с большим контекстом европейской культуры, необходимо говорить о своеобразном ментальном тексте пушкинского журнала.

Ментальный текст может находить свое отражение в тематике публикации, в цитатах, или, как в случае с французским и английским текстами, во вкраплениях иноязычных высказываний, либо может воплощаться в некоем ментальном осколке, воплощенном только в номинации (имени, топониме), становящийся культурным знаком или содержащей концептуальную оценку. Целостная же картина конкретного ментального текста формируется только при соотнесении, интеграции этих отсылок и фрагментов.

Еще Б.В. Казанским была отмечена важнейшая особенность «Современника» по сравнению с другими периодическими изданиями того времени: «"Специфика" "Современника" – несомненно, в установке на

оригинальный материал. "Телеграф" и "Телескоп" держались почти целиком на переводах; <...> "Библиотека для чтения" и "Северная Пчела" также широко пользовались иностранной прессой. Напротив – в "Современнике" почти нет переводов за исключением "Французской Академии" (перевод вступительной речи Скриба) и "Джона Теннера" (близкий к подлиннику пересказ главных эпизодов). Это делает "Современник" одним из родоначальников позднейших русских журналов¹⁵⁸. При этом феномен пушкинского журнала как «формы времени» заключается в том, что отказ от переводных материалов сочетался с сознательной установкой его издателя на создание обширного ментального пласта, организующим стержнем которого стала проблема «диалога культур».

В преимущественно русском культурном пространстве «Современника» маркерами инокультурных явлений становятся паратекстуальные элементы: названия, способы авторизации, эпиграфы, подзаголовки, в некоторых случаях имена самих авторов: «Долина **Ажитугай**» **Султана Казы Гирея**, подзаголовков к «Скупому рыцарю» («Сцены из **Ченстоновой** трагикомедии **The covetous Knight**»); названия публикаций: «Вольтер», «Наполеон и Юлий Цезарь», «Джон Теннер», «Стихотворения, присланные из **Германии**», «Разбор **Парижского** математического ежегодника на 1836 год», «**Париж** (Хроника русского)», «**Французская Академия**», «Новая поэма **Э. Кине**», «Подражания **испанским сегидильям**», «Занятие **Дрездена** 1813 года 10 марта», «Прогулка за **Балканом** (отрывок из невероятного рассказа **Чичероне дель К...О**)» и т.п.; топонимы в конце публикаций: «**Villa d'Este** (близ **Тиволи**)», «Мюнхен», «Рим». Именно за счет элементов этого уровня уже при первичном восприятии формируется поликультурное пространство журнала. Примером выбора особых способов введения европейского контекста может служить мистификация переводной природы отдельных публикаций. Так случилось со «Скупым рыцарем», автором которого обозначен Шенстон, и с «Отрывком из неизданных записок дамы», публикуемым за подписью «С французского». Кроме того, уже в названиях некоторых публикаций был определен критический подход к инокультурным явлениям: «Разбор Парижского математического ежегодника на 1836 год», «Париж (Хроника русского)», «Подражания испанским сегидильям». Таким образом, осознание «своего» проходило путем анализа, разбора «чужого».

Логика реконструкции и описания ментального текста «Современника» выстраивается в соответствии с теми приоритетами, которые ус-

¹⁵⁸ Казанский Б.В. Западные образцы «Современника». С. 376–377.

становились в описываемый период и которые сформировались в комплексе культурософских представлений издателя журнала. Важно, что проблемы национального развития России рассматривались в то время неотрывно от общеевропейского развития. Заграничные походы русской армии, наполеоновские войны прочно связали судьбу русского государства с судьбами Европы. В общественном сознании 1812 год ассоциировался с началом вступления России в мировую историю. В 1830-е гг. достаточно актуальна проблема определения специфики исторической судьбы России. Своеобразие русской культуры традиционно постигалось в противопоставлении России как Западу, так и Востоку. Россия, с одной стороны, противостояла им обоим, а с другой – выступала как Запад для Востока и Восток для Запада.¹⁵⁹ В «Современнике» соотношение «Запад – Россия – Восток» также находит свое отражение. Так, например, в статье «Государственная внешняя торговля 1835 года. В разных ее видах» Г.П. Небольсин пишет:

«Таким образом Россия, в **отношении Запада** есть государство земледельческой и скотоводственной промышленности, а в **отношении Востока** – она является государством мануфактурным; но Азиатская торговля ее составляет только одиннадцатую часть суммы всего отпуска, и для дальнейшего своего развития требует еще больших успехов в мануфактурной промышленности, которая имеет Азиатские рынки под рукою и не встречает преград к сбыту там своих изделий ни в тарифах, ни в опасном соперничестве западных Европейцев» [III, 269–270].

«Отношение к западному миру было одним из основных вопросов русской культуры на всем протяжении послепетровской эпохи. Можно сказать, что чужая цивилизация выступает для русской культуры как своеобразное зеркало и точка отсчета, и основной смысл интереса к "чужому" в России традиционно является методом самопознания».¹⁶⁰ Убеждение издателя «Современника» в необходимости осмысления завоеваний западной культуры для развития потенциала культуры российской способствует формированию на страницах журнала европейского текста. Символично в этой связи появление в начале журнала образа Петра I. Для Пушкина именно в этом правителе соединилось понимание необходимости идти по пути европейской культуры с осознанием оригинальности национального, великого предназначения России: «Он [Пушкин – Т.Ф.] подчеркивает, прежде всего, национально-русский

¹⁵⁹ Лотман Ю.М. «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 606, 610.

¹⁶⁰ Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9. С. 160.

патриотизм Петра: когда "самодержавною рукой он смело сеял просвещение", он "не презирал страны родной: он знал ее предназначенье"»¹⁶¹.

Слова «Европа», «европейский» обозначали другой тип ментальности, культуры, традиционно связываемый с понятием «просвещение». Вслед за Петром I, а также Екатериной II, утверждавшей, что «Россия есть страна европейская»¹⁶², Пушкин мыслил Россию европейским государством, а понятие «европеец» в его представлении являлось синонимом личности с передовым мировоззрением. При этом позиция Пушкина была основана на представлении о самобытности русского исторического процесса, и это представление в полемической обстановке 1830-х гг. требовалось защищать.¹⁶³ Так, Пушкин пишет Н.А. Полевому:

«Вы поняли великое достоинство французского историка. Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенных Гизотом из истории христианского запада»¹⁶⁴.

Размышления издателя и сотрудников журнала о специфике российского европеизма лежат в основе европейского текста «Современника» и во многом предваряют полемику между западническим и славянофильским движениями, в полную силу развернувшуюся в 40-е гг. XIX в.

Европа в «Современнике» рассматривается в роли учителя, а Россия – благодарного ученика:

«Умствования великих Европейских мыслителей не были тщетны и для нас» [III, 103].

Опыт Европы впитывается через литературные источники, он обогащает отечественную культуру, соответственно, журнал, в котором регулярно печатаются эти источники, заслуживает похвалы:

«Московский вестник, один из лучших журналов, не смотря на то, что в нем немного было современного движения, издавался с тем, чтобы познакомить публику с замечательнейшими созданиями Европы, раздвинуть круг нашей Литтературы, доставить нам свежия идеи о писателях всех времен и народов» [I, 216–217].

¹⁶¹ Франк С.Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Франк С.Л. Этюды о Пушкине. М., 1999. С. 133.

¹⁶² Лотман Ю.М. «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова. С. 605.

¹⁶³ Гиллельсон М.И. Проблема «Россия и Запад» в отзывах писателей пушкинского круга // Русская литература. 1974. № 2. С. 128.

¹⁶⁴ Цит. по ст.: Гиллельсон М.И. Проблема «Россия и Запад» в отзывах писателей пушкинского круга. С. 129.

Одновременно с пропагандой европейского просвещения авторы «Современника» декларируют отказ от подражательства, необходимость собственного пути развития российской культуры:

«Безсмертный *Петр* должен был отменить этот порядок, для скорейшего развития физических сил государства, предоставив своим преемникам в надлежащее время **отозвать назад из Европы умственную жизнь России** и сосредоточить ее в бесконечной полноте народного духа. Ежели неоспоримо правда, что Русское просвещение, для истинного блага и лучшего прославления России, должно и будет развиваться **не из элементов Европейских, но из величественных стихий нашей народной жизни**, то и любимая публикою рифма, несогласная с основным тоном Русского чувства, должна решительно проиграть битву на полях нашей словесности – и скорее у нас, нежели у какого либо народа» [I, 152]; «<...> Русские должны иметь свою собственную литературу, по своему писать и по своему думать» [II, 206].

Актуальным становится обозначение национального потенциала, определение национального в культуре, прежде всего, для себя самих:

«На какой степени образования стоит Русская публика и что такое Русская публика? В чем состоит оригинальность и свойство наших писателей?» [I, 218].

Концептуальным для журнала является сочетание образов престарелой Европы и ленивой Руси, вступающих в отношения своеобразного соперничества, в процессе которого доминирующие позиции часто занимает последняя:

«Писатели наши отлились совершенно **в особенную форму** и, не смотря на общую черту нашей Литтературы, черту подражания, они заключают в себе чисто Русские элементы: **и подражание наше носит совершенно северообразный характер**, представляет явление, замечательное даже для **Европейской Литтературы**» [I, 224]; «Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея Словаря: мы имели церковныя, духовныя книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно классического (Ломоносова), и представили систему языка, которая **может равняться** с знаменитыми творениями Академии Флорентийской и Парижской» [II, 7].

Национальная гордость, мысль о величии России, вера в ее нераскрывшийся потенциал наиболее ярко звучат в публикациях Н. Дуровой и Д. Давыдова:

«Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой – и горе ея неприятелям, если она когда нибудь подыметься!» [III, 151].

Здесь явная перекличка со словами пушкинской героини в «Отрывке из неизданных записок дамы»:

«Ты слышала, что сказала она этому старому, несносному шуту, который из угождения к иностранке вздумал было смеяться над Русскими бородами: "Народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову"» [III, 202].

Факт победы российского оружия над Наполеоном добавлял особую остроту в культурный спор между Европой и Россией, в котором ленивая Русь еще уступала престарелой Европе:

«Вечные жалобы наших писателей на пренебрежение, в коем оставляем мы Русския книги, похожи на жалобы Русских торговков, негодующих на то, что мы шляпки наши покупаем у Сихлера и не довольствуемся произведениями Костромских модисток» [III, 200].

Народ, который смог одержать такую победу, должен стремиться к развитию, а не бездействовать.

В «Современнике» нашла отражение идея Пушкина о «великой семье народов» [ПСС, III, 331]. В этом смысле проблема межкультурной коммуникации, поставленная на страницах журнала, попытка вплести в ткань оригинальных текстов образы, проблематику, опыт других культур очень показательна. И даже проблема подражаний, акцентированная авторами журнала, может восприниматься как тип творческих контактов разнорациональных литератур, а соответственно и культур:

«Талант, неволен, и его **подражание не есть постыдное похищение** – признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, **надежда открыть новые миры**, стремясь по следам гения, – или чувство, в смирении своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь» [III, 170].

Комплексное представление о западной, европейской культуре, литературе складывалось на основе представлений о специфике индивидуальных культурных традиций. Французская, английская, немецкая культуры как фундамент общеевропейского культурного дома нашли отражение во французском, английском, немецком текстах «Современника».

Центральное место французского текста в «Современнике» определено тем, что французская литература была той культурной средой, в которой выросло пушкинское поколение, Франция была транслятором других культур и национальных ценностей, при этом она заражала интересом к этим ценностям.¹⁶⁵ Так, восприятие английской культуры для русских читателей, и для Пушкина в том числе, в определенный период проходило сквозь призму культуры французской. Интерес к Англии в

¹⁶⁵ Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. С. 62.

30-е гг. XIX в. был определен ее литературной, интеллектуальной, политической жизнью, успехами в финансовой и промышленной деятельности, что отразилось и на английском тексте «Современника».¹⁶⁶

Особое положение, несмотря на меньший объем, по сравнению с английским и французским текстами, в пушкинском журнале занимает немецкий текст. Первая треть XIX в. – это «золотой век» немецкой культуры. При всем сложном отношении к ней Пушкина культура Германии воспринималась им как яркое общеевропейское явление. Немецкая литература дала обильный материал для формирования взглядов Пушкина на сущность и задачи романтизма, а немецкая классическая философия, в центре внимания которой было человеческое «я», во многом соотносилась с миропониманием поэта.¹⁶⁷ Не случайно издатель в своей статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной» говорит об усилившемся влиянии немецкой науки и философии на русскую литературу:

«Мы <...> должны признаться, что науки сделали шаг вперед. <...> Германская Философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и, хотя говорили они языком мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было **благотворно и час от часу становилось более ощутительно**» [III, 103].

Таким образом, в «Современнике» намечена ориентация русской культуры на новые духовные ценности, связанная с процессом вхождения в нее немецкой философии, литературы, науки.¹⁶⁸

В «Современнике» немецкий текст в основном локализован в «Стихотворениях, присланных из Германии». Шестнадцать стихотворений Ф. Тютчева в третьем томе и восемь в четвертом вносят в текст журнала иное осознание бытия, общую эмоциональную атмосферу, становятся воплощением, эмоцией новой философии, своеобразным поэтическим «посланием души» из философской «туманной Германии». О Германии главное слово сказано поэтом, русским, тесно связанным с немецкой культурой. Для общей концепции журнала принципиально, что дух немецкой философии передан русским человеком: стихотворе-

¹⁶⁶ Подробнее см. в разд. 2.1.2. и 2.1.3.

¹⁶⁷ Пушкин: Исследования и материалы. Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. Т. XVIII–XIX. С. 217, 221.

¹⁶⁸ Лебедева О., Янушкевич А. Германия в зеркале русской словесной культуры XIX – начала XX века. С. 77. В связи с разработанностью этой проблемы в указанной книге (См. главу «Немецкая тема на страницах «Современника»». С. 75–77) и небольшим объемом самого немецкого текста в диссертации специально он не анализируется.

ния Тютчева становятся воплощением идеи синтеза, взаимопроникновения культур.

Наряду с особым вниманием к культурной жизни Европейских государств в отношении к «престарелой», «обветшавшей» Европе, наблюдается настроение разочарования и скептицизма: «<...> скептическое отношение Пушкина и его круга к современной цивилизации происходило <...> от неприятия буржуазных порядков Западной Европы и тех социальных перемен, которые указывали на то, что дух предпринимательства все явственнее проникал в Россию».¹⁶⁹ В этой связи особую остроту в проблему «Россия и Запад» добавляет вхождение в сознание современников представлений об американской ментальности; политические, социальные изменения, молодость нации подогревали интерес и рождали ассоциации: «Антитеза старой Европы и молодой Америки соотносилась с размышлениями о молодой России»¹⁷⁰.

Статья Пушкина «Джон Теннер», вобрав комплекс проблем, волновавших русских и европейских мыслителей, привнесла на страницы «Современника» американский текст, углубив тем самым проблему «Россия – Запад» в пушкинском журнале. Интерес Пушкина к Америке был интересом человека, настороженного движением общества по пути развития социальной демократии не только на Западе, но и в России:

«С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу человеческую, подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство Негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному ostracism; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой <...>» [III, 205–206].

Полемическая острота данного высказывания не раз привлекала внимание исследователей.¹⁷¹ Раздумья над проблемами американской демо-

¹⁶⁹ Гиллельсон М.И. Проблема «Россия и Запад» в отзывах писателей пушкинского круга. С. 130.

¹⁷⁰ Янушкевич А.С. Колумб, Франклин и американская демократия в пространстве русской культуры // Американские исследования в Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. «Американский и сибирский фронт», 6–8 февраля 2001 г. Томск. 2001. Вып. 5. С. 181.

¹⁷¹ См.: Шоу Т. Дж. Пушкин об Америке: статья «Джон Теннер». С. 285–303; Старцев А. Пушкин о США в «Джоне Теннере» // Русско-американские этюды. М., 1995.

кратии были прежде всего связаны с уроками насилия и рабства. Для Пушкина проблема «рабства, работорговли, расизма <...> соотносилась с издержками демократии и рождала тяжелые мысли о последствиях крепостного права в новую эпоху»¹⁷². Меркантилизм, атмосфера стяжательства в Америке, воспринимаемые европейскими исследователями¹⁷³ (с работами которых был знаком Пушкин) как стойкий признак американского образа жизни, волнуют издателя «Современника» в проекции на развитие торговых отношений в России. По-особому в контексте пушкинского журнала звучит проблема «родословных гонений» и словесного равенства.

Таким образом, американская история о похищенном индейцами мальчике вписывается в цепь размышлений о судьбах России и ее культуры. Глобальность поставленных в статье «Джон Теннер» проблем наглядна при ее сопоставлении с замыслами Пушкина 1830-х гг., например, с «<Планом статьи о цивилизации>» (1833–1834):

«<1.> О цивилизации. – О делении на классы. – О рабстве. <2.> О военном и гражданском состояниях. О шпионстве. – О рабстве и свободе (как противовес). – О цензуре. – О театре. – О писателях. – Об изгнании. О попятном движении» [ПСС, XII, 209, 485].

Решение проблемы позиционирования России в современном политическом, историческом, культурном пространстве не мыслилось без обращения к менталитету Востока. Интерес к миру Востока, стремление постичь иную интересную жизнь становятся ярким признаком культурного процесса начала XIX в. Хроники поездок в Турцию переполняли русские издания 1820–1830-х гг., русский «юг» стал предметом внимания исследователей и художников слова: в это время появляются «Проект Азиатской Академии» С.С. Уварова, «Южные поэмы» Пушкина, кавказские зарисовки А. Бестужева, О. Сенковский публикует в «Библиотеке для чтения» переводы и обзоры путешествий европейцев на Дальний и Ближний Восток («Иерусалим в 1832 году», «Англия и Китай», «Египет в 1833 году»), огромное влияние на специфику восприятия Востока оказывают творчество Байрона и внушительный пласт ли-

С. 79–98; Янушкевич А.С. Колумб, Франклин и американская демократия в пространстве русской культуры. С. 179–193.

¹⁷² Янушкевич А.С. Колумб, Франклин и американская демократия в пространстве русской культуры. С. 189.

¹⁷³ А. Токвилль «О демократии в Америке» (1835), Г. Бомон «Мария, или Рабство в Соединенных Штатах. Картина американских нравов» (1836), Т. Гамильтон «Люди и нравы в Америке» (1834).

тературы путешествий.¹⁷⁴ Проблема «Запад – Восток», в контексте «Современника» чаще звучащая как «Россия – Восток», одновременно вбирает в себя исторический, политический, культурный и литературный аспекты, что находит отражение и в ориентальном тексте пушкинского журнала.

Ориентальный текст «Современника» достаточно объемён (см. Приложение 3), при этом, так же как и в случае с европейским текстом, в его основе публикации непереводного характера, они навеяны Востоком. В отличие от западного, европейского текста, который может быть представлен либо доминирующей публикацией (как немецкий или американский тексты), либо в комплексе текстов, отсылок, аллюзий, рассыпанных в пространстве журнала (как французский, английский тексты), ориентальный текст, как видно из таблицы, локализован в пространстве каждого номера, публикации следуют одна за другой (см. колонку «страницы»), образуя «островки» восточного дискурса.

Самоценность отдельных восточных культур важна для издателя журнала, не случайно «Путешествие в Арзрум» наполнено характеристиками отдельных кавказских народностей:

«Дружба *мирных* Черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единомышленникам» [I, 26]; «Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе» [I, 28]; «Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен» [I, 35]; «Грузины народ воинственный. <...> Они вообще нрава веселого и общежительного» [I, 41].

Тем не менее, необходимо отметить, что в ориентальном тексте «Современника» мир Востока представлен комплексно. Полемизируя со сложившейся текстуальной традицией ориентальных произведений и исследований, клишированных, насыщенных мистицизмом, экзотикой, издатель предлагает читателю комплекс публикаций, авторы которых используют иные способы презентации восточной культуры.

Стремясь отойти от каких-либо стереотипов в познании и передаче восточной проблематики, Пушкин использует достижения разных жанровородовых форм: поэзия («Урал и Кавказ», «Подражание Саади»), проза («Персидский анекдот», «Прогулка за Балканом»), мемуарные в своей основе произведения («Путешествие в Арзрум», «Долина Ажитугай»), литературоведческие работы («О рифме», «Фракийские элегии»), научные статьи по этнографии и истории («Мифология вотяков и черемис», «Статистическое описание Нахичеванской провинции»). Очевид-

¹⁷⁴ Гринфилд М. «Путешествие в Арзрум»: поэт у границы // Современное американское пушкиноведение. Сб. ст. СПб., 1999. С. 281, 283.

но, что в соответствии с общим подходом к формированию текстового пространства журнала в основе ориентального текста лежит научность, документальность. Так, основные положения А. Емичева в статье, посвященной жизни малых народностей, подтверждаются данными современной науки. Весьма показателен и скрупулезный разбор А. Золотницкого погрешностей статистического описания, которые

«хотя и извинительны, но тем не менее не позволяющие принимать сию книгу за произведение классическое» [II, 224].

Восток в «Современнике» говорит голосом его сынов, реальных (Султан Казы Гирей) и вымышленных (персонаж «Прогулки за Балканом» двадцатидвухлетний турок Осман-Бей, «автор» сатирической поэмы «Стамбул Гяуры нынче славят...» янычар Амином-Оглу из «Путешествия в Арзрум»). Кроме того, важнейшую роль в формировании ориентального текста играют рассказы, свидетельства очевидцев, участников событий («Путешествие в Арзрум», «Прогулка за Балканом»), важно, что авторы публикуемых работ имеют представление об описываемом предмете не понаслышке: в основе «Путешествия в Арзрум» дневник реального путешествия Пушкина на Кавказ в 1829 г., Н.П. Титов был участником описываемых в «Прогулке за Балканом» событий, А.Н. Муравьев участвовал в Турецком походе и много путешествовал по Сирии и Египту. За счет этого в центре ориентального текста «живые люди Востока, своеобразие их характеров, черты быта и нравов, мир природы»¹⁷⁵, а пародийный характер повествования «Прогулки за Балканом», передавая распространенную манеру ориентальных произведений («<...> чичероне разрешает вопрос самым простым образом: ука- зывает слушателю одну из статей Бейрона <...>. Слушатель теперь знает, каково было лежать раненому, ушибенному Осману между мертвыми телами и лежать еще около полусуток» [IV, 279]), подчеркивал документальность, реалистичность восточных публикаций «Современника».

Восток, как исторический («Предисловие к "Битве при Тивериаде"», «Персидский анекдот», «О рифме», «Подражание Саади»), так и современный («Долина Ажитугай», «Путешествие в Арзрум», «Прогулка за Балканом»), осознается и познается с позиции соотношения с западной культурой. В этом смысле символичен метафорический спор между Уралом и Кавказом в стихотворении Л. Якубовича:

Заспорили горы Урал и Кавказ?
И молвил Урал: «<...>

¹⁷⁵ Тартаковская Л.А. Пушкин и Восток. Ориентальная проблематика в «Современнике». С. 120.

Богат я и золотом, богат серебром, <...>
 Богатую подать я людям плачу:
 Я жизнь их лелею, серебрю, золочу!
 Кавказу ль досталось равняться со мной:
 Он нищий, и кроет он нищих разбой!»
 – Молчи ты, презренный! – воскликнул Кавказ. <...>
 Богатства рожают болезни, пороки,
 Людей исцеляют Кавказские токи;<...>
 Я в древности первый дал Ною приют:
 За то меня знают, и любят, и чтут! [IV, 292–293].

Проблема противостояния Запада и Востока, попытки найти возможные пути разрешения конфликтов актуальны в контексте военно-политических событий того времени. Для общей гуманистической концепции «Современника» принципиально было то, что «национальное, не замыкаясь в "привычках и преданиях наследственных", возвысилось до общечеловеческого и способно было встать "с веком наравне"»¹⁷⁶. Отсюда такое внимание к представителям восточной культуры, впитавшим достижения культуры европейской. Таков персидский поэт Фазиль-Хан, заставивший путешественника своей европейской учтивостью и образованностью «съехать на обыкновенные европейские фразы» и преподавший ему урок:

«Вот урок нашей Русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей *папахе* и по крашеным ногтям» [I, 33].

Западно-восточным синтезом отмечена «Долина Ажитугай», образ автора которой – потомка ханов, русского офицера – воплощает идею сближения народов России и Востока. Судьба Осман-Бея, получившего воспитание во Франции, – это своеобразный вариант судьбы Казы Гирея, его личность сформирована на пересечении европейских и восточных традиций:

«<...> оба офицера были тронуты отчаянием человека, в коем думали видеть **Европейца в Турецком костюме**» [IV, 282]; «Каталкин <...> трогательно простился с **мусульманином-Европейцем**» [IV, 284].

Образы европеизированных восточных героев стали воплощенной иллюстрацией идеи единения народов, способом достижения которого становится не насилие, а гуманность и просвещение:

«Кавказ ожидает Христианских миссионеров. Но тщетно в замену слова живаго выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим

¹⁷⁶ Белкин Д.И. Мир Востока на страницах пушкинского «Современника». С. 204–205.

грамоты» [I, 27]; «Тронутый Каталкин оборотился и невольно захохотал <...>. Но **чувство человеколюбия** прекратило неуместный смех» [IV, 283].

Ноев ковчег, выступавший в споре Урала и Кавказа как аргумент величия последнего, становится символом надежды на примирение:

«Что за гора? спросил я потягиваясь, и услышал в ответ: это Арарат. Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни – и врана, и голубицу излетающих, символы казни и примирения...» [I, 51].

Заряд человеколюбия, милосердия, стремления к просвещению и единению, заданный пушкинским «Путешествием в Арзрум», подхвачен остальными публикациями, формирующими ориентальный текст «Современника»: «В высоконравственном и художественно новом подходе Пушкина к изображению открывшегося перед ним ориентального мира проявилось поступательное движение литературы и общественной мысли России середины 30-х годов XIX в.»¹⁷⁷.

Ментальный текст «Современника», организованный пересечением восточно-европейской проблематики, вписывал пушкинский журнал в контекст межкультурной проблематики эпохи. Размышления над политическими, историческими, культурными событиями века объединились в общую концептуальную теорию, с одной стороны, общечеловеческого бытия, с другой – ментальной специфики, ценности достижений конкретной культуры. В этом смысле «Современник» необходимо рассматривать как воплощение ментального текста эпохи и реализацию пушкинской идеи «всечеловеческой отзывчивости».

2.1.2. Французский текст в пространстве пушкинского «Современника»

Особое место в поликультурном пространстве пушкинского журнала занимает французский текст. Как отмечает Б.В. Томашевский, для издателя «Современника» характерно критическое отношение к французской культуре: «В основе запросов, на которые Пушкину отвечали уроки французской культурной жизни, лежали интересы национального развития русской мысли»¹⁷⁸. Неоднозначность восприятия всего французского отразилась во французском тексте «Современника». Франция здесь не только конденсат новейших политических, культурных веяний, но и образ недавнего прошлого, которое еще не успело стать историей.

¹⁷⁷ Белкин Д.И. Мир Востока на страницах пушкинского «Современника». С. 206.

¹⁷⁸ Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. С. 64.

Личность Наполеона, события Отечественной войны 1812 г. активно осмысляются авторами пушкинского журнала, т. к. они тесно связаны с проблемой патриотизма и народности.

Повесть Гоголя «Коляска» отражает многоаспектность восприятия французского в русской культурной среде. Публикация, напрямую не связанная с французской тематикой, актуализирует характерные точки пересечения французского и русского – культурные и исторические. Ср.:

«Капитал был тотчас употреблен на шестерку действительно отличных лошадей, вызолоченные замки к дверям, ручную обезьяну для дома и **Француза дворецкого**» [I, 174]; «<...> улицы городка Б. наполняются теми **дородными животными**, которых тамошний городничий называет **Французами**» [I, 171].

Французское как коренной элемент быта и профанного сознания соседствует в сознании с исторически обусловленным фактом его отторжения.

В «Современнике» французский текст представлен во временной (прошлое и настоящее) и предметной (политика, быт, культура, литература) парадигмах. Французский текст прошлого концентрируется вокруг знаковой личности, что становится отражением исторической концепции пушкинского журнала: воплощение истории в конкретном субъекте, только временная парадигма осложняется пространственной, ментальной.

В этой связи вполне оправдано центральное положение фигуры Наполеона. «Наполеоновский миф», «наполеоновская легенда», формирующаяся в процессе нескольких десятилетий на базе европейской и русской культур, находит свое отражение в пушкинском журнале, при этом получая особый оттенок в контексте его проблематики и размышлений его издателя о проблеме наполеонизма. Появление «Мемориала со Св. Елены» Ласказа, нескольких жизнеописаний Наполеона, наработки французской романтической историографии, придававшие особое значение наряду с историческим фактом мифу, легенде, смена доминант восприятия деятельности Наполеона в общественном сознании – все это оказало особое влияние на формирование концепции наполеонизма в пушкинском журнале.

Жизнь и деятельность Наполеона стала не только фактом историческим, но и фактом культурным, ментально обусловленным. Пушкин создает в «Современнике» наполеоновский текст, стержнем которого становится Наполеон-человек и Наполеон-факт культуры. Так,

П.А. Вяземский в статье «Наполеон и Юлий Цезарь» соединяет эти две ипостаси в одно целое:

«Нигде и ни в ком не выразилось так сильно **могущество и немощь человека**, как в Наполеоне, некогда **Парижском** или **Европейском**, и в Наполеоне **за-океанском!**...» [II, 249].

В другой своей статье «Новая поэма Э. Кине» Вяземский, подчеркивая необходимость простоты и верности в подходе к формированию образа Наполеона в словесном творчестве, сравнимого со скульптурной пластикой, обозначает характернейший для того времени наполеоновский концепт:

«Это не богатая картина великого художника, не Вандомский памятник: нет, это **живая литография для всенародного употребления, чугунная настольная статулька, в маленькой шляпе, в сюртуке, с руками, сложенными крестом на груди! Ее неминуемо встречаешь в каждом кабинете любопытного и мыслящего современника, или на камине щеголя, как вывеску умения его убрать свою комнату по требованиям нынешнего вкуса. Сия песня из всех песен Беранже менее других известна, вероятно именно потому, что в ней более истинной поэзии**» [II, 284].

Здесь очевидна переключка с описанием кабинета Онегина:

Все душу томную живит
Полумучительной отрадой:
<...> И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом [ПСС, VI, 147].

Очень интересно это соотношение поэтической энциклопедии русской жизни и журнала-дневника современности. И если в поэтическом тексте наполеоновский концепт определяет тип личности пушкинского персонажа-героя времени – разочарованного индивидуалиста, а Наполеон воспринимается как символ подобного мироощущения¹⁷⁹, то в статье Вяземского ставится вопрос о типе исторической личности, герое времени, важном для понимания человеческой природы вообще, а описание статуэтки становится метафорической декларацией творческого принципа, принципа исторического описания, презентации исторической личности. Одновременно с этим статуэтка Наполеона отражает факт ассимиляции осколка европейской культуры – особого наполеоновского поведенческого текста – в русском сознании, не случайно в той же статье Вяземского появляется фраза, актуализирующая все тот же наполеоновский концепт:

¹⁷⁹ Муравьева О.С. Пушкин и Наполеон (пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. XIV. С. 17.

«Герои нашего времени носят треугольные шляпы и галстуки» [II, 267].

Формирование наполеоновского текста в «Современнике» – это процесс создания индивидуального поведенческого текста Наполеона в галерее героев времени, созданной на страницах пушкинского журнала. Причем необходимо отметить, что именно по отношению к Наполеону этот процесс становится наиболее последовательным. В основе наполеоновского текста – историософский подход к осмыслению личности такого масштаба, определение ее своеобразия и исторической уникальности. По мысли Л.И. Вольперт, в «Современнике» наполеоновская тема разрабатывалась преимущественно в романтическом ключе: «<...> материал подсвечивался 25-летним юбилеем войны 1812 г., чувство гордости и одновременно великодушия к поверженному врагу, а также новая оценка Бонапарта определяли общий дух наполеоновской темы в журнале»¹⁸⁰. Яркая фигура героя-тирана – воплощение возможности самосуществления личности, – осмыслявшаяся Пушкиным на протяжении всего творчества, была связана для поэта и издателя с общими теоретическими проблемами политики, истории, морали: «Бонапартизм как тип мироощущения и поведения, видимо, представлялся Пушкину существеннейшей проблемой в понимании современного человека и, может быть, человеческой природы вообще»¹⁸¹.

Предлагаемая в Приложении 4 таблица позволяет обозначить комплекс публикаций «Современника» и их фрагментов, участвующих в формировании наполеоновского текста в журнале. Интересно, что попытка Пушкина локализовать материалы во втором томе привела к тому, что наполеоновский текст нашел свое место во всех четырех томах.

Наполеон осознается авторами «Современника» как личность. Интересны его жизнь, его взгляды, поведение в различных ситуациях. Важно, что он предстает перед читателем в своих текстах, записках, становясь летописцем собственной жизни:

«В этом отношении Наполеон-писатель необходимый комментатор Наполеона-полководца, политика и правителя. В этих отрывках **он во многом себя разгадывает** или тем, что говорит, или тем, что умалчивает, или тем, что прибавляет к истине, или тем, что утаивает от нея» [II, 247–248].

Что бы ни было предметом цитируемых Вяземским фрагментов наполеоновских записок: завещание сыну, размышления о Юлии Цезаре, о

¹⁸⁰ Вольперт Л.И. Наполеоновский «миф» у Пушкина и Стендаля // Пушкинские чтения. Сб. ст. Таллинн, 1990. С. 103.

¹⁸¹ Муравьева О.С. Пушкин и Наполеон (пушкинский вариант «наполеоновской легенды»). С. 15, 32.

самоубийстве – все позволяло представить характер, явивший собой яркий пример самостоятельной личности:

«Наполеон должен был иметь такую веру в судьбу свою, столь чудесную и беспримерную, что **он не мог отчаяваться до последней минуты**: должен был ждать и не сходить с лица земли, пока земля носила его. **Иначе Наполеон не был бы Наполеоном**» [II, 252–253].

Не случайно автор рассказывает о богатстве императорского двора, от которого Наполеон не отказывался даже в изгнании,

«чтобы *собственным сознанием*, которое паче всех улик, не дать окончательной формальности произнесенному над ним приговору и не подпасть, в случае непредвиденных обстоятельств, устранению, основанному на отрицательном праве данности» [II, 253].

В этой связи показательно наполеоновское восприятие самоубийства как слабости, не достойной великого человека:

«Смерть его [Катона – Т.Ф.] была слабостью великой души, заблуждением Стоика, пятном в жизни его» [II, 255].

Принципиально, что образ Наполеона, как и других героев времени, настоящих и вымышленных, формируется посредством документальных свидетельств. Причем здесь, конечно, важна позиция разных точек зрения и разных ситуаций. Фрагменты записок Наполеона – это воплощенные в слове действие, событие, история:

«<...> красноречие его – отголосок событий, и слово его – еще действие» [II, 248].

Свидетельства очевидцев, опять же документальные: журналы (дневники) докторов, на глазах у которых умер Наполеон, – позволяют сформировать представление о великом человеке уже не с позиции поступков исторических, а в момент, наиболее частный для каждого человека, в момент приближающейся смерти:

«Не знаю ничего трогательнее и разительнее сих *отходных* страниц Антомарки. Никакая печальная развязка трагедии, романа не возбуждает тоски и соболезнования подобных этим чисто-медицинским отметкам» [II, 248–249].

В очередной раз читатель сталкивался на страницах «Современника» с представлением о большей ценности факта, документа над вымыслом. Эта позиция принципиально важна при формировании образа Наполеона: наполеоновский миф имеет документальную основу.

По журналу рассыпаны свидетельства о встречах с Наполеоном, о его поступках. Так, краткий рассказ о старце Буонарроти в «Хронике русского» А.И. Тургенева позволяет продемонстрировать принцип «говорящего» факта, часто используемый для создания образа героя време-

ни и очень характерный для «Современника» в целом. Тургенев, не давая оценок, представляет краткое описание жизни потомка Микеланджело, который является живой хроникой последнего полувека [I, 275]. Этот сухой перечень фактов пересечения судеб Буонарроти и Наполеона позволяет понять, насколько важна эта позиция самостоятельная в характеристике личности, где-то даже жесткость в отстаивании собственного кредо. При этом позиция величия сохраняется в обоих случаях, несмотря на то что «Буонапарте попал на трон, Буонаротти в тюрьму» [I, 276]. Каждый сохранил свои принципы, оставаясь за счет этого достоянием истории.

Личность Наполеона проясняется и в статье Пушкина «Французская Академия», но уже по отношению к сфере культуры. Думается, симптоматично, что вокруг взаимоотношений Наполеона и Арно возникает дискуссионное поле, однако в центре его уже не столько личность Наполеона, хотя все же проговаривается цельность его характера и предпочтений:

его «<...> мнения в литературе были столь же тверды и решительны, как и в политике; он терпеть не мог Вольтера, имел нещастие не любить Расина, но Корнеля готов был сделать первым Министром. Бонапарт любил развязки разительныя и хотел, чтоб даже и на театре все препятствия уничтожались штыком» [II, 22],

сколько поведение Арно. Для Пушкина принципиально важной является равная позиция драматурга и императора, с одной стороны, и возможность диалога между ними – с другой:

«Бонапарт принимает Арно в своем доме, в улице Шантерень, позволяя ему участвовать в домашних разговорах, которые тогда были историею» [II, 22],

– отмечает в своей речи Скриб, рассказывая также о факте смены концовки произведения по желанию Наполеона:

«Убейте его! и Montcassin был казнен, по повелению Наполеона, к великому удовольствию публики, утвердившей приговор рукоплесканиями» [II, 22].

В этом смысле пафос Вильмена направлен в противоположную сторону. И свидетельства, которые он приводит, нацелены на подтверждение независимости Арно в творчестве:

«Политика, общественная польза – вот что по его [Наполеона – Т.Ф.] мнению могло быть единственными предметами трагедии; где дело шло о любви, о сердечных борениях, не исключая *Заиры*, все это он причислял к комедии. Арно противился этим нововведениям и однажды после долгого спора, когда Генерал сказал ему: "Как бы то ни было, но мне хочется сочинить с вами вместе трагедию". – Охотно, отвечал Арно, – тогда, когда мы сочиним вместе план сражения!» [II, 38].

Для издателя «Современника» принципиально сохранение этой личностной позиции как в жизни, так и в творчестве, таким образом, в журнале формируется поведенческий текст творца, литератора.

Наполеон-человек в «Современнике» не отменяет Наполеона-эпохи, Наполеона-мифа. Имя французского воителя и императора воспринимается как нарицательное, символ великого человека:

«Люди верят только славе, и не понимают, что между ними может находиться **какой нибудь Наполеон**, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою <...>» [I, 48].

Его имя является эпохальным водоразделом:

«<...> она [статья – Т.Ф.] показывает, какие успехи Французы, по крайней мере ученые, сделали **с времен Наполеоновых** в отношении народного и просвещенного великодушия» [I, 256].

Наполеон как предмет литературного описания, поэтического или прозаического, становится проблемой, обсуждаемой в статье Вяземского «Новая поэма Э. Кине». В своей статье Вяземский, помимо многих важнейших современных вопросов, поднимает проблему создания образа героя времени, в основе которой исконное противоречие между художественным вымыслом и исторической достоверностью:

«Иметь условную одежду для изображения современных знаменитостей – то же, что иметь бы для них условныя черты и особый оклад лица героический правилам ваятельной риторики» [II, 268].

Проблема неуважения к героической личности, остро ощущаемая Пушкиным, воспринимается Вяземским сквозь призму смены литературной эстетики, озаменованная, кроме всего прочего, сменой настроения читательской публики:

«Ныне в партере сидит ученая, прагматическая, взыскательная критика, готовая раздеть героя до последней нитки и перебрать кулисы и машины до последней щепки. Она садится рядом с суффлёром в узкую яму его, чтобы огрادیть себя от всяких сценических обольщений, буквально следовать за действием, и караулить героя как неотступный тюремщик» [II, 270–271].

Разбирая поэму Э. Кине «Наполеон», Вяземский декларирует принципы создания в литературе образа героической личности такого масштаба, как Наполеон:

«Наполеон столь еще жив не только в памяти нашей, но так сказать и в глазах наших, что поэзия должна быть в сем случае живописью, живописью историческою – и только!» [II, 276].

И далее:

«Герою фантастическому можно бы допустить коршуна и кровь на место чернил; но когда дело идет о Наполеоне, то выйдет карриатура. В Наполеоне нечего преувеличивать и усиливать природу <...>. К чему делать из Наполеона какого-то чернокнижника? Кровью не удивишь ни его, ни тех, которые знали его. Кровь у него была, по несчастью, не фигура риторическая!» [II, 277].

Таким образом, обращение к личности французского императора позволяет поставить на страницах журнала важнейшую эстетическую проблему, коренным образом связанную со спорами вокруг судеб романтизма. Пропагандируемая Вяземским идея буквальности в поэзии, т. е. исторической точности, фактуальности, сопрягается с нагнетанием дневникового материала, с общим для публикаций «Современника» требованием грамотного использования документальных источников при историческом описании:

«<...> современная поэзия должна быть особенно *буквальная*: в этом случае дух именно в *букве* и заключается, точно как достоинство и душа портрета в рабском сходстве. Аллегорические портреты не удовлетворяют истинному чувству: оно требует не холодной отвлеченности, а **живой** и **теплой действительности**» [II, 279].

Очень важен этот магистральный для журнала образ живой действительности, которым измеряется достоинство любого произведения словесного творчества. Закономерно, что в контексте «Современника» (и в этой связи возникает ситуация отражения идей, высказанных в статье), в конкретном тексте, причем, применительно к статье Вяземского, эта связь открыто проговорена. Речь о «Ночном смотре», переведенном Жуковским, вызвавшем положительный отзыв Вяземского с точки зрения пластичности и жизненности, а это стихотворение, как уже отмечалось, напечатано в первом томе «Современника». Идея создания литературного факта, равного по значимости историческому факту, отражается и в пушкинской статье «Французская Академия». Особой заслугой Арно автор речи считает сохранение при литературном описании исторической правды:

«Страстный обожатель Наполеона, он не воспевал его царствования. <...> Арно выхвалял Наполеона лишь после его падения и то важным языком истории» [II, 39].

Образ Франции исторической, в большей степени связанный с фигурой Наполеона, достаточно органично сопрягается в «Современнике» с образом современной Франции. Приведенные в аннотации на «Исторические афоризмы» М. Погодина выдержки из этой книги, касающиеся Франции, определяют первенство страны в общественной жизни:

«Францию он [М. Погодин – Т.Ф.] полагает родником всего общественного, гражданского и политического, земель, где совершается вечный опыт» [I, 300].

Франция считается родиной как военных, политических учреждений, так и журналов, энциклопедий, мод, кофеен и карт. Франция прошлого и настоящего – это государство, влияющее на судьбы других европейских государств:

«Общественное мнение нигде так не сильно, как во Франции; Франция остановила революции своим ужасным примером; **виною нынешнего тесного соединения Европейских держав есть Франция и ея Наполеон**» [I, 301].

Не случайно в «Современнике» появляется статья под названием «Французская Академия», обозначающая место французской культуры в деле современного просвещения, помещаются публикации, в названиях которых центральные позиции занимают французские имена и реалии: «Париж (Хроника русского)», «Вольтер», «Наполеон и Юлий Цезарь», «Из А. Шенье», «Разбор Парижского математического ежегодника на 1836 год» и др.

Статьи А.И. Тургенева «Париж (Хроника русского)» стали окном в современную для читателя пушкинского журнала Францию. Поток имен, встреч, впечатлений, политических и исторических справок создавал живой, бурлящий, современный образ Франции политической, бытовой, культурной, во всех указанных позициях играющей важную роль:

«<...> советую однакож прочесть посылаемую мною Араго о Cuvier, о Шаптале, о Т. Юнге – и даже Карла Дюпена об успехах Математических наук. Если достану Скриба и Вильмена, то пришлю и для тебя. Но как же Европейскому Журналисту или даже не Журналисту обойтись без этих **указателей хода наук и просвещения вообще?**» [I, 263–264].

Полнота и многообразие парижской жизни отмечается даже в связи с рассказом о сиамских близнецах:

«Здесь они [сиамские близнецы – Т.Ф.] менее всего, судя по пропорции многолюдства, собрали денег, чем в других городах. Не удивительно! До них ли? Здесь и Ласенер и Фиэски и Камеры – и смена Министров и бульвары и вечно полные театры!» [I, 280].

Статьи Тургенева явились отражением проблематики «Современника»: имена, книги, события, сконцентрированные в «Хрониках русского», часто находят свое место в большем объеме на страницах журнала. Так, упомянутые в первом томе речи Вильмена и Скриба в развернутом варианте появятся в статье «Французская Академия», очевидна связь упоминания книги Токевиля о демократии в Америке со статьей

Пушкина «Джон Теннер», размышления о достоинствах Гюго отражают полемику вокруг новой французской литературы. «Хроника русского» первого тома предваряла многие материалы и проблемы последующих номеров. Вторая статья Тургенева, по уже указанным причинам вышедшая в четвертом томе пушкинского «Современника», также содержит упоминания о материалах, вошедших в состав публикаций журнала. Это «Наполеон и Юлий Цезарь» и статья «Вольтер». Отсылки к этим публикациям производятся посредством издательских примечаний, т. к. статья Тургенева выходит после них. Кроме того, именно в статье Тургенева открыто заостряется актуальность «восточного вопроса» и, что важно, с позиции европейской:

«Никогда столько брошюр, журнальных статей и книг не выходило о сем предмете, как в последние два года; даже тогда, когда Россия и Турция, в виду Европы и Азии, сражалась на высотах Балкана, менее ими занимались политические компиляторы, нежели теперь. **Здесь и в Англии можно накопить целую библиотеку о России, в отношении к Востоку**» [IV, 242–243].

Упоминания в европейских статьях Тургенева принципиальных для «Современника» публикаций, проблематики дают им мощный заряд современности и актуальности. По отношению к «Хронике русского» вообще очень важно отметить авторскую установку на открытость, незамкнутость пространства его писем. Сам Тургенев определяет свои материалы как «отчет парижской жизни», «энциклопедические письма», они представляют собой открытый поток информации. Мысль о реальной возможности выхода «Современника» в культурное пространство Европы сформулирована также в статье Тургенева:

«Гейнрихс [издатель "Коммерческого архива" – Т.Ф.] <...> просит присылать к нему хоть в литтеральном переводе на Французском или хотя на Немецком статьи из вашего журнала, кои могут иметь общий интерес для Европейской или всемирной торговли. Он с благодарностью помещать их будет» [IV, 258].

Именно поэтому в пушкинском круге, еще в преддверии журнала, хроники Тургенева воспринимались как эвентуальный материал для него. Так, 29 декабря 1835 г. Вяземский писал А.И. Тургеневу:

«Я читал твое письмо в субботу у Жуковского, который сзывает по субботам литературную братию на свой олимпийский чердак. Тут Крылов, Пушкин, Одоевский, Плетнев, барон Розен etc, etc. Все в один голос закричали: "Жаль, что нет журнала, куда бы выливать весь этот кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего!"»¹⁸².

¹⁸² Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 281.

«Хроника русского» – уже в своей номинации как память о «Письмах русского путешественника» Карамзина – выявляла и диалог культур, и установку на документальность, и связь эпох, что вполне отвечало издательской стратегии Пушкина.

Уже отмеченный ранее дневниковый характер пушкинского «Современника» наиболее проявлен применительно именно к французскому тексту. Так называемая, околотитературная, «домашняя» продукция – дневники, письма, воспоминания – в основе своей имела французские литературные модели и писалась в основном по-французски.¹⁸³ Особую популярность мемуарная литература приобрела именно во Франции, газеты и журналы включали массу объявлений, рецензий, критических статей, посвященных мемуаристике, а газета «Le Globe» содержала постоянный отдел «Les mémoires»; мемуары воспринимаются читателями как беллетристика, бестселлер.¹⁸⁴ Пристрастие к мемуарной литературе, во многом спровоцированное французской модой, было характерно далеко не для всех современников Пушкина, он же в «Современнике» возводит комераж (commerages – пересуды, «историческое болтовство») – это название закрепилось за парижскими письмами А.И. Тургенева – в ранг серьезной литературы.¹⁸⁵

При рассмотрении материалов, формирующих французский текст журнала, оказывается, что в его основе лежат дневники, воспоминания, письма, документы. При этом факты переводов (стенография заседания Французской Академии, записки Наполеона), вкрапления текстовых фрагментов на французском языке («Париж (Хроника русского)») актуализируют моменты ментальных связей и межкультурного взаимодействия.

Читательский интерес к мемуарам, отношение к ним как к литературному явлению спровоцировало во Франции появление так называемых мнимых, апокрифических мемуаров, которые создавались от имени знаменитых исторических лиц, при этом для их авторов было принципиально важно, чтобы их творение воспринималось читателем как под-

¹⁸³ Гречаная Е.П. Французские тексты женщин аристократического круга (конец XVIII – начало XIX в.) и взаимодействие культур // Известия АН. Серия литературы и языка. М., 1999. Т. 58(1), 1999. С. 33.

¹⁸⁴ Гласе А. «Соблазнительные откровения»: Пушкин и французская мемуарная литература // Вопросы литературы. 1993. Вып. IV. С. 54–55.

¹⁸⁵ Мильчина В.А. Французская литература в произведениях Пушкина 1830-х годов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1987. Т. 46(3). С. 250.

линное. Таковыми были мемуары Ришелье, графини дю Барри, Видока и др.¹⁸⁶

Эта тенденция нашла свое отражение в «Отрывке из неизданных записок дамы», который напечатан в «Современнике» с подписью «с французского». Подпись достаточно ярко сигнализировала об источнике и культурной традиции, легшей в основу «Отрывка». Сведения о поездке г-жи де Сталь в Россию в 1812 г., информация о деталях ее портрета и манерах поведения могли быть почерпнуты Пушкиным из французской мемуарной литературы, в частности одним из источников считаются апокрифические «Memoires d'une femme de qualite» («Воспоминания **одной знаменитой дамы**») Ламот-Лангона, который первым вводит г-жу де Сталь как литературный персонаж в приключения своей вымышленной героини.¹⁸⁷

В контексте данной работы этот текст интересен, кроме того, как факт той дневниковой культуры, которая стала результатом одного из основных интеллектуальных женских занятий эпохи, отразившего в себе процесс построения личности.¹⁸⁸ В «Отрывке» проявилась индивидуальность молодой мыслящей женщины, современницы, имеющей свое суждение по поводу серьезнейших проблем эпохи, сформулированных, как указывает подпись под публикацией, на французском; интересно, что ею же этот факт и комментируется:

«Мы принуждены все, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом и мыслим мы на языке иностранном (по крайней мере, все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода)» [III, 200].

В связи с «Отрывком», как утверждает издатель, переведенным с французского, необходимо вспомнить письмо Татьяны Онегину, подлинник которого также был французским, но в тексте романа являлся на русском языке. В романе автор-рассказчик подчеркивает, что письмо – это подлинный документ, вошедший в его повествование. Можно предположить, что в «Современнике» появление подписи «с французского» было связано, в том числе, и с желанием придать результату художественного вымысла характер реального документа – отрывка из подлинных записок. Закономерно, что, следуя укоренившейся в русской культуре французской традиции, героиня пишет свои записки на французском, а издатель помещает в журнале их перевод. Интересно, однако,

¹⁸⁶ Глассе А. «Соблазнительные откровения»: Пушкин и французская мемуарная литература. С. 57, 58, 63.

¹⁸⁷ Там же. С. 65–66.

¹⁸⁸ Подробнее см.: Гречаная Е.П. Адресат женских дневников конца XVIII – начала XIX вв. и процесс письма // Вопросы филологии. 2001. № 3(9). С. 90–93.

что переводу подлежит только текст автора записок, т. е. русской женщины, писавшей на французском языке, тогда как записка Мадам де Сталь Полине и даже имя французской знаменитости переданы на ее родном языке – французском. Думается, включение в русский, как бы переведенный текст записки на французском – в контексте «Современника» получающей статус документа – провоцировало восприятие всего отрывка и переданных в нем событий как реально произошедших, исторически достоверных. Так дневниковая форма, реализуемая в «Современнике» в различных вариациях, становится точкой пересечения разнотрультурных векторов, являющейся презентацией глубинного межкультурного взаимодействия: достижения французской мемуаристики преломились в историософских размышлениях издателя «Современника», в которых большая роль отводится частному, «домашнему» взгляду на исторические события.

Пересматривая свое отношение к французской литературе и в большей степени интересуясь словесностью английской, Пушкин в последние годы жизни продолжает следить за новейшими течениями во французской литературе. Полемика вокруг новых литературных группировок Франции, развернувшаяся в газетах, журналах в 1820-е гг., очень интересовала Пушкина. Споры вокруг новой французской литературы, получившей название «неистовая словесность», находят место и в «Современнике». Эта проблематика вносила в пушкинский журнал ноту злободневности, новизны, можно даже сказать, некоторой революционности, акцентируя именно переворотный характер нового подхода к литературному творчеству. Не случайно именно новую литературу некоторые из участвующих в полемике литераторов пытались связать с событиями французской революции.

Обозначение проблемы «неистовой словесности» в связи с «Современником» заставляет в очередной раз говорить о рубежном характере пушкинского журнала. Выходя в юбилейный период для исторических событий, журнал Пушкина даже в связи с не столь эпохальными, но именно рубежными литературными событиями, такими, как появление новой французской литературы, может восприниматься как веха в литературной полемике.

Направление «неистовой словесности» связано с именами Ж. Жанена, Э. Сю, В. Гюго, О. Бальзака, А. Дюма и др. Точкой отсчета для нее считается появление в конце 1820-х гг. романа Ж. Жанена «Мертвый осел и обезглавленная женщина», в котором автор провозглашает основные принципы нового направления: «Нам надобна натура ужасная, мрачная, и она не затруднит писателя, и она возбудит общий

восторг»¹⁸⁹. Традиционная эстетика низвергается. Поэтизируется страшное, безобразное.

Новое направление захватило, поразило. Кого-то оно возмущало, другие зачитывались романами французов, но равнодушных не было. В истории русской критики литературная полемика по поводу юной словесности имеет большое значение. В условиях формирования новой эстетики, поисков новых форм повествования осмысление опыта западных литераторов играет особую роль: «Мысль о своеобразных уроках европейской литературы для русской культуры становится выражением роста национального самосознания»¹⁹⁰.

Размышления о специфике и роли нового литературного направления сконцентрированы в трех статьях «Современника»: «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» Н.В. Гоголя (I том), «Новая поэма Э. Кине» П.А. Вяземского (II том) и «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» А.С. Пушкина (III том). Представляется важным тот факт, что в отношении данной проблемы в достаточной степени представлены разные эстетические позиции, развертывание их с первого по третий том позволяет диалектично представить процесс осмысления данного литературного направления.

Н.В. Гоголь определяет новую французскую словесность как важнейшее явление, требующее особого внимания. Именно автор статьи «О движении журнальной литературы» обозначает общеевропейский уровень проблемы, давая в небольшом абзаце характеристику французской словесности, отразившую ее неоднозначность:

«В литературе всей Европы распространился беспокойный, волнующийся вкус. Являлись опрометчивые, бессвязные, младенческие творения, но часто восторженные, пламенные – следствие политических волнений той страны, где рождались. Странная, мятежная, как комета, неорганизованная как она, эта литература волновала Европу, быстро облетела все углы читающего мира» [I, 217].

И далее:

«Но сказали ли журналы наши <...> от чего, откуда она произошла, что было поводом неправильного уклонения вкуса и в чем состоял ее характер?» [I, 218].

¹⁸⁹ Цит. по ст.: Виноградов В.В. Романтический натурализм. Жуль Жанен и Гоголь // Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 80.

¹⁹⁰ Янушкевич А.С. Уроки «юной словесности» // Сб. тр. молодых ученых. Томск, 1973. Вып. 11. С. 1.

Таким образом, очевидно следующее: в восприятии Гоголя, по крайней мере, в рассматриваемой статье, проблема позиционирования новой французской литературы – одна из главных среди общеевропейских культурных проблем (после осмысления творчества В. Скотта); сугубо отрицательного отношения к новому литературному течению Гоголь не выражает, французская литература, безусловно, ему интересна; самым явным недостатком нового течения, по Гоголю, является «неправильное уклонение вкуса».

В черновых набросках статьи о журнальной литературе Гоголь строго отзывается о поэтике «неистового» романтизма, называя ее поэтикой «преувеличенного» и «неестественного», и одновременно усматривает в ней «истинно хорошее».¹⁹¹ Не случайно «неистовая словесность» нашла свое отражение в творчестве писателя. В повести «Кровавый бандурист», несомненно, проявилось увлечение Гоголя французским романтизмом. С интересом к «неистовой словесности» связан и замысел коллективного альманаха «Тройчатка, или Альманах в три этажа», в котором должны были участвовать Пушкин и Гоголь. Традиция Ж. Жанена усматривается в некоторых сюжетных линиях «Тараса Бульбы», в «Невском проспекте» и в «Портрете». Можно говорить, что Гоголем были восприняты фантастические настроения французской литературы. Упоминание же о ней в статье, опубликованной в «Современнике», позволяло заострить проблему, обозначить ее место и в общих чертах представляло позицию Гоголя по данному вопросу.

В своей статье «Новая поэма Э. Кине» П.А. Вяземский рассматривает явление новой французской словесности с позиции исторического развития литературы и основной недостаток нового течения усматривает именно в отказе его от литературной традиции, тогда как новая школа далеко не во всем является новаторской:

«<...> **новейшее поколение французской литературы не признает предков** и законодателей: оно не хуже некоторых из наших корифеев ругается именами памятными только одним староверцам; но мы хотели при этом случае мимоходом показать, что **не все нововведения сегодняшняя**, а что есть между ними кое-что и вчерашнего» [II, 272–273].

В стремлении уйти от уже устоявшегося новая литература, по мнению Вяземского, кидается в крайности, теряя при этом очевидные свои достоинства:

¹⁹¹ Подробнее см.: Виноградов В.В. Романтический натурализм. Жуль Жанен и Гоголь // Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. С. 76–100.

«Должно сознаться, что в сущности нынешняя Французская литература ближе к природе и правдоподобнее, нежели прежняя; но в выражении своем она все еще изыскана, натянута, и в самом выборе стихий своих держится более уклонений, исключений Природы, нежели постоянного и правильного явления сил ея» [II, 274].

В результате нарушается критерий истины и простоты, определяющий истинную поэзию, соответственно, основной порок новой французской школы не в недостатке талантов, а в «отсутствии поэтической совести» [II, 278].

Поводом для статьи «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» послужило выступление М.Е. Лобанова в Императорской Российской Академии 18 января 1836 г. Полемичный характер пушкинской статьи, закрепленный композиционно – статья представляет собой набор цитат из выступления Лобанова, на каждую из которых следует комментарий Пушкина, – позволял заострить высказанные ранее мнения и акцентировать иные стороны обсуждаемой проблемы.

Прежде всего, Пушкин выступает против односторонности и категоричности в оценках. Гневные высказывания Лобанова – один из распространенных в то время примеров оценок новой французской литературы – неприемлемы, с точки зрения Пушкина, своей категоричностью, отсутствием диалектического подхода к разбираемому явлению. Неоправданное перенесение принципов спорного литературного направления на весь французский народ провоцирует полемический ответ Пушкина:

«<...> ужели весь сей народ должен ответственствовать за произведения нескольких писателей, большею частию молодых людей, употребляющих во зло свои таланты, и основывающих корыстные расчеты на любопытстве и нервной раздражительности читателей?» [III, 97].

Поддерживая историко-литературный подход Вяземского, Пушкин полемизирует с Гоголем и литераторами, определяющими новое литературное течение посредством политических событий французской истории:

«Начало сему явлению должно искать в самой литературе. <...> Мелочная и ложная теория, утвержденная старинными риториками, будто бы *польза* есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цель художества есть *идеал*, а не *нравоучение*» [III, 99–100].

Несогласие Пушкина связано с односторонним пониманием последователями «неистового» романтизма этой проблемы. Они возвели в

идеал безобразия, что не может быть одобрено издателем «Современника», который «идеал» полагал вечной целью человечества.

Гуманистическая основа пушкинского мировоззрения проявилась и при рассмотрении данного вопроса. Проблема отношения к новейшей французской словесности позволяет Пушкину проговорить свою идею об индивидуальности в литературе и шире – о личностной свободе писателя:

«Нельзя требовать от всех писателей стремления к одной цели. <...> Закон не вмешивается в привычки частного человека <...>: закон также не вмешивается в предметы, избираемые писателем, не требует чтоб он описывал нравы Женевского пастора, а не приключения разбойника и палача, выхвалял счастье супружеское, а не смеялся над невзгодами брака. Требовать от всех произведений словесности изящества или нравственной цели было бы то же, что требовать от всякого гражданина беспорочного жития и образованности. <...> Зачем же и в нынешних писателях предполагать преступные замыслы, когда их произведения просто изыскиваются желанием занять и поразить воображение читателя?» [III, 98–99].

Конечно, Пушкин не оправдывает французских писателей, скорее отстаивает право на индивидуальность, неподцензурность литературы:

«Цензура не должна *проникать все ухищрения* пишущих. <...> Такова была Высочайшая воля, даровавшая нам литературную собственность и законную свободу мысли! <...> *Нелепое*, если оно просто нелепо, а не заключает в себе ничего противного вере, правительству, нравственности и чести личной, не подлежит уничтожению Ценсуры» [III, 105–106].

Обсуждение специфики новой французской словесности как одной из наиболее современных литературных проблем давало пример реализации принципа диалогичности в подходе авторов «Современника» к спорным явлениям культуры и литературы. При этом ощущается логичное развитие этой темы в журнале: заявленная Гоголем в ряде других современных российских и европейских литературных проблем, она вводится в историко-литературный контекст Вяземским и в конечном итоге выводится Пушкиным на уровень максимального обобщения, для которого главным предметом становится сам подход к осмыслению любого неоднозначного явления. Полемизируя с Гоголем, Пушкин декларирует отход от нормативности оценок, пропагандируя историзм в подходе к словесности и к искусству, таким образом, его статья, как бы подытоживая высказанные в журнале мнения, представила «целостную концепцию исторического развития культуры»¹⁹².

¹⁹² Макаровская Г.В. Пушкин о «цели художества». Статья «Мнение М.Е. Лобанова о духе и направлении словесности, как иностранной, так и отечественной» // Скаф-

Французский текст «Современника» отразил направление восприятия французской культуры, определившееся ко времени выхода журнала. Французская историческая мысль актуализировала в пушкинском журнале значение и масштаб французской культуры.

2.1.3. Место английского текста в пушкинском «Современнике»

Особое место в пушкинском «Современнике» занимает английский текст. Интерес к Англии, английской литературе в России во многом был спровоцирован интересом к ней во Франции. Все чаще произведения английских авторов переводятся на французский и русский языки, в журналах появляются рецензии на них и статьи об английской литературе, за счет чего создаются условия для более полного ее обозрения. Литературная, интеллектуальная и политическая жизнь Англии была постоянным предметом внимания в 1830-е гг. многих, и Пушкина в частности. В четырех томах «Современника» более семидесяти упоминаний, связанных с Великобританией. 1820–1830-е годы – время частых поездок англичан в Россию и русских в Англию. Английский путешественник – неотъемлемая фигура любого вечера в обеих столицах.¹⁹³ Их описания российской действительности очень интересовали Пушкина. Не случайно в «Путешествии в Арзрум» появляется цитата из романа Джеймса Мориера, который возвращался из Персии в Англию через Кавказ и Москву. Роман Мориера в переделке Сенковского «Хаджи-Баба из Испагани» был очень популярен в то время.¹⁹⁴ На страницах пушкинского журнала формируется образ Англии и англичан, являющийся отражением стереотипных представлений того времени: начиная с английских путешественников, английского клуба, заканчивая собачками английской породы. Материалы «Современника» дают представление о Великобритании как о мореходной, торговой супердержаве. Все технические новинки – родом из Англии: паровые машины, английские плуги. Из Лондона выписываются семена репы и редиса. Английские газеты и журналы – образец коммерческой организации:

«Английские газеты, считающая у себя до 15,000 подписчиков, окупают издержки издания только печатанием объявлений» [III, 326–327])

тымовские чтения: Материалы науч. конф., посвящ. столетию со дня рождения А.П. Скафтымова, 23–28 октября 1990 г. Саратов, 1993. С. 24.

¹⁹³ Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982. С. 575.

¹⁹⁴ Там же. С. 576.

и занимательности:

«Сегодня я [А.И. Тургенев – Т.Ф.] зачитался в новых Английских Reviews и не попал ни к одной проповеди; за то прочел прекрасную статью о Парижских проповедниках» [IV, 266].

Для издателя «Современника» более важен тот факт, что с Англией связан обширный культурный пласт. В журнале встречаются имена ученых, философов, таких как Гершель, Юнг, Ньютон, Бекон, которые наряду с именами французских и немецких ученых формируют образ новейшей западноевропейской научной и философской мысли. П.В. Чичагов, адмирал, долгие годы проживший в Англии, писал: «Национальное чувство англичан всегда клонится к тому, что хорошо и, следовательно, положительно, существенно и полезно. Отсюда истекают их положительные познания в философии, столь деятельно способствовавшей распространению истинного просвещения»¹⁹⁵. Английский язык признается авторами «Современника» наиболее приспособленным для научного описания: П.Б. Козловский в своей статье отмечает

«<...> превосходство Английского языка по краткости слов, для всяких отраслей учености, и по способности живописно изображать подробности физических предметов» [I, 245].

Не случайно именно английскими учеными создается British Cyclopedia. При этом, что очень важно в контексте «Современника», в публикациях подчеркивается всеобщая направленность английского просвещения:

«<...> Философы наших времен, в особенности Англичане и Французы, стараются сколько возможно обращаться к многолюдству <...>» [I, 244].

Гоголь, давая рецензию на книгу «Путешествие вокруг света», так характеризует англичан:

«<...> безкорыстнее действовали Англичане, которые, при всей народной гордости, отличаются филантропией, составляют Общества для распространения нравственности, воздержания и проч., издают и распускают по свету безденежно, или по чрезвычайно низкой цене, множество полезных книг для народа» [I, 309–310].

Английская литература ассоциируется в то время с определенными именами: творчество Вальтера Скотта, Шекспира, Байрона, Томаса Мура, Мильтона – в восприятии читателей это уже не столько часть английской культуры, сколько принадлежность культуры мировой.

¹⁹⁵ Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи. С. 401.

Осмысление творчества Вальтера Скотта напрямую связано с исторической темой «Современника». Роман «вальтер-скоттовского» типа Пушкин определяет как «историческую эпоху, развитую на вымышленном повествовании» [ПСС, XI, 92]. Во время издания журнала все, что ассоциируется со Скоттом, еще живо. Его романы очень популярны. Живы люди, которые были знакомы с ним лично, в их числе и участники «Современника»: Д. Давыдов состоял со Скоттом в личной переписке, А.И. Тургенев встречался с ним во время одной из поездок в Англию. Именно из его рассказов черпали сведения Пушкин, Вяземский и другие.¹⁹⁶

Пушкин отмечал влияние В. Скотта на все отрасли современной ему словесности. Особенно важен для издателя «Современника» реалистический подход Скотта к историческим событиям.¹⁹⁷ Подборка материалов третьего и четвертого томов журнала демонстрирует ассимиляцию вальтер-скоттовской традиции в русской литературе. При этом принципиально важно, что все материалы принадлежат перу Пушкина, самостоятельно развившего в своем творчестве художественные принципы и методы В. Скотта.

В четвертом томе «Современника» Пушкин печатает «Капитанскую дочку» – роман, который считается лучшим романом вальтер-скоттовского типа и итогом влияния Вальтера Скотта на русскую литературу.¹⁹⁸ Появление этой публикации подготовлено материалами предыдущих трех томов «Современника», но если говорить о непосредственных связях, то необходимо рассматривать блок публикаций третьего тома.

Статья Пушкина «Об "Истории Пугачевского бунта"» – это критика на критику его же «Истории Пугачева», в которой, возражая на необоснованные замечания, автор проговаривает исторические факты, делая своеобразный конспект своей работы. Эта статья становится прологом к роману, напечатанному в четвертом томе. Таким образом, научный (здесь исторический) факт связывается с подачей истории домашним образом (прием, также подсказанный Вальтером Скоттом). Для творчества Пушкина вообще и для концепции истории, нашедшей отражение, в частности, в «Современнике», принципиален подобный метод исторического повествования, который позволяет знакомиться

¹⁹⁶ Об этом см.: Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи. С. 326–374.

¹⁹⁷ Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 377.

¹⁹⁸ Альтшуллер М. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1996. С. 206.

«с прошедшими временами не с *enflure* [надутостью] фр.<анцузских> трагедий – не с чопорностью чувствительных романов – не с *dignité* [приподнятым тоном] истории, но **современно**, но **домашним образом** <...>» [ПСС, XII, 195, 482].

Не случайно следом за статьей «Об "Истории Пугачевского бунта"» Пушкин помещает «Анекдоты», в которые вошли фрагменты не опубликованного при жизни автора цикла под названием «Table-talk» («Застольные беседы»). В 1830-е гг. исторические анекдоты, играющие «значительную роль как структурный элемент в основной повествовательной канве исторической хроники»¹⁹⁹, наряду с другими документальными жанрами: дневниками, мемуарами, – позволяют передать непосредственные наблюдения над бытом, нравами, характерами эпохи. Название и принцип организации заметок связаны с английской традицией: принято считать, что пушкинские «Table-talk» восходят к книгам В. Хезлитта и С. Кольриджа,²⁰⁰ но сам подход к отбору и способу передачи исторического факта продиктован вальтер-скоттовской традицией.

В «Table-talk» на первое место выходят исторический анекдот и автобиографические записи: портреты современников, их острые замечания и т.д. Жанр застольных бесед не обязывал проверять, дополнять факты, но, главное, он позволял передавать фрагменты истории «домашним образом». В «Table-talk» входит около семидесяти заметок, каждая из которых записана на отдельном листе бумаги. Заметки расположены не по хронологии. В «Современнике» Пушкин печатает одиннадцать историй, их расположение отличается от порядка в «Table-talk». Истории №№ 1, 2, 3, 10 посвящены Потемкину, № 4 – графу Румянцеву, №№ 5, 6, 9 – Петру I, №№ 7, 8 – Екатерине II и № 11 – императрице Анне Иоанновне. Пушкина интересует недавнее прошлое – XVIII век – век великих преобразований и смут. Для него в реализации исторической темы важна, прежде всего, связь ее с крупными, решающими переломами в национальном развитии, каковыми являлись Петровская эпоха с ее европеизацией русской культуры и крестьянское движение при Екатерине II.²⁰¹ Анекдотическая форма позволила показать человеческий образ исторических личностей. Им присущи такие качества, как находчивость, ум, наблюдательность, смелость и т.п. Так, например, на «Потемкина часто находила хандра», он мог сидеть «в халате, босой, нечесаный, грызя ногти в задумчивости» [III, 187], но при этом он «снисходителен к низшим» [III, 188], а Петр Великий обладал редкой наблюдательностью:

¹⁹⁹ Гласе А. «Соблазнительные откровения»:... С. 66.

²⁰⁰ Левкович Я.Л. «Table-talk» Пушкина // Русская литература. 1987. № 1. С. 70–71.

²⁰¹ Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. С. 378.

«Государь открыл ему [Отставному мичману – Т.Ф.] лоб, взглянул в лицо, и сказал: "Ну! этот плох. Однако записать его во флот. До мичманов авось дослужится". Старик любил рассказывать этот анекдот, и всегда прибавлял: "Таков был пророк, что и в мичманы-то попал я только при отставке!"»; «Всемирно известны слова Петра Великого, когда представили ему двенадцатилетнего школьника, Василия Тредьяковского: *вечный труженик*! Какой взгляд! Какая точность в определении! В самом деле, что был Тредьяковский, как не вечный труженик?» [III, 190].

Следом за «Анекдотами» помещен «Отрывок из неизданных записок дамы» – фрагмент незаконченного романа «Рославлев», который Пушкин начал писать еще в процессе чтения романа Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году». Форма повествования, выбранная Пушкиным, связана с повествовательной манерой В. Скотта: как уже отмечалось, это записки вымышленного лица – некой дамы, настоящий автор которых выступает в роли их издателя. В данном контексте интересно то, что в «Отрывок» входит рассказ о Мадам де Сталь и Наполеоне. Имя французского императора и одновременно отсылка к роману Загоскина, посвященному 1812 г., возвращает читателя к недавней Отечественной войне – переломному моменту российской истории, к осмыслению которого неоднократно обращаются участники «Современника». Однако наполеоновские войны связаны не только с отечественной действительностью. Переход от более давних фрагментов прошлого России («Анекдоты») к еще «живому» историческому анекдоту о знаковых личностях, связанных с французской историей, но оформленному по принципам английского исторического романа, создавал один из многих в «Современнике» поликультурных диалогических центров, который на страницах журнала входил в общекультурный диалог. Кроме того, рассказы об исторических личностях, в том числе о Екатерине II, Петре I и Наполеоне, в форме анекдота позволяли создать человеческий образ правителей, а содержание предвосхищало магистральную идею «Капитанской дочки» (и всего «Современника») – идею справедливости и милости, милосердия.²⁰² При этом интересно, что сами понятия «милость» / «правосудие», играющие важнейшую роль в общем понятийном комплексе пушкинского журнала, тесно связаны с французским контекстом: «<...> инвокация "милости" и "правосудия" прежде всего свойственна французской правовой риторике XVII века, впоследствии переосмысленной просветителями»²⁰³. Одновременно знаковый харак-

²⁰² Альтшуллер М. Эпоха Вальтера Скотта в России. С. 243.

²⁰³ Неклюдова М. «Милость» / «правосудие»: о французском контексте пушкинской темы // Пушкинские чтения в Тарту. 2. Материалы Международной науч. конф. 18–20 сентября 1998 г. Тарту, 2000. С. 204.

тер имеет образ Петруши Гринёва – в соответствии с традицией В. Скотта умеренного, толерантного героя.

Роман и драма – объективные и вместилищные жанровые формы, они отвечали необходимости осмыслить идеи историзма. И если традиция исторического романа связана с В. Скоттом, то традиция национальной исторической драмы ассоциировалась с творчеством Шекспира. На рубеже XVIII и XIX вв. творчество Шекспира воспринималось как свободное от канонов и ограничений классицизма.²⁰⁴ Искусство Шекспира считалось внесловным, демократическим,²⁰⁵ народным – национальным. Кроме того, имя Шекспира связано с Эпохой Возрождения – эпохой гуманизма, что, безусловно, значимо в контексте «Современника».

Шекспировское искусство воспринималось русской культурой опосредованно, через культуру французскую. При этом сохранялось поверхностное знакомство с его творчеством: «слегка», «понаслышке».²⁰⁶ Этот факт нашел отражение и в пушкинском журнале. Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» отмечает:

«Не говоря о писателях отечественных, рецензент, о какой бы пустейшей книге ни говорил, **непрерывно начнет Шекспиром, которого он вовсе не читал**» [I, 222].

Интересно, что, получив первоначальное представление о творчестве драматурга через французские переводы, Пушкин в дальнейшем противопоставляет его французам, а точнее представителям французского классицизма: Расину, Мольеру. При этом он дает положительные оценки английской литературе, в противовес французской:

«Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии робкой и жеманной» [ПСС, XIII, 40]; «<...> стань [Адресат письма П.А. Вяземский – Т.Ф.] за немцев и англичан – уничтожь этих маркизов классической поэзии...» [ПСС, XIII, 66].

В «Современнике» имя Шекспира упоминается не часто. Прежде всего, о шекспировской драматургической традиции в журнале можно говорить в связи со «Скупым рыцарем», напечатанным в первом томе. Полное название публикации: «Скупой рыцарь. Сцены из Ченстоновой трагикомедии *The covetous Knight*». Пушкин присваивает несуществующее произведение реальному поэту Шенстону. Причина подобной

²⁰⁴ Пушкин: Исследования и материалы. Пушкин и мировая литература. С. 376.

²⁰⁵ Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. С. 373.

²⁰⁶ Урнов М.В., Урнов Д.М. Шекспир. Движение во времени. М., 1968. С. 117.

мистификации волновала многих исследователей творчества Пушкина.²⁰⁷ По мнению Л.М. Аринштейна, для большинства русских читателей того времени имя Шенстона и название произведения указывало на принадлежность к английской драматургической традиции, а точнее – к традиции шекспировской.²⁰⁸ «Шекспиризм» «Скупого рыцаря» и остальных маленьких трагедий проявляется как «истина страстей», «правдоподобие характеров» и «типически значимая морально-психологическая проблема».²⁰⁹ Следование Шекспиру Пушкин видел в передаче исторического времени и создании жизненно правдивых характеров:

«По примеру Шекспира я ограничился изображением эпохи и исторических лиц, не стремясь к сценическим эффектам, к романтическому пафосу и т.п...» [ПСС, XIV, 46, 395].

Многосторонность человеческого образа, создаваемого Шекспиром, также привлекала Пушкина:

«<...> Шексп.<иру> я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов <...>» [ПСС, XI, 140].

В этом смысле соотношение образа Барона с образом шекспировского Шейлока, высоко оцененного Пушкиным, вполне оправдано: с шекспировской традицией связана сложность характера рыцаря – храброго, благородного и одновременно скупого.

В «Современнике» помещены еще две публикации, относящиеся к драматургическим жанрам: «Утро делового человека» (Петербургские сцены) Н.В. Гоголя и «Драматическая сказка об Иване царевиче, Жарптице и о сером волке» Н. Языкова. Неслучайным кажется соположение в одном номере сцен в английском духе, где некоторые монологи несут отпечаток нерусского происхождения²¹⁰, и произведения с подчеркнуто российской привязкой: «Петербургские сцены». Общечеловеческие страсти, ставшие предметом описания в маленькой трагедии, переключаются с рассказом о страстишках среднестатистического чиновника. Мотив заслуженно незаслуженного благополучия, желания обладать этими благами с равным пафосом звучит в обоих произведениях. Ср.:

Он сундуки со смехом отопрет.
<...> ... А по какому праву?

²⁰⁷ Об этом см.: Аринштейн Л.М. Пушкин и Шенстон. (К интерпретации подзаголовка «Скупого рыцаря») // Болдинские чтения. Горький, 1980. С 81–95.

²⁰⁸ Аринштейн Л.М. Пушкин и Шенстон. С. 88.

²⁰⁹ Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. С. 376.

²¹⁰ Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 193.

Мне разве даром это все досталось,
Или шутя, как игроку, который
Гремит костями, да груды загребает? [I, 123].

«Этакие люди всегда успевают. А я? А? ведь пятью годами старше его по службе! и до сих пор не представлен. <...> Еще просит, чтобы я замолвил за него! Да, нашел кого просить, голубчик. Я таки тебе удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! не получишь! *(подтвердительно ударяет несколько раз кулаком по ладони и уходит)*» [I, 241].

А в драматической сказке Языкова М.П. Алексеев усматривает пародию на шекспировского «Гамлета».²¹¹

«Байрон, поэтический тип нашего века», – такое определение дает Вяземский на страницах «Современника» [II, 271]. Байронический миф, сформировавшийся в начале XIX в., был плодом восприятия не только творчества поэта, но и фактов его биографии. «Бесстыдный вольнодумец»²¹², он создает романтический образ героя-индивидуалиста в творчестве и следует ему в жизни. Поддержка им итальянских карбонариев, участие в борьбе греческого народа за независимость дополняли его мятежный образ. Его поэтическая манера, нарушавшая все классические каноны жанра поэмы, была воспринята русскими поэтами как наиболее оптимальная форма выражения мироощущения современного человека. Обаяние личности и творчества Байрона в середине 1830-х гг. уже потеряло свою силу, однако имя английского поэта, с творчества которого во многом началось познание английской культуры и литературы, в этот период было тесно связано с полемикой, целью которой было определение путей развития современной поэзии.

В пушкинском журнале отражено самое распространенное представление о Байроне как об авторе «Паломничества Чайльд-Гарольда» и «восточных» поэм. Творчество Байрона в рассматриваемый период прежде всего ассоциируется с Востоком, не случайно Султан Казы Гирей цитирует его произведение в своей «Долине Ажитугай». При этом, как уже было отмечено, наблюдается полемический настрой по отношению к привившемуся клишированному «байроническому» принципу восточных описаний – разбирая стихотворения В. Теплякова, Пушкин пишет:

«В наше время молодому человеку, который готовится посетить великолепный Восток, мудрено, сядя на корабль, не вспомнить лорда Байрона, и невольным соучастием не сблизить судьбы своей с судьбою Чильд-Гарольда» [III, 170].

²¹¹ Шекспир и русская культура. С. 198.

²¹² Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи. С. 398.

Вообще английская поэзия в «Современнике» соотносится с осмыслением восточной культуры. Закономерно здесь появление имени Томаса Мура, воспринимаемого читателями 1830-х гг. исключительно вкупе с именем Байрона. Отсылка к «Лалла Рук» в «Путешествии в Арзрум» Пушкина позволяет поднять размышления о национальном вопросе и национально-освободительном движении на глобальный уровень. Несмотря на прохладное отношение Пушкина к восточным поэмам Мура, его идея веротерпимости и национальной свободы находила общие точки соприкосновения с размышлениями издателя журнала. Проблема Мура для Пушкина, как и для Жуковского, автора перевода «Пери и Ангела», шире, чем восточный, ориентальный текст, чем просто отношение к «восточным повестям». Как справедливо замечает Э.М. Жиликова относительно позиции Жуковского, он «Нашел свой, современный философский и поэтический ракурс, открыв новые грани фронта Восток-Запад»²¹³. Для издательской стратегии Пушкина важно, что этот английский текст корреспондирует с восточным текстом.

Сожаление критика Броневского по поводу вялого, сухого, а не пламенного байронического языка «Истории Пугачевского бунта» подвергается молчаливому осуждению Пушкина [III, 110], давшего, однако, ответ на подобную критику в письме И.И. Дмитриеву от 26 апреля 1835 г.:

«Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать это лице по самому последнему фасону» [ПСС, XVI, 21].

Очевидно, что образ Пугачева в «Истории Пугачевского бунта» и в «Капитанской дочке» создавался вопреки традиции романтического разбойника: романтический образ героя-индивидуалиста уже не столь актуален в 30-е гг. XIX в. То, что в «Современнике» актуализируется данная проблема, сигнализирует об особой чувствительности пушкинского журнала к магистральным проблемам эпохи. Творчество Байрона как важнейший этап развития европейского поэтического метода знаково для авторов «Современника», размышляющих о судьбах современной поэзии. В этом смысле симптоматично появление имени английского поэта в статье Вяземского «Новая поэма Э. Кине», которая органично

²¹³ Жиликова Э.М. «Воздушный цветок» Востока в поэзии европейских романтиков: Т. Мур – Жуковский – Пушкин // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2001. С. 146.

вписывается в контекст полемики о судьбе романтического течения современной поэзии.

Общение с западными литературами открывало путь к творческому освоению мирового культурного наследия. Известно, что Пушкин, шутя, называл себя «министром иностранных дел» русской литературы. Интересно в этом смысле, как воспринимали поэта современники:

«<...> то дикарем, то европейцем, то Шекспиром и Байроном, то Ариосто, Анакреоном, но всегда Русским – переходит от лирического к драматическому, от песен нежных, любовных, простых, порой суровых, романтических или язвительных, к важному и безыскусственному тону строгой истории?» [ПСС, XIII, 299, 561].

Имена Скотта, Шекспира, Байрона являлись знаками особой прозаической, драматургической и поэтической традиции, воспринимаемой российской словесностью в период поиска ею собственного неповторимого лица. Факт появления в «Современнике» публикаций, отразивших не только восприятие творческого метода, но и способ не подражательного, конструктивного подхода к достижениям иной культуры, свидетельствовал об особом статусе английской словесности в контексте российской культуры. Важно, что творчество Шекспира, Скотта, Байрона воспринималось в определенный момент как новаторское, разрушающее привычное представление о драматургическом, поэтическом и прозаическом творчестве. Кроме того, что особенно необходимо учитывать при рассмотрении «Современника», английская поэтическая, драматургическая и прозаическая традиция была тесно связана с процессом формирования современных историософских представлений, что нашло отражение в художественной системе Пушкина. В этом смысле «Современник» стал репрезентантом новейшей историософии.

Английский текст в «Современнике» выступает не изолированно. В журнальных материалах прослеживается межкультурное взаимодействие. Не случайно во многих публикациях встречаются словосочетания «англичане и германцы», «английское и французское». Явления основных европейских культур объединяются. Интересно, что в основном это английское и французское, причем именно в таком порядке. Любопытно, что обратный порядок возникает в следующем высказывании:

«Светские самозванцы, пройдохи, шарлатаны являются и во Франции и в Англии, и обманывают народ» [II, 294].

Франция, Англия и Германия осмысляются в «Современнике» как три элемента европейской цивилизации [I, 259]. При этом английская культура воспринимается как объективная и в некоторых случаях первичная по отношению к другим:

«Что изобретет Англичанин, то углубит, расширит и разнесет по всему свету Француз» [I, 310].

Тот факт, что одно из первых описаний истории Наполеона, вызвавшее широкий общественный резонанс, принадлежит английскому романисту, свидетельствует об особой поликультурной атмосфере, царившей в начале XIX в. Книга В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте», появившаяся в России в 1832 г., оказала особое влияние на процесс осмысления роли французского полководца в историческом процессе. Историзм художественного мышления В. Скотта отразился на его историческом труде. Это проявилось в том, что «рассматриваемые в качестве определяющих нравственные ценности (уважение к достоинству, демократизм, терпимость) очеловечивают политический и социальный сюжет истории, ставят проблему нравственной ответственности человека за его деяния, вводят его в контекст связей с историей и этой связью придают частному факту общечеловеческое значение. Фигура Наполеона в книге В. Скотта обретает смысл исторического явления и выражения целой эпохи, начавшейся Великой французской революцией, которая породила страшную противоречивость между провозглашением свободы личности и попранием этой свободы».²¹⁴

Очевидно, что подход к осмыслению исторической фигуры со стороны ее нравственного содержания, культивируемый Скоттом, согласуется с размышлениями Пушкина о специфике и роли исторической личности, которые находят свое отражение в «Современнике», как уже было отмечено, в образе героя времени. В пушкинском журнале книга Скотта мимоходом упоминается в статье П.Б. Козловского «О надежде» [III, 28] и включена в библиографический отдел четвертого тома [IV, 302], однако, безусловно, наполеоновский миф «Современника», как и русской культуры в целом, тесно связан с процессом осмысления труда В. Скотта. «Жизнь Наполеона Бонапарте» была неоднозначно оценена русскими читателями. Интересно, что критически к ней отнесся П.А. Вяземский: объективная позиция Скотта расходилась с его представлениями о романтической личности Наполеона.²¹⁵ В «Современнике» Вяземский дает свой вариант наполеоновской легенды в статье «Наполеон и Юлий Цезарь». Публикация Д. Давыдова «О партизанской войне», появившаяся в третьем томе пушкинского журнала, посвящена как раз тому фрагменту истории войны, который был неудовлетворительно, по мнению автора, описан Скоттом.

²¹⁴ Жиликова Э.М. Книга В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте» и ее русские читатели // Феномен русской классики: Сб. ст. Томск, 2004. С. 144.

²¹⁵ Там же. С. 146–147.

Точкой пересечения французской и английской культур в «Современнике» становится осмысление факта перевода Шатобрианом «Потерянного рая» Мильтона. В четвертом томе в своей статье «Париж (Хроника русского)» Тургенев рассказывает о книге американского писателя-проповедника Вильяма Чанинга о Мильтоне, которую он послал Шатобриану. По словам Тургенева, Чанинг создает в своей статье героический образ Мильтона:

«Чанинг называет его: "the sublimert of men" [великим человеком – Т.Ф.]. <...> Милтон начинал терять зрение, когда сочинял "*Защиту Английского народа*"; его предварили, что он совсем лишится зрения, если будет продолжать писать эту "*Защиту*"; но патриот Милтон предпочел пользу народа зрению, – и лишился его» [IV, 252].

Повышенное внимание к шатобриановскому переводу определяется его (перевода) спецификой. Интерес Пушкина к этому культурному явлению объясняется в статье «О Мильтоне и шатобриановом переводе "Потерянного рая"», которая была написана в конце 1836 г. и предназначалась для первой книги «Современника» 1837 г. Значим сам факт перевода произведения великого англичанина великим французом, который бережно отнесся к факту другой культуры. Кроме того, в контексте «Современника» принципиальное значение приобретает героическая личность английского поэта и декларация уважения к ней. Поэтому неприемлемыми для Пушкина остаются опыты молодых французских романтиков:

«Перевод, изданный Шатобрианом, заглаживает до некоторой степени преступления молодых французских писателей, так невинно, но так жестоко оскорбивших великую тень» [ПСС, XII, 143].

Пушкинская характеристика Мильтона близка к характеристике, данной Чанингом и переданной Тургеневым:

«Не мог быть посмешищем развратного Рочестера и придворных шутов тот, кто в злые дни, жертва злых языков, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал Потерянный Рай» [ПСС, XII, 141].

«Милтон для Пушкина – редкая по целостности, бескомпромиссная натура (недаром его имя часто вспоминается в одном ряду с именем Данте), а потому личность борца и личность творца воспринимаются Пушкиным в неразрывном единстве».²¹⁶ Достойной своего предмета оказывается, по Пушкину, и личность переводчика:

²¹⁶ Соколянский М.Г. Пушкин и Милтон // Соколянский М.Г. И несть ему конца. Ст. о Пушкине. Одесса, 1999. С. 9.

«Уклонившись от палаты перов, где долго раздавался красноречивый его голос, Шатобриан приходит в книжную лавку с продажной рукописью, но с неподкупной совестью» [ПСС, XII, 144–145].

Английский текст внутренне организован и одновременно с этим участвует в организации пушкинского журнала. Диалог между фрагментами английского текста переходит в диалог с другими материалами, организующими пространство «Современника». В этот момент информативный фрагмент английского текста обрастает дополнительными смыслами и становится основой для создания нового информативного и эстетического пласта.²¹⁷ Так, в первом номере в статье «Париж (Хроника русского)» Тургенев сообщает о том, что Ламене переводит «Потерянный рай» Мильтона, упоминая при этом о переводе Шатобриана [I, 291]. В четвертом номере в одноименной статье он, как будто продолжая прерванное размышление, рисует образ великого поэта и гражданина – Мильтона [I, 252]. И практически одновременно с этим Пушкин пишет свою статью, которая, развивая и продолжая мысли Тургенева, поднимает проблемы общекультурного значения.

Основной объем фрагментов английского текста приходится на первый и третий том, и формируются они в большинстве своем вокруг статей «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» и «Письмо к издателю». Например, в своей статье Гоголь говорит о поверхностном понимании Шекспира современными критиками и литераторами [I, 222]. Одновременно издатель располагает в отделе «Стихотворения» сцены из трагикомедии «Скупой рыцарь», а в отделе «Проза» – петербургские сцены «Утро делового человека», которые составляют некую оппозицию и становятся, кроме всего прочего, своеобразным ответом на замечание критика. Оппозиция пушкинского (поэтического) и гоголевского (прозаического) текстов на фоне размышлений о наследии Шекспира задает глобальную проблему соотношения поэтического и прозаического, современного и вневременного в рамках драматического жанра.

²¹⁷ По Лотману: «Искусство возникает не в ряду текстов системы «Я–ОН» или системы «Я–Я». Оно использует наличие обеих коммуникативных систем для осцилляции в поле структурного напряжения между ними. Эстетический эффект возникает в момент, когда код начинает использоваться как сообщение, а сообщение как код, то есть когда текст переключается из одной системы коммуникации в другую, сохраняя в сознании аудитории связь с обеими» (Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб., 2001. С. 174).

Замечание Гоголя о В. Скотте послужило началом «вальтерскоттовского сюжета», получившего последовательное развитие с первого по четвертый номер:

«Вальтер Скотт, этот великий гений, коего бессмертные создания объемлют жизнь с такою полнотою, Вальтер Скотт назван шарлатаном» [I, 199].

По мнению автора статьи, смерть великого шотландца не осмыслена современной критикой. В третьем томе господин А.Б., «автор» «Письма к издателю», отвечает:

«Но смерть Вальтер-Скотта не есть событие литературное; о Вальтер-Скотте же и его романах впадал и не впадал было у нас говорено довольно» [III, 328].

Слова А.Б. становятся сигналом перехода от слова к делу: вместо осмысления факта смерти В. Скотта в третьем томе разворачивается лаборатория романа. В начале прозаического отдела третьего тома помещена статья Одоевского «Как пишутся у нас романы», следом идет статья «Об "Истории Пугачевского бунта"», потом «Анекдоты» и «Отрывок из неизданных записок дамы», в котором героиня сетует:

«В прозе имеем мы только "Историю Карамзина"; первые два или три романа появились два или три года назад: между тем как во Франции, Англии и Германии книги одна другой замечательнее следуют одна за другой» [III, 200].

Ответом на это замечание становится «Капитанская дочка». Композиционное кольцо замкнулось. Гений В. Скотта встречается с гением Пушкина.

Таким образом, английский текст имеет большое содержательное значение и играет особую роль в организации композиции пушкинского журнала. Наряду с другими европейскими текстами он позволяет издателю «Современника» обозначить проблему просвещения и дальнейшего развития российской культуры в общекультурном пространстве. Проблема «всечеловеческой отзывчивости» Пушкина почти документально конкретизируется на страницах его журнала.

2.2. Проблемно-тематические тексты «Современника»

2.2.1. Научно-библиографический текст

Как уже было отмечено ранее, на страницах «Современника» границы собственно литературного дискурса размываются, происходит взаимопроникновение художественных и нехудожественных текстов, что подчеркивается отсутствием жесткой рубрикации даже в оглавлении: отдел «Проза» не подразделяется на научные, публицистические и художественные тексты, а в самом журнале художественная проза соседствует с поэтическими произведениями, научно-техническими статьями и критическими разборами.

Основная цель журнала посредническая, при этом его коммуникативная стратегия – это стратегия воздействия на читателя. Разнообразные журнальные материалы синтезируются за счет общей идейной установки на формирование целостного образа фрагмента действительности. Одной из таких объединяющих идейных установок в «Современнике» стала идея просвещения и образования. Место научной проблематики, обозначившейся в пушкинском журнале, определено возросшим в начале XIX в. общим интересом к научно-техническому прогрессу и интенсивными размышлениями над проблемой просвещения и образования нации. В этом смысле формат научной проблематики в пушкинском журнале определен более ранними раздумьями над ней самого издателя и его современников.

Журнал пронизан мыслью о необходимости всеобщего образования, но именно в научно-библиографическом тексте она проступает наиболее очевидно. Включение библиографического пласта в разговор о научно-образовательном компоненте «Современника» вполне оправдано. Сохраняясь на протяжении четырех номеров, библиографический отдел «Новые книги» выполняет функцию современного мобильного средства образования. Прежде всего, интересно название этого регулярного отдела «Современника», которое находится в жесткой взаимосвязи с названием журнала. Слово «новые», с одной стороны, обозначает время выхода в свет указываемых книг, с другой – несет представление об их злободневности, о том, что появление этих книг спровоцировано современными настроениями и проблематикой.

Известно, что источником сведений о новых книгах для Пушкина были столичные магазины. Можно также предположить, что новости об иностранных изданиях он мог получать от А.И. Тургенева. Однако нельзя сказать, что библиографический список, представленный в «Современнике», был полным. Скорее всего, он не отражал во всей полноте библиографическую картину данного периода времени, однако при этом он был достаточно показательным в плане основных направлений книгопечатной продукции. В каком-то смысле отдел «Новые книги» также является документом эпохи, что позволяет ему быть логичным продолжением концепции всего журнала: все книги, описание которых приводится в библиографическом отделе, реально существовали и в совокупности являлись фрагментом современной литературной, научной жизни. Интересно, что полное название библиографического отдела во втором томе звучит как «Новые русские книги, вышедшие с апреля месяца 1836 года», а в четвертом – «Новые книги, вышедшие с октября месяца 1836 года», цензурное разрешение на выход второго и четвертого томов выдано 30 июня 1836 г. и 11 ноября 1836 г. соответственно, таким образом, библиографический отдел «Современника» являлся поставщиком самой оперативной информации.

В первом томе «Новые книги» завершаются концептуальным примечанием:

«Вот книги, вышедшие в продолжении первой четверти сего года. О большей части их мы ничего не говорили, потому что о них решительно ничего нельзя сказать. Иные по значимости своей требуют особаго разбора. **Иные, взятые отдельно, не принадлежат собственно к Словесности, которой преимущественно посвящен журнал наш, но, будучи сложены в общий итог книг, входят таким образом в область Литтературы и в этом отношении получили здесь место.** Из сего реэстра книг ощутительно заметно **преобладание Романа и Повести, этих властелинов современной Литтературы.** Их почти вдвое больше против числа других книг. Безпрерывным появлением в свете они, не смотря на глубокое свое ничтожество, свидетельствуют о **всеобщей потребности.** История заглядывает урывками в Русскую Литтературу. Капитальных и больших Исторических сочинений нет ни в переводах, ни в оригиналах. На Статистику и Экономии одни намеки. Даже в значениях практических, не вторгавшихся в быт Литтературный, заметно тоже мелководие» [I, 318–319].

Очевидно, что в этом послесловии, во-первых, обозначен принцип отбора опубликованных книг для рецензии – по значимости. Во-вторых, здесь дано четкое определение понятия литературности, которое включает в себя комплекс нехудожественных книг. В-третьих, сформулирована мысль о превосходстве прозаических жанров, причем, что принци-

пиально для идейного комплекса «Современника», это превосходство обозначено не как отвлеченная идея, а как «всеобщая потребность». Ряд негативных оценок, достаточно жестко выраженных короткими фразами, отражает доминантные проблемы, даже пробелы, по возможности компенсируемые публикациями пушкинского журнала: недостаточное внимание современных литераторов к проблемам историческим, научным, прикладным.

Повышенное внимание издателя к книжной продукции современности обусловлено профессионализацией творческого процесса, стремительным развитием книгопечатания. Литературное творчество и литератор как субъект творческого процесса рассматривались с новой, социальной, позиции: «<...> писатель распространяется по классовой территории, появляется в различных социальных прослойках»²¹⁸. Библиографические описания, вошедшие в «Современник», становятся яркой иллюстрацией данной тенденции: авторами и составителями книг являются штаб-лекарь, генерал, астроном, доктор, крестьянин, священник, любитель цифр, актер и др. Одновременно развитие книжной торговли и процесс профессионализации литературного труда ставили на повестку дня вопрос об общественном значении книги, влиянии на читателя печатного слова и в то же время о характере его потребностей. Ведущие литераторы начинают осознавать, говоря современным языком, необходимость учета социального заказа. Все это в свою очередь провоцирует размышления об образовательном, просветительском потенциале книги, о необходимости распространения «вкуса к чтению»²¹⁹, при этом в качестве требования времени видится распространение просвещения в различных областях знания, а ликвидация русской технической отсталости понимается Пушкиным как одна из важнейших задач национальной культуры.

Материал Приложения 5 позволяет представить объем научных публикаций «Современника» и характер научно-технической библиографии (59 названий из 215), вошедшей в «Новые книги». Даже неполный перечень библиографических описаний позволяет выделить основную особенность представленных новых книг: большинство из них имеют явную прикладную направленность. Так, наиболее часто в названиях встречается слово «руководство»: «Руководство к познанию...», «Руководство к изучению...», большое распространение получают карманные книжки, удобные в повседневном использовании, и сокращен-

²¹⁸ Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция: Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 2001. С. 234.

²¹⁹ Там же. С. 222.

ные варианты курсов различных наук: «**Ручная** математическая энциклопедия», «Земледельческий календарь, или **Ручная книга** для земледельца-практика», «**Карманная книга** для егерей и охотников», «**Карманный словарь** с французского на русский язык и обратно», «**Основания физики**», «Руководство к **сокращенному** познанию всех наук, искусств и художеств», «**Начальные сведения** в практической музыке», «**Краткое руководство** к гомеопатическому лечению», «**Краткое изложение** анатомии растений» и т.п.

Важно, что одновременно с энциклопедическими изданиями и словарями, которые изначально нацелены на читателя любого уровня образованности, указываемая научная литература сугубо практическая, она предназначена для неспециалистов, более того, для людей, часто не имеющих академического образования: «Таблицы логарифмов чисел и тригонометрических линий, с **объяснением** их употребления в астрономии, гномонике, геометрии и пр.», «**Практический домашний лечебник**, или врачебные наставления, руководствующие к лечению болезней простыми домашними и испытанными средствами, **без помощи врача**, в пользу помещиков и живущих в деревнях» и т.п.

Важнейшим компонентом библиографического описания становится указание адресата того или иного издания, что особо подчеркивает их прикладной характер: «Вспомогательная книга для **помещиков и сельских хозяев**», «Руководство для **родителей**, желающих определить детей своих в военно-учебные заведения», «Письмовник новейший, или полный домашний секретарь для **всех сословий**», «Картины мира, или полезное и приятное **чтение для юношества**». Таким образом, материал отдела «Новые книги» становится иллюстрацией мысли о популяризации различных видов знания, которая высказана в программных статьях пушкинского журнала, ставших идейным и структурным каркасом научно-библиографического текста пушкинского «Современника» (см. Приложение 5).

Идея всеобщего просвещения и популяризации научных знаний ярко обозначена в статье «Императрица Мария»:

«<...> возражения исчезают, когда сообразишь безчисленное множество поступающих в заведения сии, [Организуемые императрицей Марией – Т.Ф.] **безконечную разность в состояниях и способностях** этих лиц и **равенство их прав на одинаковое воспитание** <...>» [I, 7].

В ней поднимается важнейшая для современности проблема развития женского образования:

«В разных заведениях, пользовавшихся неусыпным Ея надзором, сколько тысяч молодых особ обоего пола образовалось в продолжение сорока лет! И

преимущественно воспитание девиц, столь тщательное и во всех отношениях примерное, во скольких семействах утвердило добрые нравы и настроило души к новой прекрасной жизни!» [I, 5–6].

Манифестом, пропагандирующим научное образование, становится статья Козловского «Разбор Парижского математического ежегодника на 1836 год», в центре которой осознание необходимости сделать науку «общественною и **полезною**» [I, 243], при этом «обращаться к **многочудству**, говорить языком для него **понятным**, возражать и удовлетворять **во всех состояниях** жажду к **полезным** познаниям» [I, 244]. Сам автор в статье третьего тома «О надежде» стремится так объяснить теоретические постулаты, чтобы его понял даже ребенок [III, 20]. Польза и удовольствие определяют отношение к научным изысканиям, это ярчайшее веяние времени:

«Первейшие Профессоры математических и физических наук стараются поместить в оном ["Парижском математическом ежегоднике" – Т.Ф.] **занимательнейшую** статью, принимая в соображение и **потребность вкуса**, изъясненную в прошедшем году, и **нужду времени**» [I, 251].

В статье «Государственная внешняя торговля...» с позиции пользы и удовольствия рассмотрены статистические таблицы:

«<...> уже более десяти лет подобные таблицы раскрывают движение внешней торговли России, <...> сколько **важных, полезных, занимательных** выводов представится сведущему наблюдателю, когда он имеет довольно прозорливости, опыта и знаний, чтобы уразуметь эти цифры и провидеть в них изображение народного богатства с его способами и потребностями!» [III, 268].

Формат книги, так же, как доступное ее содержание, становится важным аспектом в деле распространения знания, причем, это дело не только будущего и связано оно не только с молодыми людьми:

«Большая часть сих владетелей уже люди пожилые, которые оставили службу, дабы умножить доходы своих наследственных имений. Если бы науки естественные все еще заключались в толстых Латинских фолиантах, или зависели от формул высокого анализа, мы со всем нашим усердием не осмеливались бы побуждать их к предприятію таких трудов, к которым, увы! единая молодость способна; но благодаря новому направлению Европейскаго просвещения, библиотека их может состояться из 50 или еще менее **томов in 8°**, на прочтение коих два года могут быть достаточны, **без всякой помощи учителя**. Ободренные первым чтением таковых книг <...>, **они привыкнут их читать, так сказать, без остановки**, как некоторые любимые романы, с тою еще выгодою, что не найдут в оных отравительной пищи народным ненавистям, а напротив, поощрение любит все человечество» [I, 249–250].

К слову, позиция Козловского более оптимистична, по сравнению с позицией Одоевского в статье «О вражде к просвещению», обвинявшего пожилых помещиков в косности и лени.

Очевидно, что в понятие «просвещение» для авторов «Современника» входит осознание важности развития разнообразных научных отраслей. Первая треть XIX в. отмечена возросшим интересом к точным наукам. Концепция научного текста, получившая воплощение в «Современнике», основана на размышлениях Пушкина и других авторов над проблемой соотношения наук и литературного творчества. По точному замечанию М.П. Алексеева, Пушкин «приветствовал русский технический прогресс как сумму завоеваний цивилизации, которые неизбежно послужат ко благу родной страны и народа. <...> Она [Наука – Т.Ф.] предстояла перед ним как единое, мощное орудие, оказывающее существенную помощь творческому восприятию действительности»²²⁰. Характерно в этом смысле высказывание Козловского:

«Таким образом он [Профессор – Т.Ф.], не только давал невидимо геометрическое направление их уму, но и **облагороживал дух**, показывая, что и их смиренное назначение в жизни сцепляется с самыми высокими предметами мудрости человеческой» [I, 245].

Весь пафос просвещения, пронизывающий пушкинский журнал, концентрируется в представлении, во-первых, о долге людей ученых и талантливых трудиться на благо просвещения нации, во-вторых, об органичном сочетании различных отраслей знания, прежде всего это касается плодотворного взаимодействия представителей наук и людей творческих:

«Ибо честь и жизнь Литтературного общества тогда только возможны, когда **оно привлекает к себе все роды знаменитостей, узаконенных публикою**. Это различные формы, в которых является состояние искусства в какой либо нации. Не все приходят вдруг и не всякий принимает в этом деле одинакое с другими участие; **строгому вкусу, глубокой учености должно быть место возле смелого таланта**; возле людей, посвятивших себя Словесности для самой словесности, должны быть люди, для которых оно лишь средство действия на трибуне, в суде и в театре. **Все эти различные роды соприкасаются один к другому и соединяются: сие-то самое смешение и составляет характер Академии**» [II, 51].

Принципиально, что прикладной характер знаний и творчества, в данном случае литературного, наравне с собственно научным подходом декларируется как основная сфера интересов Академии Наук.

²²⁰ Алексеев М.П. Пушкин и наука его времени (разыскания и этюды) // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. I. С. 125.

«Современник» пропагандирует развитие академического, т. е. научного, и энциклопедического мировоззрения. В этом смысле весьма показательны статьи «Российская Академия» и «Французская Академия». В первой статье важное место занимает краткая история Академии в России. Принципиальную роль в становлении русского академизма играет XVIII столетие. Важен для Пушкина список трудов Академии, ставший реальным результатом ее деятельности: «Полный словарь русского языка», «Грамматика российская», «Сочинения и переводы Академии», «Словарь, расположенный по азбучному порядку», «Перевод летописи Тацитовой». Принципиально появление серийных академических изданий: «Известия Академии» – 11 книжек (1815–1823), «Повременное издание» – 4 части (1829–1832), «Краткие записки» – 3 книжки (1834–1836). Они становятся воплощением движения научной мысли. Большое внимание автором статьи уделено созданию словаря русского языка, что, думается, символизирует единение научного подхода с культурными ценностями, основной из которых является национальный язык. Академия – высший законодательный и охранительный орган науки, на ней лежит огромная ответственность. Так, устав Академии гласит:

«Академия есть **страж языка**; и потому должно ей со всевозможною к общей пользе ревностью вооружаться против всего несвойственного, чуждаго, невразумительного, темного, *нечестивого* в языке» [II, 11].

В комплексе программных статей «Современника» последовательно и полемически звучит мысль о том, что старый язык литературы отмирает. Пушкин в различных статьях требует наличия мысли, идеи в любом словесном произведении, с этим связана и его разработка «метафизического» языка. При этом «метафизический» понимается как интеллектуальный, отвлеченный, относящийся к сфере глубоких идей, богатый мыслями.²²¹ Развитие метафизического языка неизбежно связывалось издателем «Современника» с формированием прозаических жанров:

«<...> русской метафизической язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться, наподобии французского (ясного точного языка прозы – т. е. языка мыслей)» [ПСС, XIII, 187].

Рецензии на новые книги во многом заостряют научно-просветительскую проблематику «Современника». Рецензируемых книг в пушкинском журнале немного (см. Приложение 6), однако краткие комментарии к новым книгам концептуально поддерживают материалы

²²¹ Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1999. С. 41.

основного текста журнала, как это уже отмечалось в связи с издательским текстом и образом героя времени.

Так, в рецензии на «Словарь о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых», размышляя над достоинствами разбираемой книги, издатель «Современника» прежде всего акцентирует внимание на научности подобных трудов. Здесь Пушкин в очередной раз поднимает проблему развития языка науки. При этом образцом и показателем развития метода научного описания, как и в статье «Российская Академия», служит словарь. С этой позиции «Словарь о святых» получает достаточно высокую оценку:

«Слог издателя должен будет служить образцом для всех ученых словарей. Он **прост полон и краток**» [III, 313].

Вторым неоценимым достоинством рецензируемого словаря, по мнению издателя «Современника», является его прикладная ценность, которой, что принципиально, не отменяется его научная значимость:

«Издатель "Словаря о святых" оказал важную услугу Истории. Между тем книга его имеет и **общую занимательность**: есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чье имя носят от купели до могилы, и чью память празднуют ежегодно. Не дозволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не дивиться крайнему их нелюбопытству» [III, 314].

Очевидно, что книги, как общепросветительской направленности, так и научно-технического содержания, привлекают особое внимание издателя. Не случайно среди новых изданий, планируемых к разбору, «История поэзии. Чтения Адьюнкта Московского университета, Степана Шевырева. Том первый, содержащий в себе историю поэзии индейцев и евреев, с приложением двух вступительных чтений **о характере образования и поэзии главных народов новой Западной Европы**», «Михаил Васильевич Ломоносов» К. Полевого, «Статистические сведения о С. Петербурге», «Основное начертание общей и частной физиологии или физики органического мира». Кроме того, в небольших рецензиях сконцентрирована основная проблематика научного текста: по словам Гоголя, книга «Плавание по Белому морю в Соловецкий монастырь» содержит «несколько **занимательных** замечаний о северной природе» [I, 304], хранящей память историческую:

«Желательно было бы слышать более о сем угрюмом и знаменитом в наших летописях монастыре, где древле томились в заточении наши опальные Патриархи и Святители» [I, 304].

Книга «Путешествия вокруг света» привлекательна для рецензента своей явной занимательной направленностью, она способна привлечь читателя, в том числе и своей дешевизной, и при этом она полезна для его развития:

«Оно [Издание – Т.Ф.] **замечательнее** других потому, что **полезнее**. Это свод всех путешествий, изображение всего мира в его нынешнем географическом, статистическом и физическом состоянии, словом, **книга, более всего находящая себе читателей, потому что путешествие и рассказы путешествий более всего действуют на развивающийся ум**» [I, 310].

Так, и в библиографическом тексте обозначена проблема массовой, в значении доступной, и одновременно просвещающей словесности.

Академия должна быть законодателем вкуса, любое ее действие или слово, в ее стенах произнесенное, может повлиять на дальнейшее культурное развитие страны. Не случайно Пушкин в статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» осуждает Лобанова в том числе и за упоминание на заседании Академии предмета, не достойного ее:

«При сем случае своды Академии огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгения Сю и прочих. <...> Не в праве ли будут они гордиться такой честью неожиданной, неслыханной в летописях Европейских академий, где доселе произносились имена только тех из живых людей, которые воздвигнули себе вековые памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академии безмолвствовали о других). Критическая статья Английского аристарха напечатана была в журнале; там она заняла ей приличное место, и произвела свое действие. У нас *Библиотека* перевела ее, и хорошо сделала. Но тут и надлежало остановиться» [III, 96–97].

Важно, что термин «академический», неоднократно появлявшийся в «Современнике», употребляется не только как обозначение принадлежности к Академии:

«В.А. Паленов прочел *Краткое Жизнеописание И.И. Лепехина* первого Непременного Секретаря Российской Академии: статью дельную, полную, прекрасно изложенную, словом, **истинно академическую**» [II, 12].

То же значение этого термина проявляется при характеристике статьи Лобанова, но оно уже отмечено другой модальностью:

«Г. Лобанов заблагоразсудил дать своему мнению форму неопределенную, **вовсе неакадемическую**: это краткая статья, в роде *журнальных отметок*, помещаемых в *Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду*» [III, 94].

В этих фрагментах, по сути, речь идет о жанре научной статьи, разработка которого воспринималась издателем «Современника» как одна из актуальнейших проблем современности.

Наряду с проблемой академизма, энциклопедизм как одно из отражений стремления к всеобщей образованности в разных областях знания становится логичным компонентом научно-библиографического текста «Современника». Здесь очень важен опыт XVIII в. – века развития энциклопедизма. Совершенно закономерно в этой связи обращение к личности Ломоносова, по отношению к которому обозначена проблема сочетания в одной личности таланта ученого и поэта:

«<...> у Ломоносова оспаривали (весьма неосновательно) титул поэта, но никто, нигде, сколько я помню, не называл его педантом: напротив, ныне вошло в обыкновение хвалить в нем мужа ученого, унижая стихотворца» [III, 102].

Энциклопедия – универсальный, доступный источник разнообразных сведений – символ просвещения нового времени, возможности сочетания знаний из различных областей. Не случайно одним из высших достижений современной британской науки Пушкин считает создание «Британской энциклопедии». Библиографический отдел «Современника» содержит описание двух энциклопедических изданий: «Ручная математическая энциклопедия», «Энциклопедический альбом, заключающий в себе собрание разных любопытных сведений и исторических обозрений наук, художеств, торговли и проч.». Кроме того, важно появление множества книг, являющихся справочниками различного рода: «Собрание рифм по алфавиту», «Атлас космографии», «Указатель губернских и уездных почтовых дорог в Российской империи», «Полная ручная кухмистерская книга», «Торговый адрес календарь, или Всеобщий коммерческий указатель Российского государства на 1836», «Каталог историческим памятникам», «Всемирная панорама, или Галерея привлекательнейших видов, ландшафтов, памятников и развалин». Знаменательно само по себе такое разнообразие предметов, подвергнутых научному описанию. Характерно для эпохи и стремление выйти на обобщающий уровень, обозначить целостную картину состояния дел в той или иной сфере деятельности. При этом знакова прагматическая направленность этих научных обобщений.

Статьи П.Б. Козловского «Разбор Парижского математического ежегодника на 1836 год» и «О надежде», В. Золотницкого «Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В.Г. и напечатанное по высочайшему соизволению», Г.П. Небольсина «Государственная внешняя торговля 1835 года в разных ее видах» внесли магию формул и цифр на страницы пушкинского журнала. Перед читателем

открылась лаборатория современного научного языка, главными требованиями для которого стали доступность и ясность. Развитие науки, а главное, приложение ее достижений к практической деятельности – необходимое условие процветания страны:

«<...> ошутительная прибыль, происходящая **от приспособления науки к ремесленности**, особенно с тех пор, когда паровые машины подвинули Англию на высоту непостижимую для других Европейцев: все сие побудило там целое общество ученых <...> выдавать постепенно курсы разных частей науки, под названием *Britisch Cyclopedia*» [I, 245].

Прогрессивный подход к просвещению трактуется авторами «Современника» с прагматических и демократических позиций:

«Полный объем предметов не в противоречии с бережливостью времени; **теория не препятствует изучению практическому; удаление от света не закрывает жизни**» [I, 8].

В своей статье «Париж (Хроника русского)» в том же томе А.И. Тургенев углубляет эту идею, говоря о необходимости интеграции технического знания и гуманитарных наук:

«Энциклопедический взгляд не мешает *специальности*, и с тех пор, как я справляюсь об успехах машин и о газе, я лучше сужу о Людовике XIV и о Петре Великом» [I, 264].

Пласт научной терминологии, особая поэтика научных публикаций вносят иные принципы организации материала, по сравнению с чисто литературными текстами: в журнале появляются таблицы, формулы, графики. Научно обоснованные сведения, фрагменты математических расчетов усиливают документальную природу «Современника», органично вписываясь в ткань всего журнала.

Таким образом, научный текст в «Современнике», конденсируя научно-технические и публицистические статьи, критические разборы, художественные произведения, в которых формулируются магистральные идеи современности, становится одним из идейных центров, организующих пространство пушкинского журнала.

2.2.2. Исторический текст «Современника»

Выделение исторического текста в рамках разговора о «Современнике» – едином тексте – необходимый этап данного исследования. Пушкин 1830-х гг. – это художник со сложившейся философией истории, собственным представлением о принципах, особенностях исторического развития. Его размышления, отразившиеся в ряде поэтических и

прозаических произведений, нашли свое воплощение и в журнальной форме. Думается, именно историософский пласт наиболее убедительно отражает степень единства четырех томов «Современника». Однако следует отметить, что при всей важности историософского текста ощущается определенная трудность в его описании, т. к. все предыдущие размышления о пушкинском издании были основаны на исторических представлениях Пушкина и сотрудников его журнала, начиная с концептуальности названия и заканчивая ментальным и научно-библиографическим текстами.

В работе понятия исторический и историософский будут выступать в качестве синонимов, что, думается, вполне оправдано, т. к. рассмотрение исторических проблем «Современника», безусловно, определяется комплексом идей и представлений авторов журнала и прежде всего его издателя. Здесь отразился характерный для эпохи в целом процесс сближения исторических изысканий с философией. По Пушкину, раскрытие глубинного смысла исторических явлений невозможно без освещения их «светильником философии»²²². Следовательно, подход Пушкина к истории определялся далеко не только интересом к конкретному событию, а скорее теоретическими принципами, методологией исторического исследования. В основе пушкинского исторического метода самим им сформулированное понятие «исторической совести»²²³, которое сочетается с осознанием необходимости рассматривать «прошлое и настоящее в единстве истории, воспринимать их в реальном свете, видеть их такими, какие они есть, со всеми трагическими противоречиями»²²⁴. Историческое описание немыслимо без достоверного фактографического материала. В этом смысле не раз отмечаемая подчеркнутая документальность публикаций пушкинского журнала способствует созданию и исторического пространства «Современника».

Примером работы историка с фактическим материалом может служить опубликованная в третьем томе «Современника» статья Пушкина «Об "Истории Пугачевского бунта"», в которой ответы на замечания критика Броневского базируются прежде всего на знании документальных источников:

«В 1773 и 74 году войсковым атаманом Донского войска был Семен Сулин (а не Силян) <...>. У меня было в руках **более пятнадцати указов** на имя вой-

²²² Тойбин И.М. Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830 годов. Воронеж, 1980. С. 19.

²²³ Любомудров А. «Да ведают потомки...» // Литературная учеба. 1987. № 3. С. 166.

²²⁴ Тойбин И.М. Указ. соч. С. 56.

скового атамана Семена Сулина и **столько же докладов** от войскового атамана Семена Сулина» [III, 114];

или:

«Показания мои извлечены из **официальных, неоспоримых документов**» [III, 117].

Еще Б.В. Томашевский, говоря о природе пушкинского историзма в 1830-е гг., подчеркивал, что «было бы ошибочно истолкование пушкинского историзма как результата индивидуального роста его творческих сил»²²⁵. Исследователь справедливо говорил о синтетической природе историзма Пушкина как своеобразной «формы времени»: «Пушкин присвоил своим созданиям и индивидуализировал то, что было свойственно сознанию его современников»²²⁶. Автор книги «Пушкин и Франция» среди главных источников этого процесса выделяет романы Вальтера Скотта и труды «Новой школы французских историков», имея в виду произведения Гизо, Минье, Тьера, мадам де Сталь, Баранта, обширное издание в 23 томах «Собрание мемуаров, относящихся к Французской революции» под редакцией Барвиля и Баррера.

Этот синтез принципов исторической романистики, мемуарной документальности и методологических основ историософии определил масштаб пушкинской мысли. Его историософская концепция обладала мощью мысли, силой факта и зримостью образов. «Грядущее прошлое» как историософема и «грядущего волнуемое море» как поэтизм неразделимы в пушкинском сознании. Нарратология, получившая свое обоснование в работах французских историков эпохи Реставрации, прежде всего Баранта²²⁷, базирующегося на открытиях романистики В. Скотта, конкретизировалась в поисках Пушкина эпохи «Современника». «История Пугачевского бунта» и «Капитанская дочка», «История Петра» и цикл произведений, посвященных петровскому времени, сопрягаются в его творчестве 1830-х гг. как различные варианты нарративной поэтики и историософской концепции.

²²⁵ Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. С. 190.

²²⁶ Там же. С. 190.

²²⁷ Именно Амабль Гийом Проспер де Барант – один из основоположников нарративного метода в историософии, автор многотомной «Истории Бургундских герцогов дома Валуа», которая имела в библиотеке Пушкина (См.: Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 148. № 573), с которым Пушкин встречался в России (См.: Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. С. 72), в ряду других французских историков Реставрации «обогащает его исторические и социально-политические концепции» (Там же. С. 96).

В этом смысле «Современник» явился своеобразным общественным репрезентантом этого индивидуального творческого процесса и лабораторией нового историософского мышления. На страницах журнала писатели пушкинского круга выявляли антропологические принципы новой историософии. «Самостоянье человека – залог величия его», «Оставь герою сердце; что же / Он будет без него? Тиран!» – эти пушкинские поэтические максимы отчетливо проявили данные тенденции. Пушкин-историк и Пушкин-поэт идут рука об руку.

Подход к истории, по определению Пушкина, к «историческим сокровищам» [III, 128], как к современности других эпох, т. е. событиям, некогда имевшим место, стремление представить минувшее, руководствуясь фактическим материалом, в основе исторического метода Пушкина²²⁸, в этом смысле не случаен его упрек Броневскому:

«Что касается до преданий, то если оныя, с одной стороны, драгоценны и незаменимы, то с другой, я по опыту знаю, сколь много требуют они строгой проверки и осмотрительности. <...> Предания, собранные им [Броневским – Т.Ф.], не дают его рассказу печати живой современности, а показания, на них основанные, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны» [III, 129].

На страницах «Современника» история предстает в своей диалектике. Авторами журнала совершенно в духе времени делается попытка сформировать философию истории, историософский взгляд на ключевые моменты национального и мирового развития. При этом важно, что для Пушкина исторический труд – это не столько субъективный мир историка, созданный им на материале истории, сколько поиск в глубинах истории того, что там действительно есть.²²⁹

Не последнюю роль в формировании общих историософских представлений на страницах «Современника» играют рецензии отдела «Новые книги». В библиографическом отделе первого тома, включающем наибольшее количество рецензий (см. Приложение 6), историческая проблематика заявлена наиболее ярко. Одна из самых объемных рецензий посвящена «Историческим афоризмам» Погодина.

Погодинские «Афоризмы» гармонично входили в контекст историософской проблематики эпохи, в центре которой вопросы о смысле истории, степени влияния действий и поступков конкретных людей на ход истории, вопрос о возможности / необходимости учитывать уроки истории. Это были коренные вопросы, волнующие просвещенную часть об-

²²⁸ Говоря об историческом тексте «Современника», за основу принимаем историософские взгляды его издателя, т. к. комплекс публикаций, отразивший, в частности, методологию исторического описания, принадлежит перу Пушкина.

²²⁹ Тойбин И.М. Пушкин и философско-историческая мысль в России... С. 67.

щества, выраженные языком философии истории.²³⁰ Центральная для «Современника» проблема человека в истории находит свое отражение и в гоголевской рецензии на книгу Погодина. Автором представлено особое погодинское видение исторического процесса, явно пересекающееся с проблематикой пушкинского журнала:

«Он первый у нас сказал, что "История должна из всего рода человеческого сотворить одну единицу, **одного человека, и представить биографию этого человека**, во всех степенях его возраста; что многочисленные народы, жившие и действовавшие в продолжении тысячелетий, доставят в такую биографию, может быть, по одной черте. Черту сию узнают великие историки"» [I, 296].

Очевидно, что для концепции «Современника» принципиально важен этот мотив исторической биографии и конкретной биографии в истории, хотя субъективизм историософских воззрений Погодина был не в полной мере близок Пушкину. Любопытно, что сам автор «Афоризмов» представлен в рецензии как человек замечательный, его личность окружена той же аурой необычности и неценности по достоинству, которая характерна для многих героических личностей эпохи:

«Г. Погодин во многих отношениях есть лице **примечательное** в нашей Литературе. Он уединенно стоит среди писателей наших, **не привлекая благорасположения большинства**. Но из всех, посвятивших себя истории, он более всего останавливает на себе внимание» [I, 296].

Оценка труда Погодина сделана с позиций, интересующих авторов «Современника»:

«Изданная ныне книжка заключает отдельные мысли и замечания, записанные им в разное время. Эти мысли помещены без всякого порядка; выражены не всегда ясно. **Но в них ощутительно стремление к общим идеям. Границы, им начертанные для истории, обширны**» [I, 298].

Отмеченный Гоголем недостаток – необработанность, невыстроенность, отрывочность «Афоризмов» – в контексте «Современника» превращается в явное достоинство, т. к. подчеркивает их документальный, живой характер.

Цитаты из погодинского труда также отражают историософию всего журнала, важно, что Гоголь представляет фрагменты, связанные с «историей вообще», т. е. фрагменты теоретические. Так, например, Погодин пишет:

«**Историю надо возстановлять**, (restaurare), как статую, найденную в развалинах Афин, как текст Виргилиев в монастырском списке» [I, 298].

²³⁰ Тойбин И.М. Пушкин и философско-историческая мысль в России... С. 15.

Эта позиция очень близка пушкинскому представлению о труде историка, который должен восстанавливать историческое событие, а не переносить свои личностные представления на факты исторические.

Восприятие записок, воспоминаний конкретного участника событий как факта исторического также находит отражение в рецензиях на «Новые книги». В этом смысле показательна рецензия на «Походные записки артиллериста»:

«Доныне, если бывший в Париже офицер, уже ветеран, уже во фраке, уже с проседью на голове, станет рассказывать о прошедших походах, то около него собирается любопытный кружок. **Но ни один из наших офицеров до сих пор не вздумал записать свои рассказы в той истине и простоте, в какой они изливаются изустно.** То, что случалось с ними, как с людьми частными, почитают они слишком неважным, и очень ошибаются. **Их простые рассказы иногда вносят такую черту в Историю, какой нигде не дороешься.** Возмите, на пример, эту книгу: она **не отличается блестящим слогом и замашками опытного писателя; но все в ней живо и везде слышен очевидец**» [I, 305].

В этом небольшом комментарии сконцентрированы понятия, во многом легшие в основу организации проблемно-тематического пространства «Современника»: очевидец – простые рассказы – история.

Рецензия на книгу «Письма Леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе в царствовании императрицы Анны Иоанновны» поддерживает этот пафос:

«Книжка замечательная. Леди Рондо **пишет** к приятельнице своей о себе, о своих чувствах, **о том, что замечательно для нея одной, но мимоходом задевает и историю.** Несколько беглых слов **о Петре II, об Императрице Анне Иоанновне, о Бироне,** прибавляют новые черты к их портретам» [I, 309].

Снова явлено значение частных замечаний очевидцев, при этом формирование образов исторических личностей зависит от этих часто случайных, сделанных мимоходом, но при этом отражающих реальные исторические события замечаний их участников.

К этим двум рецензиям логично примыкают и замечания по поводу выхода первой части воспоминаний Н. Дуровой «Кавалерист-девица, происшествие в России», опубликованные в четвертом томе «Современника». Очевидно, что выход данной книги не мог быть оставлен без внимания. В своем кратком замечании Пушкин в очередной раз проговаривает основные достоинства текстов подобного типа:

«Читатели "Современника" видели уже отрывки из этой книги. Они оценили без сомнения **прелесть этого искреннего и небрежного рассказа**, столь да-

лекаго от авторских притязаний, и простоту, с которой пылкая героиня описывает самые необыкновенные происшествия» [IV, 303].

Итак, важнейшими факторами, организующими пушкинский журнал, являются, во-первых, образ героя времени – персонифицированное историческое начало, во-вторых, временной вектор – история / современность, в-третьих, пространственный вектор – ментальный аспект истории. Таким образом, единство историософского текста обеспечивается взаимосвязью выделенных аспектов: личность, эпоха, культура; за счет этого триединства и формируется историософский хронотоп журнала.

В Приложении 7 представлена систематизация основных материалов «Современника» по принципу их временной отнесенности. Выбор именно этого основания для классификации обусловлен, во-первых, его наибольшей репрезентативностью, во-вторых, возможностью представить не менее важные составляющие историософского хронотопа, определенные как «личность и культура». Необходимо отметить, что распределение материалов журнала по заданным в них историческим периодам все же является достаточно условным. Эта условность связана прежде всего с тем, что классификация отнесенности той или иной публикации к определенному периоду может быть затруднена. Так, принадлежность событий «Капитанской дочки» ко времени пугачевского бунта – к XVIII веку – усложняется пересечением с по-своему так же исторической датой: 19 октября 1836 г. – днем лицейского братства, дружбы и единения, что делает «Капитанскую дочку» очень современной. Предельно современные хроники недавних заседаний академий в статьях «Российская Академия» и «Французская Академия» в то же время тесно связаны с именами Фонвизина, Екатерины II и др. Таких примеров множество. В случаях наиболее явно обозначенной связи времен, событий, героических образов одна и та же публикация появляется в нескольких столбцах таблицы, отвечающих за разные исторические периоды.

Так, например, очевидно сквозной характер, с точки зрения исторической последовательности, имеет статья Розена «О рифме», кроме того, именно в ней явно обозначен ментально-исторический аспект при рассмотрении конкретного явления: эволюции рифмованного стиха. Представляется совершенно оправданным включение в историософский текст «Современника» материалов, казалось бы, напрямую не связанных с историческими событиями, речь идет прежде всего о литературно-критических публикациях, т. к. для Пушкина «вопрос об исторических судьбах России в том, что несет она миру, был неотделим от дру-

гого вопроса: каковы место и роль русской литературы в эстетическом опыте человечества, в чем ее национальное своеобразие»²³¹.

«Современник» насквозь историчен, т. е. проникнут осознанием историчности самой современности. Для пушкинской философии истории и для «Современника» очень важно соположение времен, событий. «Далековатые сближения» имен, ситуаций способствовали формированию общеевропейского, шире – мирового исторического пространства. В этой связи симптоматично появление публикаций с такими названиями, как «Наполеон и Юлий Цезарь», «Иоанн III и Аристотель», «Париж (Хроника русского)».

Ощущение внутренней связи с прошлыми эпохами усиливается наличием мифологического (античного, архаического пласта), именно он в силу своего древнего происхождения получает статус вечного, а сопряжение с этим пластом событий современных подчеркивает закономерность развития, взаимообусловленность исторических эпох. Показательно в этом смысле пушкинское стихотворение «Из А. Шенье», стихотворение Кольцова «Урожай», которое при вполне очевидной современности несет сильнейший заряд мифологических верований и представлений, облаченных в форму старинной русской песни и при этом органично сочетающихся с элементами христианской молитвы:

Видит солнышко –
Жатва кончена;
Холодней оно
Пошло к осени.

Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей Матери! [II, 193].

Мифологическое, архаичное «настроение» имеют и жанры некоторых публикаций: притча («Сапожник»), сказка («Драматическая сказка об Иване Царевиче, жар-птице и о сером волке»), миф («Мифология вотяков и черемис», «Из А. Шенье»), которые несут в себе представление о связи высшей истины и реального события. Иллюстрацией могут служить слова Иоанна из трагедии Розена:

Хочу тебе ответ дать той же **притчей**
И доказать **примером** <...> [II, 197].

Внутренняя связь времен, государств, ситуаций, поведения людей в драматическом отрывке «Иоанн III и Аристотель» является его компо-

²³¹ Тойбин И.М. Пушкин и философско-историческая мысль в России... С. 103.

зиционным принципом, диалог строится на оппозиции «там / здесь», «тогда / сейчас». Общеисторическая связь формулируется Аристотелем метафорически, даже символически:

Покинул нас **орел Капитолийский**
И прилетел на Север – и *тебя*
Приосенил великим духом Римлян!
Он, мудрым устроением твоим,
В течении веков, с Кремлевских башен,
Во **образе двуглавого** облетит
Весь мир земной победоносным летом:
Ты заложил в Москве нетленный Рим! [II, 198–199].

Труд Наполеона о Юлии Цезаре (статья Вяземского «Наполеон и Юлий Цезарь») также становится примером сплетения времен за счет соотношения личностей:

«Тут Наполеон так тесно **смешивается** с Цезарем **единомыслием** и **соответственностью положений**, не смотря на различие обстоятельств и времени, что читатель чувствует, с каким убеждением и как задушевно вылились эти страницы из груди Наполеона» [II, 256].

При анализе историософии «Современника» важно отметить, что, вальтер-скоттовский метод представления «истории домашним образом» воплощен в журнале буквально: ключевые исторические моменты вмещает в себя «Родословная моего героя» – воплощение истории – семейной хроники²³². Как справедливо отметил Е.В. Тарле, «для Пушкина русская история и Россия были как бы своей семьей, своим домом, посемейному родным, и история для него была чем-то вроде расширенной их, Пушкиных, семейной хроники». Это «семейное», «домашнее» отношение распространяется и на исторических персонажей, в создании образов которых важно их восприятие как личностей, а не только как знаковых исторических фигур.

Эта «домашняя» хроникальность, легшая в основу историософии «Современника», воплощена не только в исторических штудиях, но и в поэтических и прозаических произведениях. В качестве наиболее яркого примера можно привести соотношение статьи «Об "Истории Пугачевского бунта"», исторических анекдотов о Екатерине II и «Капитанской дочке» – литературного произведения, поставленного на один уровень с документальными источниками и свидетельствами. Это сочетание документа и субъективной точки зрения на события, взгляд на историю изнутри, характерно для поэтики летописи.

²³² Тарле Е.В. Пушкин как историк // Новый мир. 1963. № 3. С. 211.

«Современник» действительно воплощает в себе летопись мировой истории, охватывающей широкие географические пространства и представляющей спектр личностей в контексте исторического процесса. Так, времена мифологические связаны с пространством от Древнего Рима, Древнего Востока до языческих поселений вотяков и черемис на территории российского государства. Мифологическому периоду соответствует своя плеяда героев: от мифологических («Из А. Шенье») до исторических (Юлий Цезарь, Аристотель, княгиня Ольга, Саади).

Средневековье – не менее обширный исторический период – также определено географически: Европа («Скупой рыцарь», «Подражания испанским сегидильям»), Русь («Иоанн III и Аристотель», «Прогулка по Москве», «Родословная моего героя»), Восток («Предисловие к битве при Тивериаде», «Персидский анекдот»). Н.В. Беляк и М.Н. Виролайнен в своей работе, посвященной «Маленьким трагедиям» Пушкина, в качестве центральной проблемы его драматических изучений 1830-х гг. выделяют проблему «судьба личности – судьба культуры». По мнению исследователей, история в «Маленьких трагедиях» представлена как движение по культурным мирам.²³³ Думается, опыт «Маленьких трагедий» как этапа исторических штудий Пушкина не мог не отразиться на историко-философской концепции «Современника». Трагические моменты кризиса средневековой Европы волнуют Пушкина-издателя журнала, расценивающего Россию в качестве наследницы Европы со всеми ее бедами. Герои, оказавшиеся в центре этого кризисного времени – Барон, его сын, Герцог, – уникальны в своем мировоззрении, они создают собственный культурный миф. В связи с этим особо рассматриваемое авторами указанной статьи отношение Барона к закону наследования²³⁴ играет принципиальную роль, т. к. на уровне «Современника» в связи с поставленной проблемой преемственности между историческими событиями отказ от принятых законов наследования нарушает саму логику исторического развития.

Очень важен для понимания исторической концепции «Современника» образ Иоанна III, который связан с декларацией сильной, единой государственности, обеспечивающей процветание страны. В этом смысле интересен следующий фрагмент диалога Иоанна с Аристотелем:

Аристотель: <...> России государственная жизнь
Во чреве смут и зол междоусобных

²³³ Подробнее см.: Беляк Н.В., Виролайнен М.Н. «Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории (судьба личности – судьба культуры) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. XIV. С. 73–96.

²³⁴ Беляк Н.В., Виролайнен М.Н. Указ. соч. С. 91–92.

Невидимо и тайно зачалась,
И наконец, при дивном предвещаньи
Величия и славы, родилась
В *твоем* лице самодержавной властью.
Господь *тебя* России дал!... У нас
Иначе: мы, на старости народной,
Долженствовали выродиться. <...>
Иоанн: Каков бы ни был ваш народ, в *одном*
Великом муже царственном могло бы
Свершиться царства пакибытие [II, 197–198].

Размышления о единстве власти, о прочной государственности в контексте зрелого осмысления пугачевского бунта и восстания декабристов весьма значимы. Они, может быть несколько тенденциозно, но все же представляли воззрения Пушкина середины 1830-х гг. на природу государственности. Думается, принципиально важно появление в драматических отрывках Розена ссылки на «Историю государства Российского» [II, 197]²³⁵. Во-первых, она придавала исторический вес публикации Розена, во-вторых, проблема сильной государственной власти, монархической формы правления напрямую связана с полемикой вокруг исторического труда Карамзина. Логично, что книгу «Ключ к "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина», которая указана в отделе «Новые книги», Пушкин не мог оставить без внимания. В самом конце четвертого тома отзыв на эту книгу заострял особое отношение к историческим проблемам, культивируемое на страницах пушкинского журнала:

«Издав сии два тома, Г. Строев оказал более пользы Русской истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятые. Те из них, которые не суть еще закоренелые верхогляды, принуждены будут в том сознаться. Г. Строев облегчил до невероятной степени изучение Русской истории» [IV, 306].

Думается, эта небольшая рецензия кроме того, что лишний раз напомнила о вкладе Карамзина в русскую историю, отразила в себе весь просветительский пафос пушкинского журнала, в центре – мысль о доступности знания, в том числе и исторического, распространение которого необходимо для развития общественного самосознания.

Имя Карамзина являлось обозначением традиции отечественной исторической науки, кроме того, в контексте «Современника» с именем этого историка связано представление об особой методологии исторического знания, в основе которого «оснащенность документированными

²³⁵ Ссылка дается как комментарий к фразе Аристотеля «И наконец, при дивном предвещаньи*»: «*См. Историю Карамзина, том V, стран. 270, Примеч. 286».

фактами, последовательное проведение принципа государственности и отточенная словесная культура»²³⁶. Ратуя за развитие этих принципов, Пушкин-издатель и автор материалов собственного журнала декларирует еще одно правило, отвечающее за успех исторического труда: так, труд Кониского оказался успешен вследствие того, что он «сочетал **поэтическую свежесть летописи с критикой**, необходимой в Истории <...>» [I, 97]. Далее Пушкин пишет:

«Под словом *критики* я разумею **глубокое изучение достоверных событий и ясное, остроумное изложение** их истинных причин и последствий» [I, 97].

Эта установка, озвученная в 1836 г., тесно связана с основами карамзинской истории. Кроме того, утверждение «поэтической свежести летописи», «ясного», «остроумного» изложения тесно связано с особым отношением Пушкина к «небрежному» – необработанному, «живому» повествованию, которое, как уже отмечалось, ясно прослеживается при характеристике мемуаров, художественных книг, статей, вошедших в «Современник». Именно этот пиетет к необработанному, а следовательно, по Пушкину, живому, яркому повествованию, сигнализировал о всеобъемлющем характере пушкинского историзма, именно историософские представления в конечном итоге определяют размышления издателя «Современника».

Закономерно обращение авторов журнала и прежде всего его издателя к XVIII в., ближайшему по отношению к современности, отмеченному громкими событиями и именами: Петр I, Екатерина II, Анна Иоанновна, Емельян Пугачев, Потемкин, Румянцев, Кониский, Вольтер и др. При этом очевидно, насколько в контексте истории эти личности связаны друг с другом, встречаются они и на страницах публикаций «Современника».

Интересно, как эпохи и пространства находят точку пересечения в процессе определения значения личности Вольтера, пушкинское отношение к которому претерпело на протяжении его жизни и творчества ряд изменений.²³⁷ Образ Вольтера в статье Пушкина «Вольтер» актуализирует проблему формирования поведенческого текста исторической личности. В статье о Вольтере Пушкин в очередной раз использует принцип «истории домашним образом», чему способствует живой рассказ о переписке французского философа с президентом де Броссом:

²³⁶ Сквозников В.Д. Пушкин. Историческая мысль поэта. М., 1998. С. 101.

²³⁷ Подробнее см.: Севастьянов А. Вольтер глазами Пушкина // Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 146–167.

«"Надобно видеть", – пишет издатель в своем предисловии, – "как баловень Европы, собеседник Екатерины Великой и Фридрика II, занимается **последними мелочами** для поддержания своей местной важности"» [III, 164], и далее: «Вообще переписка Вольтера с де Броссом представляет нам творца Метропы и Кандида с его **милой** стороны. Его **притязания**, его **слабости**, его **детская раздражительность** – все это не вредит ему в нашем воображении» [III, 166].

Осознание особой роли Вольтера в истории века минувшего подчеркивается частным характером публикуемой переписки, позволяющей представить не некий образ, а человека с его страстями и недостатками. Однако Вольтер – личность, философ, поэт – не выдерживает проверки на самостоянье, что осуждается:

«Вся эта жалкая история мало приносит чести философии. **Вольтер, во все течение долгой своей жизни, никогда не умел сохранить своего собственного достоинства.** <...> Наперсник Государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения, Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим седидам: лавры, их покрывающие, были обрызганы грязью» [III, 167–168].

По Пушкину, положение, занимаемое в историческом процессе личностями такого масштаба, как Вольтер, в особенности обязывало. Однако диалектический подход к историческим событиям определял диалектический подход и к личностям в истории. Так, оправдан рефренный характер двух предыдущих цитат. В первом случае Вольтер «баловень Европы, собеседник Екатерины Великой и Фридрика II», важно, что здесь подчеркивается его социальный статус; во втором – «наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения», и здесь уже принципиальна наставническая функция философа, историка, творца. Если социальный статус предполагает небольшие человеческие слабости, в данном случае это даже некоторая мелочность, однако она вполне естественна, а потому мила, то наставник – функция историческая, и уже, как предводитель умов, т. е. человек, способный изменить исторический ход событий, он обязан «сохранять собственное достоинство».

С Вольтером, как и с XVIII в. вообще, ассоциировалось понятие «просвещения», именно с ним Пушкин связывал внесение в историческую науку методов философии, с именем и творчеством Вольтера связана и проблема осмысления декабристского восстания: исследователи отмечают определенное политическое значение личности и творчества Вольтера, в частности влияние французского мыслителя и писателя на

политическую программу декабристов.²³⁸ Так, становится очевидной связь, часто взаимообусловленность, событий, перевернувших современную жизнь, с личностями, культурой предшествующих эпох.

Современная философия истории – а современность в центре авторских и издательских исканий Пушкина (достаточно посмотреть на колонку «XIX век» в прилагаемой таблице (см. Приложение 7)) – базируется на обобщенном высказывании издателя «Современника», нашедшем место в статье «Собрание сочинений Георгия Конисского»:

«<...> одна только История народа может объяснить истинные требования онаго <...>» [I, 96–97].

Эта мысль отражает настроения Пушкина-историка-публициста, который в 1830-е гг. рассматривает исторический процесс прежде всего как исследователь²³⁹. Уроки потрясений прошлого становятся основой выработки исторического мышления по отношению к настоящему. В этом смысле совершенно логичной выглядит связь пугачевского бунта и восстания декабристов, двух вариаций русского бунта. В «Капитанской дочке» – воплощении историософии «Современника» – среди общего повествования появляется эмоциональное высказывание автора записок, своеобразное завещание-предостережение будущему поколению:

«Когда вспомню, что это случилось на моем веку, и что ныне дожил я до кроткого царствования Императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и **распространению правил человеколюбия. Молодой человек!** если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят **от улучшения нравов без всяких насильственных потрясений**» [IV, 114].

Принципиально важно, что эта же мысль практически дословно высказана Пушкиным – автором антирадищевского «Путешествия из Москвы в Петербург» – статьи, предназначенной для публикации в «Современнике», но не пропущенной цензурой:

«<...> должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят **от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений** политических, страшных для человечества...» [ПСС, XI, 258].

Так, Пушкин – историк Пугачева и свидетель декабристского восстания в основании исторического прогресса видит не насилие, а процесс

²³⁸ Севастьянов А. Вольтер глазами Пушкина. С. 160.

²³⁹ Сквозников В.Д. Пушкин. Историческая мысль поэта. С. 43.

«улучшения нравов», что делает понятие «просвещение», ставшее концептуальным центром «Современника», понятием историческим.

Особое место в контексте исторических размышлений Пушкина в 1830-е гг. занимает тема декабризма. Новый этап в осмыслении декабристской темы, ярко обозначенный в «Современнике», неразрывно связан с проблемой определения роли дворянства в российской истории вообще и в ее новейшей истории в частности. Журнал включает в себя размышления об упадке дворянских родов наряду с расцветом буржуазных отношений («Прогулка по Москве»):

«Барские, старинные дома в Москве переводятся, и много-много по одному, по два, стоит их теперь сиротами на больших улицах. – Для меня старика это даже поразительно. Что за перемена в гражданском обществе совершается пред моими глазами тихо, неприметно?» [III, 260].

Переживания по поводу притеснения родовитого дворянства, аристократии особенно остры в связи с образом Москвы – символом былой дворянской мощи. При этом особое звучание в «Современнике» получают излюбленные размышления Пушкина о вреде табели о рангах, когда высокие цели служения заменяет погоня за чинами и званиями. Ярчайшим примером в этом смысле становится гоголевское «Утро делового человека», обличающее всю ложность и непродуктивность деятельности, направленной на получение чина. Кн. Козловский в своей статье «Разбор Парижского математического ежегодника», передавая слова Бенгтама, определяет зависимость современников от повышения по служебной лестнице как препятствие в научных достижениях:

«<...> гражданские чины, питая еще тщеславие и по окончании службы доставлением в обществе почетного отличия, лишают смиренную науку того блеска, которым бы она сама по себе сияла в уравненном гражданском быту дворянства, или других сословий» [I, 247].

Однако наиболее значимым в контексте осмысления последствий декабристского восстания остается вопрос о чести и долге дворянина, характере его служения делу процветания Отечества. Проблема дворянской чести и достоинства определяет общее настроение «Скупого рыцаря». «Родословная моего героя», в которой прослеживается эпохальное движение одного рода, символизирует связь времен и сам дух дворянского служения:

В века старинной нашей славы,
Как и в худыя времена,
Крамола и смута во дни кровавы
Блещут Езерских имена.
Они и в войске, и в совете,

На воеводстве, и в ответе
служили доблестно Царям» [III, 153].

Таким образом, родовая честь и соблюдение долга службы просвещенной законной власти представляет собой рецепт процветания государства в будущем, в противовес самозванству, бунту и насилию. В этом смысле, как уже не раз отмечалось, мощным заключительным аккордом становится «Капитанская дочка», в центре исторической концепции которой представление о чести, долге и милосердии.

Для понимания «Современника» как историософского единства особое значение имеет письмо Пушкина к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. Ни одна попытка разобраться в исторических, политических, религиозных воззрениях Пушкина не обходится без обращения к этому документу; логично и обращение к нему в связи с историософским текстом «Современника». В конце указанного письма Пушкин как бы мимоходом упоминает о журнале:

«Читали ли вы 3-й № Современника? Статья "Вольтер" и "Джон Теннер" – мои, Козловский стал бы моим провидением, если бы захотел раз навсегда сделаться литератором» [ПСС, XVI, 173, 393].

Как уже было отмечено, третий том наполнен пушкинскими публикациями (см. Приложение 1), и указание автора письма только на две из них позволяет сделать вывод об их связи с предметом спора между Пушкиным и Чаадаевым: статьи являются как бы своеобразным продолжением аргументации Пушкиным собственной позиции. Так, в черновике указанного письма Пушкин высказывается по поводу ориентации на западный путь развития более определенно:

«Вот уже 140 лет [таб.] как <...> считает дворянство; и нынешний император первый воздвиг плотину (очень слабую еще) против наводнения демократией, худшей, чем в Америке. Читали <ли Вы> Токвиля? [Он напугал меня] Я еще под горячим впечатлением от его книги и совсем напуган ею» [ПСС, XVI, 261, 421].

Возражения Пушкина Чаадаеву складываются в особую историософскую программу:

«Нет сомнения, что Схизма <разделение церквей> отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было **свое особое предназначение**. <...> Что же качается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. <...> А **Петр Великий**, который один **есть целая всемирная история!** А **Екатерина II**, которая **поставила Россию на пороге Европы?** А **Александр**, который привел вас в **Париж?** и (положа руку на сердце) **разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России**, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что

он поставит нас вне Европы? <...> **ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю**, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал. <...> Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это **отсутствие общественного мнения**, это **равнодушие ко всякому долгу**, справедливости и истине, это **циничное презрение к человеческой мысли и достоинству** – поистине могут привести в отчаяние» [ПСС, XVI, 171–172, 392–393].

Очевидно, что это пушкинское высказывание корреспондирует с историческим текстом «Современника». В этом смысле все размышления авторов журнала о проблеме просвещения, о статусе России в современном мире, о проблеме взаимодействия и взаимовлияния различных культур оказываются теснейшим образом связаны с осмыслением важнейших этапов российской истории. Именно осознание исторического веса российской культуры позволяет более оптимистично, жизнеутверждающе взглянуть на будущее России, определенное ее положительным предназначением.

По-своему символичным кажется совпадение даты написания ответа Чаадаеву с датой, которая стоит под «Капитанской дочкой» – «19 окт. 1836». Возможно, это еще один вариант послания Чаадаеву и всем тем, кому подобная позиция так или иначе была близка. Как бы пафосно сейчас это ни звучало, но историософский текст «Современника» проникнут особым патриотизмом и пониманием правомерности исторического пути российского государства. Доказательством того, насколько важно было Пушкину-издателю донести свои исторические воззрения до читателя, можно считать тот факт, что для «Современника» предназначалась не прошедшая цензуру статья «Александр Радищев», в которой автор писал:

«Он [А. Радищев – Т.Ф.] поносит власть господ как явное беззаконие; не лучше ли было бы представить правительству и умным помещикам способы **к постепенному улучшению состояния крестьян**; он злится на цензуру; не лучше ли было **потолковать о правилах**, коими должен руководствоваться законодатель <...>; ибо **нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви**» [ПСС, XII, 36].

А в пятом, посмертном, номере «Современника», большая часть материалов для которого, как считается, была подобрана самим Пушкиным (дата цензурного разрешения на этом томе та же, что и на четвертом – 11 ноября 1836 г.),²⁴⁰ появится пушкинская статья «Последний из свойственников Иоанны Д'арк», корреспондирующая со статьей третье-

²⁴⁰ Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 432.

го тома – «Вольтер». Эта публикация завершается следующими словами:

«Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается **священным для человека и гражданина**, доведено до последней степени кинизма. Никто не вздумал заступиться за честь своего отечества; и вызов доброго и честного Дюлиса, если бы стал тогда известен, возбудил бы неистощимый хохот не только в философических гостиных барона д'Ольбаха и M-me Joffrin, но и в старинных залах потомков Лагира и Латримулья. Жалкий век! Жалкий народ!» [ПСС, XII, 155].

Думается, в историософских представлениях издателя «Современника» особое место занимает утверждение гражданственности, государственности позиции по отношению к истории, а соответственно, и к современности.

Историософский текст «Современника» становится отражением полемики о статусе России, ее историческом предназначении, актуальной для того времени и для развития русского общественного сознания. В силу того, что издание журнала проходило параллельно с «брожением» исторической мысли, исторический текст в «Современнике» становится сформировавшейся историософской концепцией, концептуальной скрепой журнала – единого текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В контексте своей эпохи пушкинский «Современник» явился новым типом журнала. По мысли издателя, он должен был стать путеводителем в сложной, еще не сформировавшейся российской словесности. Но масштаб «Современника» стал очевиден лишь спустя некоторое время. В своей массе читатель не смог оценить всего значения пушкинского издания. Он стал, по словам С.Н. Глинки, «сопотомственным», доказав прозорливость последнего всей дальнейшей историей своего существования.

«Современник» – уникальное явление журналистики 30-х гг. XIX в. – во многом определен творческой индивидуальностью своего издателя. Пушкин выступает в роли судьи, арбитра, как с высоты своего таланта, опыта, так и в соответствии с самим типом сознания писателя, его цельностью, концептуальностью, он как бы чувствует за собой право поставить последнюю точку. Однако положение издателя, хозяина журнала не освобождает Пушкина от необходимости позиционировать собственные представления, защищать и отстаивать их, организуя презентацию иных творческих систем и воззрений, вступая с ними в диалог, а часто и в полемику. Отражая всю сложность перипетий литературного процесса, «Современник» предстал как диалогически организованное проблемно-эстетическое единство, в основе которого переплетение как близких, так часто и противоположных позиций, комплекс актуальнейших для своей эпохи проблем и вопросов, в своем сочетании и переплетении организующих концептуальное целое.

Очевидно, перспективным является дальнейшее изучение «Современника» в широком контексте русской и зарубежной журналистики. Привлечение журнального контекста эпохи, исследования сравнительного характера будут способствовать углублению и расширению представлений как о месте, занимаемом «Современником» в литературном процессе, так и о специфике параллельно с ним рассматриваемых изданий. Кроме того, методика, предложенная в данной работе для описания пушкинского

журнала, может быть использована при рассмотрении других периодических изданий.

Однако не менее важным представляется развитие поставленных в данном исследовании проблем, касающихся рассмотрения пушкинского издания как факта литературы. Особая издательская, авторская стратегия, образ современника-героя времени, синтез документально-исторического и художественного материала – все эти характерные составляющие журнала – единого текста позволяют обозначить выходы, во-первых, к характеру творческого сознания Пушкина, во-вторых, к проблеме развития литературных жанров в рассматриваемую эпоху, и прежде всего к эволюции романного жанра. «Современник» как единый текст в сложном взаимодействии и пересечении определяющих его текстов формировал ту семиосферу, которая в своей семиотике соотносилась с пушкинским пониманием нового романа, в котором «отразился век и современный человек изображен довольно верно...».

Генезис журнальной формы нового типа в данном случае неразрывно связан с большим литературным контекстом, и прежде всего с контекстом пушкинского творчества. Так, разработка почти не намеченной в пушкиноведении проблемы соотношения двух изданий «Евгения Онегина» с концепцией «Современника», рассмотрение в этом контексте публицистики 1830-х гг., «Истории Петра», «Истории Пугачевского бунта» и незаконченной прозы Пушкина позволит обозначить теснейшую генетическую связь романного и журнального текстов. Кроме того, взаимопроникновение документа мемуарного характера и истории, которое так характерно для пушкинского журнала, позволит обозначить путь к лермонтовскому «Герою нашего времени» и к «Журналу Печорина».

Приложение

В Приложениях систематизированы материалы «Современника» в аспекте заявленной в монографии проблематики:

Приложение 1 «Пушкинский текст» дает представление об объеме и специфике расположения издательских публикаций. Публикации представлены в соответствии с порядком их следования в номерах журнала.

В Приложении 2 «Образ провинциального читателя в "Современнике"» представлены фрагменты статей Н.В. Гоголя, В.Ф. Одовского, А.С. Пушкина, в которых наиболее ярко представлен образ провинциального читателя как образец полимического принципа организации журнального пространства.

В Приложении 3 «Ориентальный текст» систематизированы публикации, формирующие ориентальный текст журнала, который локализован в пространстве каждого номера публикации следуют одна за другой (см. колонку «страницы»), образуя «островки» восточного дискурса.

В Приложении 4 «Наполеоновский текст» представлен комплекс публикаций «Современника» и их фрагментов, участвующих в формировании наполеоновского текста в журнале, ставшего примером конструирования индивидуального поведенческого текста в галерее героев времени, воплощенной на страницах пушкинского издания.

Приложение 5 «Научно-библиографический текст» позволяет представить объем научных публикаций «Современника» и характер внушительного объема научно-технической библиографии (59 названий из 215), вошедшей в раздел «Новые книги». Статьи и библиографические описания, опубликованные в «Современнике», становятся яркой иллюстрацией подхода к литературному творчеству и его субъекту с новой, просветительской позиции.

В Приложении 6 «Рецензии на новые книги» отражены названия книг, разобранных в «Современнике» и привлечших внимание издателя. Рецензии на новые книги во многом заостряют научно-просветительскую проблематику «Современника». Рецензируемых книг в пушкинском журнале немного, однако имеющиеся краткие комментарии к новым книгам концептуально поддерживают материалы основного текста журнала. Книги как общепросветительской направленности, так и научно-технического содержания привлекают особое внимание издателя.

В Приложении 7 «Историософский текст» материалы систематизированы по временному принципу. Выбор именно этого основания обусловлен его репрезентативностью и возможностью представить личностную и культурную составляющую историософского хронотопа. Распределение материалов журнала по является достаточно условным. В случаях наиболее явно обозначенной связи времен, событий, героических образов одна и та же публикация появляется в нескольких столбцах таблицы, отвечающих за разные исторические периоды.

Приложение 1

Пушкинский текст

Название публикации		Подпись	Страницы
№	I том		
1	«Пир Петра Первого»	—	1–3
2	«Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»	Под предисловием: А. Пушкин	17–84
3	«Собрание сочинений Георгия Кониского Архиепископа Белорусского»	—	85–110
4	«Скупой рыцарь» (Сцены из ченстоновой трагикомедии: The caveteous Knigth)	Р.	111–130
5	Примечание к «Долине Ажитугай»	Издатель	169
6	«Из А. Шенье»	—	191
7	«О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году»*	—	192–225
8	<i>Новые книги:</i> «Востола, или желания. Повесть в стихах, сочинение Виланда. Издал А. Пушкин»	—	303–304
9	«Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Издание второе»	—	311–312
10	«Вот книги, вышедшие в продолжении первой четверти сего года...»*	—	318–319
II том			
11	«Российская Академия»	—	1–13
12	«Французская Академия»	—	14–52
13	«Записки Н.А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным»	Под предисловием: Изд.	53–54
14	«Уведомление»*	—	310
15	«От редакции»*	—	311–312
III том			
16	Примечание к повести Гоголя «Нос»	Изд.	54
17	«Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной»	—	95–106

Приложение 1 (продолжение)

Пушкинский текст

Название публикации		Подпись	Страницы
№	III том		
18	«Об "Истории Пугачевского бунта" (разбор статьи в "Сыне отечества", в январе 1836 года)»	А.П.	107–134
19	«Родословная моего героя (отрывок из сатирической поэмы)»	—	152–157
20	«Вольтер»	—	158–169
21	«Фракийские элегии, стихотворения Виктора Теплякова. 1836»	—	170–186
22	«Анекдоты»	—	187–191
23	«Полководец»	—	192–194
24	«Отрывок из неизданных записок дамы (1811 год)»	С французского	197–203
25	«Сапожник (притча)»	—	204
26	«Джон Теннер» Примечания	The Reviewer Изд.	205–256 256
27	<i>Новые книги:</i> «Об обязанностях человека. Сочинение	—	307–310
28	Сильвио Пеллико»	—	310–314
29	«Словарь о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местно-чтимых» «Новый роман»	—	320
30	«Письмо к издателю» Примечание	А.Б. Тверь 23 апреля 1836 Изд.	321–329 329
31	«От редакции»	—	330–332
IV том			
32	«Капитанская дочка»	Издатель 19 окт. 1836	42–215
33	«Объяснение»	А. Пушкин	295–298
34	«От редакции»*	—	299
35	<i>Новые книги:</i> «Кавалерист-девица, происшествие в	—	303
36	России» «Ключ к "Истории государства Российского Н.М. Карамзина"»	—	306

*Публикации, которые не являлись пушкинскими, но могли быть восприняты таковыми.

Приложение 2

Образ провинциального читателя в «Современнике»

Н.В. Гоголь «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» (I том)	
1	«Однакож журнал ["Сын отечества" – Т.Ф.] существовал, стало быть читатели и подписчики были. Эти читатели и подписчики были почтенные и пожилые люди, живущие в провинциях, которым что нибудь почитать также необходимо, как заснуть часик после обеда, или выбриться два раза в неделю» [I, 205].
2	«В ней [газете "Литературные прибавления к Инвалиду" – Т.Ф.] помещались легонькия повести: беседы деревенских помещиков о Литтературе, беседы часто довольно обыкновенныя, но иногда местами проникнутыя колкостями близкими к истине: читатель к изумлению своему видел, что помещики к концу статьи делались совершенными литтераторами, принимали к сердцу текущую литтературу и приправляли свои мнения едкою насмешкою» [I, 205].
В.Ф. Одоевский «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе» (II том)	
3	«Любопытнее всего знать: что делали читатели?.. А читателям что за дело? Были бы книги. <...> Да; наши читатели хотят читать, и потому читают все: "лучшая приправа к обеду" – говорили Спартанцы – "голод". А нечего сказать, бедных читателей подчуют довольно горьким зельем; но впрочем романисты и комики умеют подсластить его, и это злое зелье многим приходится по вкусу. <...> Вообразите себе деревенского помещика, живущаго в степной глуши; он живет очень весело: поутру он ездит с собаками, вечером раскладывает гран-пасьянс, а в промежутках проматывает свой доход в карты; за то у него в деревне нет никаких новостей, ни Английских плугов, ни экстирпаторов, ни школ, ни картофелю; он всего этого терпеть не может. <...> Вот к помещику приезжает его племянник из Университета, видит горькое хозяйство своего дядюшки и <...> толкует дядюшке об Агрономии, о Лесоводстве <...>. Дядюшке это не по сердцу; с горя он открывает книгу <...>. Сочинитель, который напечатал книгу <...> говорит читателю, или читатель так понимает его: "Поверьте мне, все ученые – дураки, все науки – сущий вздор <...>" – И помещик смеется: он понимает остроту, он очень доволен, он дочитывает прекрасную книгу до конца. Когда заговорит племянник об Агрономии, он обличает его заблуждение печатными строками, рекомендует утешительное произведение своим собратиям, и у удивленного издателя являются неожиданные читатели; а между тем в понятиях добрых помещиков все смешивается, вольнодумство с благими действиями просвещения <...> во всяком улучшении они видят лишь вредное нововведение, в удовлетворении своему эгоизму и лени – истинную истину» [II, 214–217].

Приложение 2 (продолжение)

Образ провинциального читателя в «Современнике»**А.С. Пушкин «Письмо к издателю» (III том)**

4	«Но если публика того требует непременно, за чем ей не угодить? Cela vous conte si peu, et leur fait tout de plaisir! [Это вам так мало стоит, а им доставляет столько удовольствия – Т.Ф.]» [III, 324].
5	«Врачу! Исцелися сам! Признаюсь, некоторые из веселых разборов, попадающихся в "Библиотеке для чтения", тешат меня несказанно, и мне было бы очень жаль, еслибы критик предпочел хранить величественное молчание» [III, 324].
6	«Мы, смиренные провинциалы, благодарны ему [Сенковскому – Т.Ф.] – и за разнообразие статей, и за полноту книжек, и за свежие новости Европейския, и даже за отчет об литературной всячине» [III, 326].
7	«Не за объявления должно было укорять "Северную пчелу", но за помещения скучных статей с подписью: Ф.Б., которая (не смотря на ваше пренебрежение ко вкусу бедных провинциалов) давно оценены у нас по достоинству. Будьте уверены, что мы с крайней досадою видим, что гг. журналисты думают нас занять нравоучительными статейками, исполненными самых детских мыслей и пошлых шуточек, которая достались "Северной пчеле" вероятно по наследству от "Трудолюбивой пчелы"» [III, 327].
8	«То, что вы говорите о "Прибавлениях к Инвалиду" вообще справедливо. Издатель оставил на полемическом поприще следы неизгладимые, и до сих пор подвизается на оном с неоспоримым успехом» [III, 327].

Приложение 3

Ориентальный текст

№	Название публикации	Автор	Страницы
I том			
1	«Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»	А. Пушкин	17–84
2	«О рифме»	Барон Розен	131–154
3	«Долина Ажитугай»	Султан Казы Гирей	155–169
	<i>Новые книги</i> «История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах»	—	306
	«История крестовых походов»	—	306
II том			
5	«Персидский анекдот»	Султан Казы Гирей	123–139
6	«Предисловие к "Битве при Тивериаде"»	А. Муравьев	140–179
7	«Мифология вотяков и черемис»	А. Емичев	180–188
8	«Статистическое описание Нахичеванской провинции»	В. Золотницкий	218–228
III том			
9	«Фракийские элегии, стихотворения Виктора Теплякова. 1836»	А. Пушкин	170–186
IV том			
10	«Прогулка за Балканом»	Н. Титов	267–289
11	«Урал и Кавказ»	Л. Якубович	292–293
12	«Подражания Саади»	Л. Якубович	294
	<i>Новые книги</i> «Таинственная, или Кавказское мщение. Фантастическая повесть, основанная на преданиях кавказских горцев»	—	302
	«Обозрение главнейших действий генерал-фельдмаршала князя варшавского Паскевича-Эриванского против турок в Азии»	—	302

Приложение 4

Наполеоновский текст

Публикации о Наполеоне	Упоминания о Наполеоне	Книги о Наполеоне в отделе «Новые книги»
I том		
«Ночной смотр» (с. 14–16)	«Путешествие в Арзрум» (с. 48) «Разбор Парижского математического ежегодника» (с. 256) «Париж (Хроника русского)» (с. 276)	«Исторические афоризмы» М. Погодина (с. 301)
II том		
«Наполеон и Юлий Цезарь» (с. 247–266) «Новая поэма Э. Кине Napoleon, poeme par Edgar Quinet, Paris 1836» (с. 267–284)	«Французская Академия» (с. 22, с. 28–29, с. 37–39) «Записки Н.А. Дуровой» (с. 66–67)	—
III том		
—	«О надежде» (с. 26)	«Записки Наполеона о походах Тюренья и Фридриха» (с. 316)
IV том		
—	«Занятие Дрездена» (с. 10) «Париж (Хроника русского)» (с. 252)	«Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов. Соч. Сира Валтер-Скотта» (с. 302)

Приложение 5

Научно-библиографический текст

I том		
1	«Императрица Мария» (П.А. Плетнев)	С. 4–13
2	«Разбор Парижского математического ежегодника» (Кн. Козловский)	С. 242–257
«Новые книги»		
«Руководство к Педагогике, или науке воспитания» «Руководство к сокращенному познанию всех наук, искусств и художеств, для употребления юношества, расположенное на вопросы и ответы» «Алгебра» «Атлас космографии» «Описание Прусского государства в географическом и статистическом отношении» «Указатель губернских и уездных почтовых дорог в Российской Империи» «Картины мира, или полезное и приятное чтение для юношества» «Ручная математическая энциклопедия» «Физика в приложении к зодчеству» «Теория баллистики, содержащая приложение математического анализа к определению различных обстоятельств, сопровождающих движение тяжелых тел, брошенных какою-нибудь силою» «Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1835 годах» «Правила построения мореходных и речных пароходов» «Начальные сведения в практической музыке» «Покотилова метода, или учение без складов; т. е. самый легчайший способ учения, состоящий в пяти уроках, коим малолетних можно без затруднения выучить совершенно читать не более как в два месяца» «Торговый Адрес Календарь, или Всеобщий коммерческий указатель Российского государства на 1836 год»		
II том		
1	«Российская Академия» (А. Пушкин)	С. 5–13
2	«Французская Академия» (А. Пушкин)	С. 14–52
3	«О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе» (Кн. Одоевский)	С. 206–217
4	«Мифология вотяков и черемис» (А. Емичев)	С. 180–188
5	«Статистическое описание Нахичеванской провинции» (В. Золотницкий)	С. 218–228
«Новые книги»		
«Руководство к логике» «Земледельческий календарь или ручная книга для земледельца-практика» «Руководство к акушерству теоретическому и практическому»		

Приложение 5 (продолжение)

Научно-библиографический текст

«Краткое руководство к гомеопатическому лечению»
 «Искусство извлечения крахмала из картофеля»
 «Краткая ботаника в теперешнем ее усовершенствовании»
 «Основные правила земледелия и скотоводства, извлеченные из практических наблюдений»
 «О жителях луны и о других достопримечательных открытиях, сделанных астрономом Гершелем во время пребывания его на мысе Доброй надежды»
 «История и значение гомеопатического способа врачевания»
 «Изложение общих понятий о гомеопатии, с возражениями ее противников»
 «Ручная математическая энциклопедия»
 «Всеобщая естественная история для всех состояний»
 «Руководство к познанию всех наук, искусств и художеств. Для юношества»
 «Содержание матери и младенца, от мгновения зачатия, до того времени, когда она сего последнего отнимет от груди, в диетическом врачебном отношении, карманная книжка для новобрачных»
 «Дополнение к терапии Гартмана»
 «Курс чистой математики»
 «Азбука на машине, или азбучная лотерея, для легчайшего обучения детей чтению»
 «Краткое изложение анатомии растений»
 «Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 годах»
 «Руководство к познанию детских болезней»
 «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению»

III том

1	«О надежде» (Кн. Козловский)	С. 23–47
2	«Государственная внешняя торговля 1835 года» (Г. Небольсин)	С. 266–306

«Новые книги»

«Руководство к практическому изучению животного магнетизма»
 «Статистические сведения о С. Петербурге»
 «Таблицы логарифмов чисел и тригонометрических линий, с объяснением их употребления в астрономии, гномонике, геометрии, и пр.»
 «Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей, в России существовавших, с историческим изложением всего до них относящегося»
 «Курс аналитической геометрии»
 «Новый опыт в сельском хозяйстве, доставляющий большия выгоды помещикам»
 «Карманная книга для егерей и охотников, или Безценный подарок любителям звериной ловли и птичей стрельбы»

Приложение 5 (продолжение)

Научно-библиографический текст

«Новые толки об открытиях на луне, Гершеля, с описанием его наблюдательного и освещенного микроскопа»
 «Энциклопедический альбом, заключающий в себе собрание разных любопытных сведений и исторических обозрений наук, художеств, торговли и проч.»
 «Памятная книжка для справок при гомеопатической практике»
 «Основания физики»
 «Письмовник новейший, или полный домашний секретарь для всех сословий»
 «Синоптическая таблица земной коры»
 «Таблицы игор в простые шашки, служащие введением в общую правильную игру в шашки, сочиненная любителем цифр»
 «Практические упражнения в переводах с русского языка на французский»

IV том**«Новые книги»**

«Лексикон городского и сельского хозяйства»
 *«Основное начертание общей и частной физиологии или физики органического мира»
 «Руководство для родителей, желающих определить детей своих в военно-учебные заведения»
 «Практический домашний лечебник, или врачебные наставления, руководствующие к лечению болезней простыми домашними и испытанными средствами, без помощи врача, в пользу помещиков и живущих в деревнях»
 «Способ носить сапоги и другую обувь гораздо долее, чем носятся обыкновенно; с присовокуплением наставления, как делать мазь для смазывания кожи»
 «Основания риторики и пиитики по новой и простой системе Аурбахера»
 «Карманный словарь с французского на русский язык и обратно»
 «Вспомогательная книга для помещиков и сельских хозяев»

Приложение 6

Рецензии на новые книги

I том	
«Исторические афоризмы Михаила Погодина» «История средних веков, составленная берлинским профессором Циммерманом» *«Русские классики. Часть I. Кантемир.1836» «Востола, или Желания, повесть в стихах, сочинение Виланда, издал А. Пушкин» *«История поэзии. Чтения Адъюнкта Московского университета, Степана Шевырева. Том первый, содержащий в себе историю поэзии индейцев и евреев, с приложением двух вступительных чтений о характере образования и поэзии главных народов новой Западной Европы» «Плавание по Белому морю в Соловецкий монастырь, сочинение Я. Озерецковского» «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год, Артиллерии полковника И.Р...» «Письма Леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны. Перевел с английского М.К.» «Путешествие вокруг света, составленное из путешествий и открытий Магеллана, Гасмана, Дампьера, Ансона, Байрона <...>» *«Воспоминания о Сицилии А. Черткова» «Вчера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком» «Мое новоселье. Альманах на 1836 год, В. Рыловского»; «Сорок одна повесть лучших иностранных писателей» «Первый день светлого праздника, соч. Л.Я.»	Н.В. Гоголь Н.В. Гоголь А.С. Пушкин Н.В. Гоголь Н.В. Гоголь Н.В. Гоголь Н.В. Гоголь А.С. Пушкин Ошибка! Закладка не определена. Н.В. Гоголь Н.В. Гоголь Н.В. Гоголь
II том	
*«Михаил Васильевич Ломоносов. Соч. Ксенофонта Полевого» *«Слова и речи, во время управления Московскою паствою говоренные, и житие преподобного Сергия Радонежского и всея России Чудотворца, из достоверных источников почерпнутое» *«Стихотворения Бенедиктова» *«Путешествие по Святым местам русским»	
III том	
«Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико» *Фамилии А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя стоят напротив отрецензированных ими книг, (*) отмечены книги, на которые издатель рекомендовал обратить внимание	А.С. Пушкин

Приложение 6 (продолжение)

Рецензии на новые книги

III том	
«Словарь о святых, прославленных в российской Церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местно-чтимых» *«Записки 1814 и 1815 годов. А. Михайловского-Данилевского, бывшего флигель-адъютанта Государя Императора Александра Павловича» *«Статистические сведения о С. Петербурге, изданные в Министерстве внутренних дел» *«Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей, в России существовавших, с историческим изложением всего до них относящегося» *«Сборник Муханова» *«История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» *«Мои темницы. Записки с Сильвио Пеллико» *«Об исторических таблицах В.А. Жуковского, соч. А. Краевского, с образцовою сокращенною таблицею для Древней истории» Новый роман	А.С. Пушкин А.С. Пушкин
IV том	
*«Рассказы о походах 1812 и 1813 годов прапорщика Санктпетербургского ополчения» *Торквато Тассо, драматическая фантазия в пяти актах и интермедией, в стихах «Кавалерист – девица, происшествие в России» *«Жизнь Наполеона Бонапарте» *«Обозрение главнейших действий генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского против турок в Азии» *«Странствование Телемака, сына Улисса» *«Основное начертание общей и частной физиологии или физики органического мира» *«Очерк истории города Киева» *«Стихотворения Виктора Теплякова» *«Босфор и новые очерки Константинополя» «Ключ к Истории государства Российского Н.М. Карамзина» *«Библиотека иностранных писателей о России» *«О заблуждениях и предрассудках, господствующих в различных сословиях общества»	А.С. Пушкин А.С. Пушкин

Фамилии А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя стоят напротив отрецензированных ими книг, () отмечены книги, на которые издатель рекомендовал обратить внимание

Приложение 7

Историософский текст

		I том	II том	III том	IV том
Древний мир	<i>Мифологический период / Античность</i>	1. «Орифме» 2. «Из А. Шенье»	1. «Мифология вотяков и черемис» 2. «Урожай» 3. «Иоанн III и Аристотель» 4. «Драматическая сказка об Иване Царевиче, жар-птице и о сером волке» 5. «Наполеон и Юлий Цезарь»	1. «Родословная моего героя» 2. «Фракийские элегии, стихотворения Виктора Теплякова» 3. «Сапожник (притча)»	1. «Подражание Саади» 2. «Молитва об Ольге прекрасной»
		1. «Скупой рыцарь» 2. «Орифме»	1. «Персидский анекдот» 2. «Предисловие к "Битве при Тивериаде"» 3. «Иоанн III и Аристотель»	1. «Родословная моего героя» 2. «Подражания испанским сегидильям» 3. «Прогулка по Москве»	—
		1. «Пир Петра Первого» 2. «Собрание сочинений Георгия Коницкого» 3. «Орифме»	—	1. «Об "Истории Пугачевского бунта"» 2. «Родословная моего героя» 3. «Вольтер» 4. «Анекдоты»	1. «Капитанская дочка»

* Публикации, которые могут быть отнесены к разным историческим периодам выделены полужирным шрифтом.

Приложение 7 (продолжение)

Историософский текст

		I том	II том	III том	IV том
Новое время	XIX век	1. «Императрица Мария» 2. «Ночной смотр» 3. «Путешествие в Арзрум» 4. «О рифме» 5. «Долина Ажитугай» 6. «Коляска» 7. «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» 8. «Роза и кипарис» 9. «Утро делового человека» 10. «Разбор Парижского математического ежегодника на 1836 год»	1. «Российская Академия» 2. «Французская Академия» 3. «Записки Н. А. Дуровой» 4. «Урожай» 5. «Мифология вотяков и черемис» 6. «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе» 7. «Статистическое описание Нахичеванской провинции» 8. «Наполеон и Юлий Цезарь» 9. «Новая поэма Э. Кине» 10. «Ревизор, комедия соч. Н. Гоголя»	1. «Стихотворения, присланные из Германии» 2. «О надежде» 3. «Как пишутся у нас романы» 4. «Челобитная» 5. «Нос» 6. «Kennst du das Land?» 7. «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» 8. «Ответ» 9. «Об "Истории Пугачевского бунта"» 10. «Эпиграммы и пр.» 11. «О партизанской войне» 12. «Родословная моего героя» 13. «Полководец» 14. «Отрывок из неизданных записок дамы (1811 год)» 15. «Сапожник (притча)» 16. «Джон Теннер» 17. «3 июля 1836 года» 18. «Прогулка по Москве» 19. «Государственная внешняя торговля 1835 года в разных ее видах» 20. «Письмо к издателю»	1. «Занятие Дрездена 1813 года 10 марта» 2. «Стихотворения, присланные из Германии» 3. «К князю П.А. Вяземскому» 4. «Вечер в Царском селе» 5. «Париж (Хроника русского)» 6. «Прогулка за Балканом (отрывок из невероятного рассказа Чичероне дель К...О)» 7. «Предназначение» 8. «Урал и Кавказ» 9. «Подражание Саади»

*Публикации, которые могут быть отнесены к разным историческим периодам, выделены полужирным шрифтом.

Указатель имен

- Азадовский К.М., 11, 75
Акимова Н.Н., 10
Алексеев М.П., 131, 132, 133, 138, 150
Альберт, 64
Альтшуллер М.Г., 133, 135
Анакреон, 140
Анна Иоанновна, 134, 160, 166, 184
Араго Д.Ф., 122
Аринштейн Л.М., 137
Ариосто Л., 140
Аристотель, 67, 71, 162, 164, 165, 187
Арно А., 62, 119, 121
Байрон Дж.-Г., 33, 110, 112, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 140, 184
Бальзак О., 126
Барант А.-Г.-П., 157
Баратынский Е.А., 19, 23, 73, 90, 94
Барклай-де-Толли М.Б., 59, 60
Батурина Т.К., 4
Башилов А.А., 68
Безобразовы, 34
Бекон Ф., 132
Белинский В.Г., 4, 14, 15
Белкин А., 45, 85
Белкин Д.И., 11, 12, 113, 114
Беляк Н.В., 164
Бенкендорф А.Х., 30, 31
Беранже П.-Ж., 116
Березина В.Г., 10, 77
Бестужев А.А., 110
Бируков А.С., 16
Блинова Е.М., 4, 9, 27, 28, 29
Бомон Г., 110
Бочаров С.Г., 82, 84
Броневский В.Б., 139, 156, 158
Булгарин Ф.Б., 10, 16, 17, 23, 68
Буонарроти Ф.М., 118
Вацуро В.Э., 4, 9, 22, 46, 59, 69, 95
Веневитинов Д.В., 21, 23
Видок Э.-Ф., 125
Виланд Х.-М., 40, 42, 175, 184
Вильмен А.-Ф., 119, 122
Виноградов В.В., 127, 128, 151
Виролайнен М.Н., 86, 164
Вольперт Л.И., 117
Вольтер Ф.-А., 49, 50, 53, 56, 103, 119, 122, 123, 166, 167, 168, 170, 172, 176, 187
Вьельгорский М.Ю., 67
Вяземский П.А., 7, 10, 11, 16, 17, 19, 20, 26, 27, 29, 30, 32, 38, 42, 61, 67, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 83, 90, 91, 92, 93, 94, 116, 117, 120, 121, 123, 127, 128, 129, 130, 133, 136, 138, 139, 141, 163, 188, 192
Гагарин И.С., 66
Гамильтон Т., 110
Гейнрихс, 123
Гершель В., 132, 182, 183
Гете И.-В., 91
Гизо Ф., 105, 157
Гиллельсон М.И., 4, 11, 12, 13, 35, 46, 69, 71, 72, 83, 91, 105, 109
Глассе А., 124, 125, 134
Глинка С.Н., 36, 173
Глинка Ф.Н., 22
Гнедич Н.И., 60
Гоголь Н.В., 3, 7, 10, 11, 31, 35, 38, 43, 61, 67, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 88, 89, 93, 115, 127, 128, 129, 130, 132, 136, 137, 143, 144, 152, 159, 175, 177, 184, 186, 188, 192
Годунов Б., 22, 25
Голенищев-Кутузов Л.И., 72
Гончарова О.М., 5
Граф Нулин, 25
Грехнев В.А., 82
Греч Н.И., 16, 23, 30, 35, 79
Гречаная Е.П., 124, 125
Грибоедов А.С., 49, 57, 58, 83
Григорьев В.Н., 22
Гринев П.А., 40, 41, 49, 50, 62, 63, 136
Гринфилд М., 111
Гриц Т., 147
Гюго В., 123, 126
Давыдов Д.В., 29, 67, 68, 69, 86, 97, 98, 106, 133, 141
Дарвин М.Н., 11, 12, 13, 16, 45, 55, 56, 68, 97

-
- Дарк Ж., 171
 Дашкова Е.Р., 11
 Де Бросс, 166, 167
 Декарт Р., 58
 Дельвиг А.А., 4, 9, 17, 18, 20, 22, 25, 26, 27, 28, 29, 33
 Демидова Т.Э., 79
 Дерюгина Л.В., 90, 91
 Дилакторская О.Г., 81, 86
 Дмитриев И.И., 16, 38, 139
 Дурова Н.А., 40, 41, 49, 53, 55, 56, 57, 86, 94, 98, 99, 106, 160, 175, 180, 188
 Дю Барри, 125
 Дюлис Ж.-Ф.-Д., 172
 Дюма А., 126
 Дюпен К., 122
 Евгений Онегин, 14, 33, 65, 116, 125, 174
 Екатерина II, 34, 54, 57, 62, 73, 105, 134, 135, 161, 163
 Емичев А.И., 11, 94, 98, 100, 112, 179, 181
 Еремин М.П., 9, 11, 29
 Ермолов А.П., 33
 Жанен Ж., 126, 128, 153
 Жиякова Н.В., 4
 Жиякова Э.М., 139, 141
 Жирмунский В.М., 133, 134, 136, 137
 Жуковский В.А., 7, 17, 25, 31, 34, 35, 44, 71, 74, 93, 94, 97, 98, 121, 123, 139, 185
 Заборова Р.Б., 7, 38
 Загоскин М.Н., 29, 135
 Загряжская Н.К., 34
 Золотницкий В., 94, 98, 100, 154, 179, 181
 Зубков Н.Н., 4, 5
 Зыкова Г.В., 5
 Иезуитова Р.В., 34
 Измайлов Н.В., 87
 Иисус Христос, 60
 Императрица Мария Федоровна, 148, 181, 188
 Иоанн, 67, 71, 162, 164, 165, 187
 Каверин В.А., 10
 Казанский Б.В., 9, 20, 32, 102, 103
 Казы Гирей, 42, 67, 69, 70, 93, 100, 103, 113
 Канунова Ф.З., 21, 24, 97, 98
 Карамзин Н.М., 4, 5, 6, 23, 61, 63, 89, 96, 124, 144, 165, 176, 185
 Карпов А.А., 50
 Касаткина В., 9, 25, 30
 Катенин П.А., 17, 20, 28
 Катон М.П., 118
 Керн А.П., 22
 Кине Э., 67, 92, 103, 116, 120, 127, 128, 139, 180, 188
 Киреевский И.В., 31, 32, 87
 Киселев В.С., 4, 6, 16
 Княгиня Ольга, 67, 72, 164, 187
 Коган Л.А., 59
 Кожевникова В.М., 49
 Козловский П.Б., 7, 11, 12, 67, 70, 71, 74, 93, 96, 132, 141, 149, 150, 154, 169, 170, 181, 182
 Кольридж С., 134
 Кольцов А.В., 94, 98, 100, 162
 Кониский Г.О., 41, 47, 49, 53, 54, 56, 57, 58, 62, 85, 166, 168, 175, 187
 Кореньков А.В., 11
 Корнель П., 119
 Королева Н.В., 11, 66
 Кошелев В.А., 10, 85
 Краевский А.А., 185
 Краснобородько Т.И., 9, 10, 12, 55, 63
 Кребильон К., 89
 Кривонос В.Ш., 79, 81
 Крылов И.А., 123
 Кузьмина Л.И., 11, 71, 72
 Купер Ф., 51
 Кювье Дж., 122
 Лагир, 172
 Ламот-Лангон Э.-Л., 125
 Ласенер П.-Ф., 122
 Латримуль, 172
 Лебедева О.Б., 56
 Левкович Я.Л., 34, 53, 134
 Лепехин И.И., 153
 Лермонтов М.Ю., 15, 65, 95, 104, 105, 174
 Лобанов М.Е., 9, 53, 54, 89, 108, 127, 129, 130, 153, 175, 188

-
- Лобанова Л.П., 9
 Ломоносов М.В., 89, 106, 152, 154, 184
 Лотман Ю.М., 8, 17, 39, 61, 99, 104, 105, 143
 Любомудров А., 156
 Ляпина Л.Е., 3
 Мадам Жоффрин, 172
 Макаровская Г.В., 130
 Макогоненко Г.П., 10, 77, 84
 Манн Ю.В., 10, 83
 Марий Гай, 62, 110
 Маркиз де Данжо, 35
 Маркович В.М., 81, 82, 86
 Милованова О.О., 11, 83
 Милославский Ю., 29
 Мильтон Дж., 132, 142, 143
 Мильчина В.А., 124
 Минье Ф.-О., 157
 Миронова М., 50
 Михайлов А.В., 3
 Михайлова Н.И., 55
 Модзалевский Б.Л., 34
 Мольер Ж.-Б., 136
 Монтескьё Ш.-Л., 89
 Мориер Дж., 131
 Моро-де-Бразе Ж.-Н., 33
 Морозов В.Д., 21
 Мур Т., 132, 139
 Муравьев А.Н., 67, 72, 73, 112, 116, 117, 179
 Муравьева О.С., 116, 117
 Наполеон Бонапарт, 14, 29, 33, 54, 58, 67, 91, 92, 97, 99, 103, 104, 107, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 135, 141, 162, 163, 180, 185, 187, 188
 Нащокин П.В., 33
 Небольсин Г.П., 94, 104, 154, 182
 Неклюдова М., 135
 Никитин М.А., 147
 Николаева П.А., 49
 Николай I, 73
 Новиков А.Е., 10, 85
 Новиков Н.И., 6
 Ньютон И., 132
 Одоевский В.Ф., 7, 11, 38, 50, 67, 75, 76, 86, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 144, 150, 177, 192
 Олейникова Т.А., 12
 Осман-Бей, 112
 Павлов Н.Ф., 31
 Паленов В.А., 153
 Пеллико С., 60, 61, 176, 184, 185
 Пестель П.И., 34
 Петр I, 11, 12, 14, 17, 23, 35, 41, 46, 47, 50, 56, 57, 62, 72, 85, 95, 97, 104, 105, 106, 134, 135, 155, 157, 160, 166, 170, 174, 175, 187
 Петрунина Н.Н., 77
 Петряев Е.Д., 11, 95
 Печорин Г., 65, 174
 Питолина Н.В., 9
 Плетнев П.А., 23, 27, 31, 123, 181
 Погодин М.П., 20, 28, 94, 95, 96, 121, 158, 159, 180, 184
 Полевого К.А., 152
 Полевой Н.А., 17, 21, 29, 30, 32, 35, 96, 105, 139, 184
 Потемкин Г.А., 134, 166
 Прозоров Ю., 6, 10
 Пугачев Е.И., 35, 40, 44, 50, 53, 54, 62, 63, 64, 133, 134, 139, 144, 156, 157, 163, 166, 168, 174, 176, 187, 188
 Пушкин А.С., 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 119, 120, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 173, 174, 175, 176, 178, 179, 181, 184, 185, 186, 192

- Радищев А.Н., 171
Раевский Н.Н., 29
Раич С.Е., 31
Расин Ж., 119, 136
Реизов Б.Г., 24
Рейтблат А.И., 4, 10, 19
Ришелье А.-Ж., 125
Розен Е.Ф., 67, 71, 75, 161, 162, 165
Рондо Дж., 160
Румянцев П.А., 134, 166
Рылеев К.Ф., 22
Рыскин Е.И., 10, 72
Саади, 67, 111, 112, 164, 179, 187, 188
Савельич, 50, 64
Саводник В.Ф., 34
Сахаров В.И., 11
Севастьянов А., 166, 168
Седова Г.М., 11, 87
Сенковский О.И., 10, 79, 85, 110, 131, 178
Сидяков Л.С., 9, 27
Скатов Н.Н., 9, 15
Сквозников В.Д., 166, 168
Скотт В., 24, 128, 132, 133, 134, 135, 136, 140, 141, 144, 157, 163, 180
Скриб Э., 103, 119, 122
Смирдин А.Ф., 79, 147
Смирнов-Сокольский Н.П., 171
Соколянский М.Г., 143
Сомов О.М., 26
Сперанский М.М., 35
Сталь Ж., 125, 126, 135, 157
Станислав, 62
Станько А.И., 9, 33
Степанов А.Н., 10
Строев П.М., 165
Стромилов С., 94, 95
Сулин С., 156
Сумароков А.П., 89
Суццо М.Г., 34
Сю Э., 126, 153
Таборисская Е.М., 59
Тарле Е.В., 163
Тартаковская Л.А., 12, 112
Тартаковский А.Г., 59, 65
Теннер Дж., 40, 41, 42, 44, 49, 50, 51, 53, 56, 100, 103, 109, 110, 123, 170, 176, 188
Тепляков В.Г., 29, 53, 138, 176, 179, 185, 187
Титов Н.П., 94, 99, 112
Тищенко Т.И., 9
Тойбин И.М., 156, 158, 159, 162
Токвилль А., 110, 170
Томашевский Б.В., 24, 107, 114, 157
Тренин В., 147
Тургенев А.И., 7, 11, 35, 42, 68, 75, 90, 118, 122, 123, 124, 132, 133, 142, 143, 146, 155
Турчанинов Г.Ф., 11
Турьян М.А., 11
Тынянов Ю.Н., 5, 11, 12, 16, 31, 37, 74
Тьер Л.-А., 157
Тюпа В.И., 12, 16, 56
Тютчев Ф.И., 11, 66, 68, 73, 74, 75, 90, 108
Уваров С.С., 110
Урнов Д.М., 136
Урнов М.В., 136
Фадеев Л.А., 12
Фазиль-Хан, 113
Фенелон Ф., 60
Фиески Ж., 122
Фомичев С.А., 33, 76, 82, 86
Фон Бринкер, 34
Фон Фок М.Я., 30
Фон Цедлиц И.-Х., 98
Фонвизин Д.И., 29, 33, 57, 83, 161
Фрайман И., 7, 12
Франк С.Л., 105
Франклин Б., 109, 110
Френкель В.Я., 11, 12
Фридерик II, 167
Фридлендер Г.М., 77
Фризман Л.Г., 4, 9, 18, 25, 77
Фуше Ж., 33
Хезлитт В., 134
Хитрово Е.М., 35
Чаадаев П.Я., 70, 170, 171
Чанинг В., 142
Черняева Т.Г., 10, 84
Чистякова Т., 12

-
Чумаков Ю.Н., 21	Шоу Дж.Т., 44, 45, 46, 109
Шаликов П.И., 30	Щеголев П.Е., 34
Шальман Е.С., 10, 84	Эйхенбаум Б.М., 5
Шапталъ Ж.-А., 122	Эткинд Е., 12, 55, 71
Шатобриан Ф., 142, 143	Юлий Цезарь, 67, 91, 103, 116, 117,
122, 123, 141, 162, 163, 164, 180,
187, 188
Шатобриан Ф.-Р. де, 51, 142	Юнг Т., 122, 132
Шевырев С.П., 21, 60, 152, 184	Языков Н.М., 20, 31, 61, 94, 98, 137,
138
Шекспир В., 132, 136, 137, 138, 140,
143	Якубович Л.А., 67, 75, 112, 179
Шенстон У., 103, 136, 137	Янушкевич А.С., 3, 25, 74, 86, 108,
109, 110, 127, 193
Шенье А., 47, 56, 61, 71, 122, 162, 164,
175, 187	
Шкловский В.Б., 5	
Шмид В., 52, 74	

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Авторские тексты в «Современнике»	15
1.1. «Северные цветы», «Литературная газета» и «Современник» как этапы формирования издательской стратегии А. С. Пушкина..	15
1.2. Пушкинский текст как структурно-содержательная модель «Современника»	39
1.2.1. Образ издателя в пушкинском тексте.....	39
1.2.2. Жанровая организация пушкинского текста.....	49
1.2.3. Образ героя времени как фактор единства пушкинского текста.....	56
1.3. Иерархия авторских текстов в структуре «Современника».....	67
1.3.1. Принципы формирования авторских текстов в контексте пушкинского журнала.....	67
1.3.2. Тексты Н. В. Гоголя, П. А. Вяземского, В. Ф. Одоевского как идеологические центры «Современника»	77
1.3.3. Единичные публикации в контексте четырех номеров «Современника»	95
Глава 2. «Современник» как проблемно-эстетическое единство	103
2.1. Ментальный текст «Современника»	103
2.1.1. Проблема «Восток – Запад» в пространстве пушкинского журнала.....	103
2.1.2. Французский текст в пространстве пушкинского «Современника»	115
2.1.3. Место английского текста в пушкинском «Современнике»	132
2.2. Проблемно-тематические тексты «Современника»	146
2.2.1. Научно-библиографический текст.....	146
2.2.2. Историософский текст «Современника»	156
Заключение.....	174
Приложение.....	175
Указатель имен.....	189

ФРИК Татьяна Борисовна

«СОВРЕМЕННОК» А.С. ПУШКИНА КАК ЕДИНЫЙ ТЕКСТ

Монография

Редакторы

*Т.В. Зелева
О.А. Казакова*

Компьютерная верстка

О.А. Казакова

Дизайн обложки

Т.Ф. Фатеева

Подписано к печати 00.00.2008. Формат 60х84/16. Бумага «Сне-
гурочка».

Печать XEROX. Усл.печ.л. 11,16. Уч.-изд.л. 10,11.

Заказ 732-09. Тираж 500 экз.

Томский политехнический университет

Система менеджмента качества

Томского политехнического университета сертифи-
цирована

NATIONAL QUALITY ASSURANCE по стандарту ISO
9001:2008

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТПУ. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30.